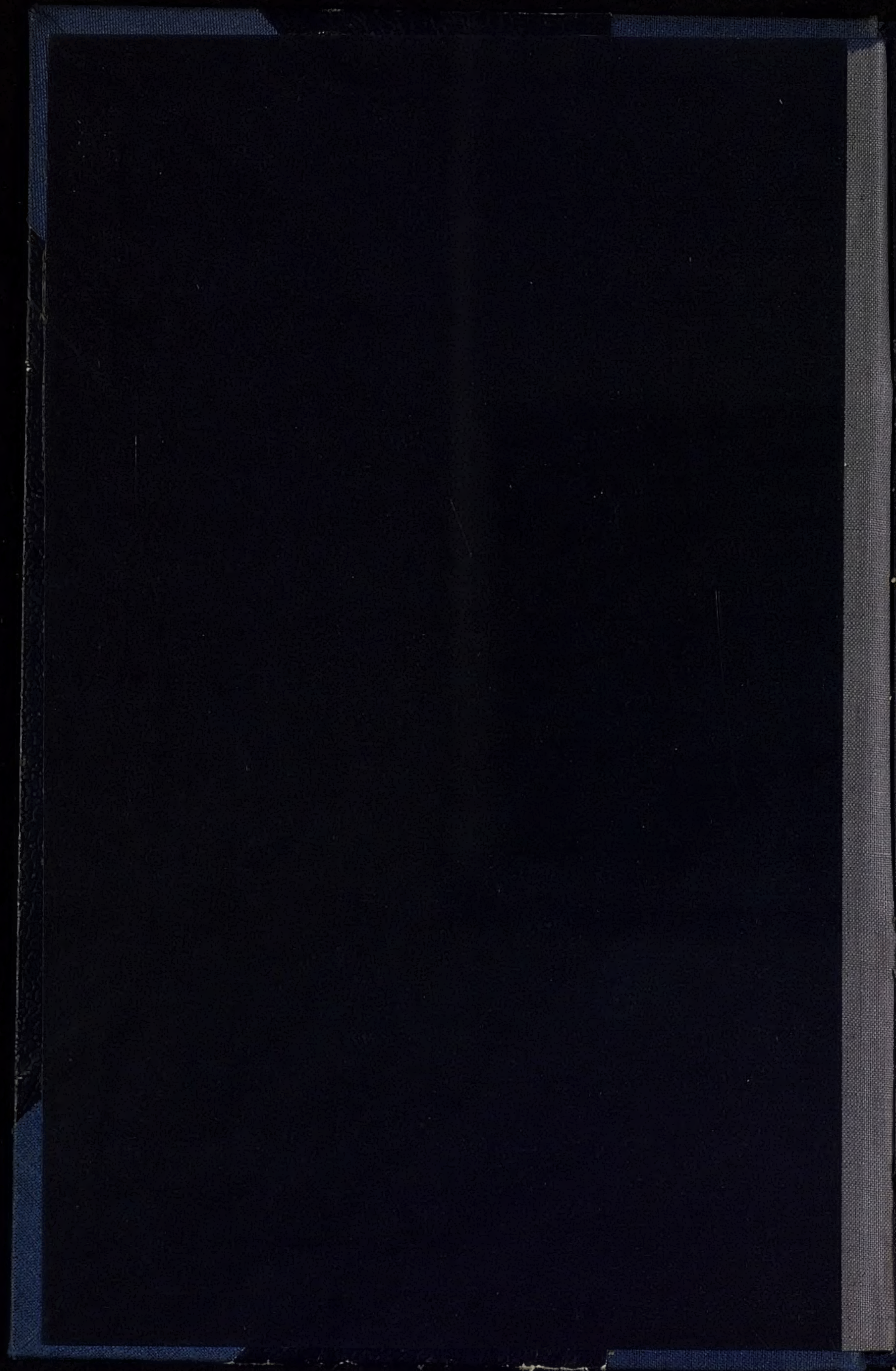
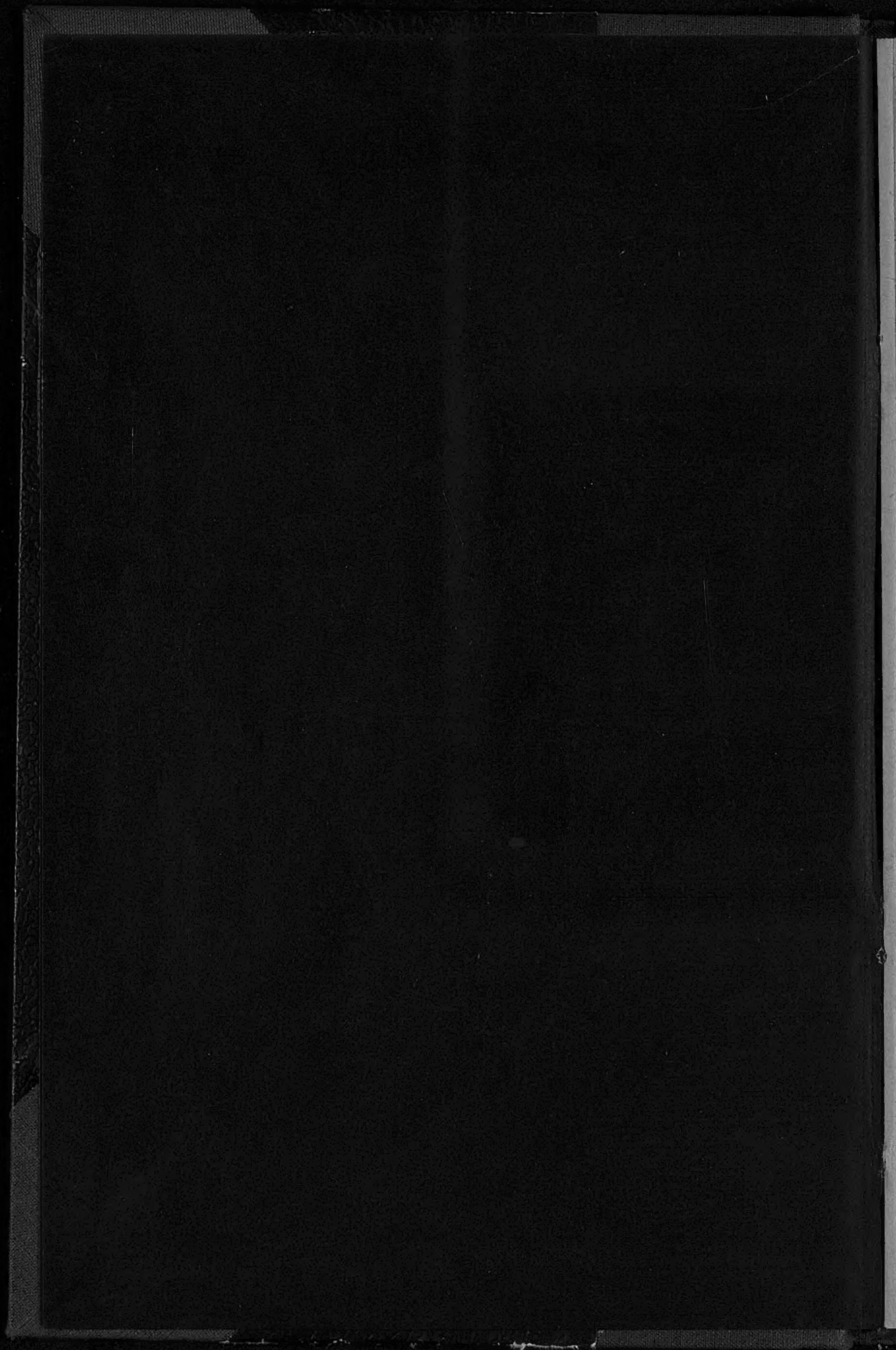
Сидоров
АГРАРНЫЙ
ВОПРОС
и Госдума

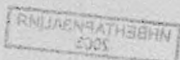

А. И. Скворцовъ
проф. Новоалександрійскаго Института Сельскаго Хозяйства и Лѣсоводства.

АГРАРНЫЙ ВОПРОСЪ
и
ГОСУДАРСТВЕННАЯ ДУМА.

Цѣна 1 руб.

С.-Петербургъ.
Типографія И. Н. Скороходова, Надеждинская, 43.
1906.

А. И. Скворцовъ

проф. Новоалександрійскаго Института Сельскаго Хозяйства и Лѣсоводства.

АГРАРНЫЙ ВОПРОСЪ

и

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ДУМА.

Цѣна 1 руб.

С.-Петербургъ.
Типографія И. Н. Скороходова, Надеждинская, 43.
1906.

И. ЛЕНИНА
№ 798
БИБЛИОТЕКА

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Въ послѣднее время такъ много появилось книгъ и брошюръ, посвященныхъ аграрному вопросу, что появленіе новой работы на ту-же тему можетъ быть оправдано только тѣмъ, что въ ней проводится новый взглядъ на вопросъ или приводятся существенно-важные факты, могущіе повліять на его рѣшеніе.

Приведенное соображеніе долго останавливало автора настоящей брошюры отъ желанія выступить съ своей работой по данному вопросу: ему казалось, что то одностороннее освѣщеніе, которое давалось вопросу въ извѣстныхъ ему работахъ, должно исчезнуть, какъ только вопросъ будетъ поставленъ въ Думѣ. Между тѣмъ, хотя нѣкоторые изъ депутатовъ и пытались дать вопросу иную постановку, но, все-же, ожиданія автора далеко не оправдались. Тогда авторъ счелъ своею обязанностью изложить тѣ мысли, которыя развиты въ настоящей брошюрѣ. При этомъ авторъ ограничилъ свою задачу выясненіемъ принципіальныхъ положеній, которыя должно имѣть въ виду при обсужденіи вопроса, отнюдь не задаваясь цѣлью предложить то или иное его рѣшеніе. Такъ какъ эти основныя положенія были совершенно игнорированы всѣми предложенными въ литературѣ и въ Государственной Думѣ проектами, то авторъ счелъ необходимымъ разобраться въ тѣхъ причинахъ, которыя привели къ такой ложной постановкѣ вопроса. Не имѣя, однако, возможности въ данный моментъ

посвятить своей работѣ достаточно времени, авторъ ограничился по отношенію къ этой второй своей задачѣ только выясненіемъ обстоятельствъ, обусловившихъ, по его мнѣнію, извѣстную постановку вопроса въ Государственной Думѣ.

Недостатокъ времени, вслѣдствіе обремененія другими неотложными работами, препятствовалъ автору обработать тему болѣе подробно и тщательно и вытекающія отсюда недостатки труда хорошо извѣстны автору. Не желая, однако, задерживать выпускъ давно уже начатой (еще до роспуска Государственной Думы) работы, авторъ рѣшается выпустить ее въ свѣтъ въ настоящемъ видѣ. Ему, конечно, ясно, что онъ не переубѣдитъ авторовъ тѣхъ или иныхъ партійныхъ проектовъ, равно какъ тѣхъ лицъ, которыя явятся его критиками, т. е. считаютъ себя спеціалистами въ области даннаго вопроса. Но онъ глубоко убѣжденъ, что въ русскомъ обществѣ, и именно въ массѣ русской интеллигенціи, получили большое распространеніе извѣстные взгляды на аграрный вопросъ только благодаря тому, что вопросъ этотъ изображали обществу въ одностороннемъ освѣщеніи, возводя частный случай въ общее правило. Этому-то широкому кругу общества авторъ и желаетъ показать ошибочность той точки зрѣнія, съ которой ему представлялся до сихъ поръ данный вопросъ. Поскольку автору удалось достигнуть поставленной имъ себѣ задачи, судить, конечно, не ему.

Авторъ.

1.

Аграрный вопросъ въ западной Европѣ и въ Россіи—это два совершенно различныхъ вопроса, хотя въ обоихъ случаяхъ рѣчь идетъ объ улучшеніи положенія земледѣльческаго населенія. Различіе прежде всего количественное, а затѣмъ и качественное. Количественно русское земледѣльческое населеніе составляетъ до даннымъ переписи 1897 года до 70% всего населенія Имперіи [1]), а въ западной Европѣ почти нигдѣ не превышаетъ 50%, а часто и значительно меньше: такъ, въ Германіи по послѣдней переписи около 40%. Уже это обстоятельство придаетъ значительныя особенности русскому аграрному вопросу сравнительно съ западно-европейскимъ. Но еще важнѣе качественное отличіе: въ западной Европѣ земледѣльческое населеніе—это собственники земли различныхъ категорій, а въ нѣкоторыхъ странахъ (Англія) главнымъ образомъ арендаторы (фермеры). Въ Россіи—это, прежде всего, такъ называемые крестьяне различныхъ наименованій, которые, въ огромномъ большинствѣ, не могутъ считаться ни собственниками тѣхъ земель, которые называются крестьянскими землями, ни арендаторами ихъ, хотя офиціальное ихъ названіе крестьяне-собственники. Формально бывшіе крѣпостные крестьяне при выходѣ на волю *выкупали землю въ собственность*; бывшіе же государственные по Положенію 1864 года признаны были просто арендаторами государственныхъ земель и только въ 1884 году переведены на выкупъ, т.-е. тоже, какъ бы превратились въ собственниковъ надѣловъ, отведенныхъ имъ въ 1864 году. Но, помимо того, что значительная часть нашего

---

[1]) Г. А. Лосицкій въ статьѣ „Этюды о населеніи Россіи" (Міръ Божій, № 8, 1905 г.) указываетъ, правда, что эта цифра слишкомъ преувеличина; но для нашей цѣли она пригодна, потому что показываетъ количество собственно крестьянскаго населенія, о которомъ и говорятъ, когда рѣшаютъ аграрный вопросъ, особенно у насъ.

крестьянства получила надѣлъ не въ единоличное и даже не въ семейное владѣніе (на дворъ), а во владѣніе общины, и уже поэтому никогда не пользовалась правомъ полной собственности на отведенную ей землю,—помимо этаго,—еще въ 1893 году изданъ законъ, которымъ положеніе не однихъ только общинныхъ, но и подворныхъ владѣльцевъ надѣльныхъ земель измѣнено въ такомъ смыслѣ, что признавать ихъ собственниками ни въ какомъ случаѣ нельзя: всѣ вообще крестьяне лишены права отчуждать надѣльныя земли, права продажи, по крайней мѣрѣ продажи кому угодно, а въ этомъ правѣ и выражается отличіе права собственности на объектъ владѣнія, сравнительно съ другими видами владѣнія. Появленіе этаго закона въ 1893 году еще могло быть объяснено опасеніемъ государства, что состоящій на земляхъ крестьянъ долгъ по выкупнымъ платежамъ признавался недостаточно обезпеченнымъ (хотя оффиціально мотивы выставлялись иные); но, послѣ того, какъ послѣдовало распоряженіе объ отмѣнѣ всѣхъ выкупныхъ платежей (на 1906 годъ въ половинной суммѣ, а съ 1907 года полностью) и, такимъ образомъ, государство приняло на себя уплату суммы, недоплаченной крестьянами за отведенную имъ въ надѣлъ землю, существованіе ограниченія права продажи надѣльныхъ земель можно объяснить только тѣмъ, что крестьяне еще въ меньшей мѣрѣ, чѣмъ прежде признаются имѣющими право собственности на надѣльныя земли. Конечно, если принять во вниманіе, что для приступившихъ къ выкупу тотчасъ по обнародованіи Положенія 19-го февраля 1861 года, срокъ послѣдняго платежа по выкупу долженъ быть уже въ 1912 году, то слѣдуетъ сказать, что государство приняло на себя уплату только нѣкоторой незначительной части долга крестьянъ за землю [1]). Однако, нужно помнить, что очень многіе изъ бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ состояли въ положеніи «временно-обязанныхъ» до 1883 года и только съ этаго времени приступили къ выкупу; для нихъ, слѣдовательно, срокъ выкупа оканчивался бы нормально только въ 1932 году; сверхъ того,

[1]) Тотъ же А. Лосицкій, въ брошюрѣ «Выкупная операція“. (Спб. 1906 г.) доказываетъ, что крестьяне уже полностью уплатили всю сумму, затраченную на выкупъ государствомъ; по его разсужденіе относится ко всей массѣ крестьянства, безъ раздѣленія на категоріи въ зависимости отъ времени начала выкупной операціи, т.-е. перехода изъ временно-обязанныхъ въ категорію „крестьянъ-собственниковъ“.

многимъ крестьянамъ неоднократно слагались или разсрочивались накоплявшіяся періодически недоимки по выкупнымъ платежамъ, потому доля участія государства въ выкупѣ все же довольно значительна по отношенію, по крайней мѣрѣ, къ нѣкоторымъ группамъ крестьянъ. Словомъ, во всякомъ случаѣ нельзя признать нашихъ крестьянъ, даже бывшихъ крѣпостныхъ, собственниками отведенныхъ имъ земель по праву покупки: развѣ, что мы признаемъ, что цѣна этихъ земель оплачена работой ихъ отцовъ въ пользу помѣщиковъ. Но и это относится только къ бывшимъ крѣпостнымъ: бывшіе же государственные крестьяне получили свои земли просто по праву захвата и только ограничены въ своемъ владѣніи государственной властью.

Эта юридическая сторона дѣла представляетъ чисто-русскую особенность, ибо въ западной Европѣ, какъ извѣстно, если бывшіе крѣпостные крестьяне и пользовались кое-гдѣ пособіемъ правительства при покупкѣ земли, то исключительно въ видѣ кредита и ни о какомъ захватномъ владѣніи тамъ нигдѣ не сохранилось даже преданій.

Необходимо, однако, оговориться: говоря о Россіи и выставляя указанныя выше особенности крестьянскаго землевладѣнія, мы становимся отчасти на ту точку зрѣнія, на которой обыкновенно стоятъ представители почти всѣхъ русскихъ партій; и кадеты, и соціалъ-народники, и соціалъ-демократы (русскіе), въ сущности, говоря о Россіи, и въ особенности, объ аграрномъ вопросѣ, имѣютъ въ виду только нѣкоторую часть Россіи въ политическомъ смыслѣ: обыкновенно игнорируется положеніе не только такихъ своеобразныхъ окраинъ, какъ Финляндія и Кавказъ, но и такихъ областей, какъ Царство Польское и Прибалтійскій, сѣверо-западный и въ значительной степени юго-западный край и Малороссія. Словомъ, принимается во вниманіе только центральная великорусская и большая часть восточной области до Уральскихъ горъ, такъ какъ почти только къ этимъ послѣднимъ областямъ и относятся всѣ или наибольшая часть указанныхъ нами выше юридическихъ особенностей русскаго крестьянскаго землевладѣнія. Какъ только мы выйдемъ изъ этихъ границъ,—спустимся, напримѣръ, просто въ Малороссію,—мы уже не встрѣчаемъ нѣкоторыхъ чрезвычайно характерныхъ для очерченной выше области чертъ крестьянскаго землевладѣнія, напримѣръ, общины. Общинное землевладѣніе начинаетъ уступать мѣсто по-

дворному уже въ Бѣлоруссіи, и оно совсѣмъ не встрѣчается на западъ отъ послѣдней (въ Литвѣ, Прибалтійскомъ краѣ и Польшѣ).

Но слагающія Россію области, уже въ силу обширности страны, различаются и по географическому положенію, а потому и по значенію земледѣльческаго промысла для населенія и по техническимъ и экономическимъ условіямъ веденія земледѣльческаго хозяйства: вѣдь въ предѣлахъ только Европейской Россіи, даже исключая крайній сѣверъ ея, мы имѣемъ области съ вегетаціоннымъ періодомъ не свыше 100 дней (Вологодская губ.), и съ таковымъ же до 300 (Крымъ); имѣемъ области глубоко-континентальныя (Уфа, Оренбургъ и проч.) и приморскія (черноморская и прибалтійская области).

И соотвѣтственно географическому положенію и климатическимъ особенностямъ различныхъ областей и историческое прошлое ихъ крайне разнообразно, что проявляется и въ развитіи промышленности, и въ густотѣ населенія ихъ, и въ значеніи для каждой изъ нихъ земледѣльческаго промысла и въ самой возможности обезпеченія большей или меньшей степени благосостоянія населенія доходами отъ земледѣлія.

Между тѣмъ, все указанное разнообразіе условій, можно сказать, совершенно игнорируется при обсужденіи аграрнаго вопроса, и такимъ игнорированіемъ грѣшатъ чуть ли не всѣ партіи, поскольку онѣ, по крайней мѣрѣ, были представлены въ первой русской Государственной Думѣ. Въ этомъ случаѣ наши либеральные думцы всѣхъ оттѣнковъ повторяютъ ошибки бюрократіи, которую они такъ поносятъ: какъ бюрократія стремилась всегда всѣ народности и районы Россіи,—занимающей чуть не треть европейско-азіатскаго материка,—подвести подъ одну шапку, выражая это стремленіе въ такъ называемой руссификаціи, отъ которой особенно страдали окраины,—такъ и наши либералы (кадеты, какъ и трудовики,—и трудовики, какъ и соціалисты) желаютъ разрѣшить аграрный вопросъ однимъ взмахомъ пера, по одной мѣркѣ для всѣхъ. Какъ извѣстно, чуть не всѣ разсужденія по аграрному вопросу, особенно появившіяся въ послѣднее время, начинаются съ выставленія положенія, что крестьянство наше страдаетъ отъ малоземелья. Этотъ пунктъ признается внѣ спора и его, чаще всего, не считаютъ нужнымъ даже доказывать, а только стремятся указать способы устраненія происходящихъ отъ сего бѣдствій. При этомъ даже не справляются съ

фактами, которые характеризуютъ стремленія крестьянъ. Между тѣмъ, уже характеръ аграрныхъ движеній въ различныхъ областяхъ и самая интенсивность таковыхъ должны-бы, кажется, навести на мысль, что такое шаблонное рѣшеніе должно, по меньшей мѣрѣ, подлежать значительнымъ поправкамъ. Дѣйствительно, аграрные безпорядки въ той или иной формѣ были за послѣднее время въ очень многихъ областяхъ, но выражались они весьма различно. Если всмотрѣться въ то, что происходило въ Польшѣ и вообще въ западныхъ губерніяхъ (исключая прибалтійскаго края, гдѣ борьба происходитъ на иной почвѣ), то мы замѣтимъ, что аграрные безпорядки этой полосы носятъ характеръ недовольства батраковъ и наемныхъ рабочихъ вообще и, по существу выставляемыхъ демонстрантами требованій, эти безпорядки совершенно тождественны съ рабочимъ движеніемъ въ городахъ: рѣчь идетъ ни больше, ни меньше, какъ объ увеличеніи вознагражденія и объ улучшеніи обстановки рабочихъ, *но никакого требованія увеличенія площади землевладѣнія со стороны крестьянъ совсѣмъ не замѣчается.* Это, словомъ, не движеніе крестьянъ, самостоятельныхъ-хозяевъ, а движеніе батраковъ и наемныхъ рабочихъ, требованія которыхъ совершенно однородны съ требованіями городского пролетаріата. Но и въ юго-западной и вообще малорусской области,—требованія, предъявляемыя крестьянами, сводились чаще къ увеличенію рабочей платы или къ сохраненію всей работы, предлагающейся крупнымъ хозяйствомъ, за мѣстнымъ населеніемъ, вмѣсто призыва рабочихъ со стороны; требованіе же о передачѣ земли являлось исключеніемъ. При этомъ послѣднее требованіе чаще ставилось въ мѣстностяхъ, гдѣ хозяйство въ крупныхъ имѣніяхъ ведется экстенсивно (напримѣръ, въ Полтавской и частью Харьковской губ.), тогда какъ въ районахъ съ интенсивнымъ крупновладѣльческимъ хозяйствомъ (напримѣръ свеклосахарнымъ) подобныя требованія почти не имѣли мѣста. Наконецъ и вообще въ нечерноземныхъ мѣстностяхъ, особенно съ болѣе развитой промышленностью (Московская, Владимірская, Ярославская и другія губерніи) аграрные безпорядки не получили такого развитія, какъ на черноземѣ, и частью совсѣмъ не проявлялись.

На сколько велико различіе между чисто русскими и хотя-бы напримѣръ польскими условіями, можетъ свидѣтельствовать статья г. Кржпвицкаго «Положеніе крестьянъ въ Царствѣ Польскомъ»

появившаяся въ Русскихъ Вѣдомостяхъ. Хотя авторъ и заявляетъ съ самаго начала свое сочувствіе увеличенію землевладѣнія крестьянъ въ Царствѣ Польскомъ и тщательно высчитываетъ затѣмъ, сколько находится въ Польшѣ малоземельныхъ и безземельныхъ и сколько для нихъ потребуется прирѣзать земли до скромнаго надѣла въ 5 десятинъ на семью, но, получивъ въ итогѣ необходимой прирѣзки 1900000 десят., тогда какъ всей земли, за исключеніемъ лѣсовъ, по его даннымъ насчитывается въ частномъ владѣніи всего 2372660 десятинъ, авторъ приходитъ къ выводу, что «осуществленіе реформы... предвѣщаетъ для Царства Польскаго совершенную соціальную революцію». Это обстоятельство, прибавляетъ авторъ, «поведетъ къ тому, что реформа встрѣтитъ въ Царствѣ Польскомъ болѣе энергичное сопротивленіе, чѣмъ въ другихъ областяхъ государства». Излагая, въ заключеніе, тѣ пункты, которые должны быть приняты во вниманіе при проведеніи реформы, онъ находитъ, что проведеніе реформы «Думѣ придется поручить органамъ мѣстнаго самоуправленія» и въ Царствѣ Польскомъ всѣ рѣшительно заявляютъ, что только «мѣстными силами можетъ быть осуществлена реформа». Далѣе онъ находитъ, что въ виду того, что въ Польшѣ преобладаетъ типъ хозяйства въ 200—150 десят, «частные землевладѣльцы оказываютъ на общественное мнѣніе большое вліяніе», очевидно, благодаря значительной своей численности. Къ тому-же общественное мнѣніе пріучено «вѣковой традиціей къ культу неприкосновенности частной собственности; кромѣ того фольварки (т.-е. частные владѣльцы) будутъ имѣть на своей сторонѣ разряды зажиточныхъ крестьянъ, какъ это было во время забастовокъ сельскохозяйственныхъ рабочихъ». Но еще болѣе: «даже бѣднѣйшіе и пролетарскіе элементы деревни до сихъ поръ пассивно относились къ требованію земли». Это обстоятельство авторъ старается объяснить «отчасти» тактикой партій, изъ которыхъ «крайнія», *«считаясь съ наличными условіями»*, (курсивъ мой А. С.) организовали наемниковъ для борьбы за лучшій заработокъ», отчасти же тѣмъ, что «сельское населеніе также привыкло къ культу частной собственности и ея неприкосновенности. Лозунгъ русскаго крестьянства: «Воли и земли» не проникъ до сихъ поръ въ широкіе слои нашего крестьянства» прибавляетъ авторъ.

Но, говоря о Польшѣ и сѣверозападномъ (литовскомъ) районѣ,

можно, пожалуй, предположить что болѣе слабое проявленіе требованій крестьянъ объ отводѣ имъ земли есть слѣдствіе специфическихъ политическихъ условій этихъ мѣстностей и что аграрные безпорядки не развились здѣсь потому, что своевременно подавлялись администраціей, пользующейся болѣе обширными, чѣмъ гдѣ-либо въ иныхъ районахъ Россіи, полномочіями. Однако, такое толкованіе едва-ли допустимо, особенно въ виду того, что явленія эти носятъ массовый характеръ, да, къ тому-же, административное воздѣйствіе и въ другихъ областяхъ никакъ нельзя признать недостаточнымъ. Причины различія требованій крестьянъ различныхъ областей лежатъ гораздо болѣе глубоко и мы попытаемся выяснить ихъ.

II.

Если формулировать рѣзко требованія крестьянъ черноземныхъ (главнымъ образомъ) районовъ относительно земли, то они могутъ быть выражены такъ: раздѣлъ всѣхъ частновладѣльческихъ и казенныхъ, вообще некрестьянскихъ, крупныхъ и мелкихъ (безразлично),—*барскихъ*, земель между крестьянами, оставляя въ лучшемъ случаѣ въ пользованіи «господъ» такой-же крестьянскій участокъ, съ котораго можно прокормиться, полагая что работа будетъ производиться самимъ владѣльцемъ. Такое требованіе, по существу, мало чѣмъ отличается отъ того, что разумѣлось въ недавнее время подъ именемъ чернаго передѣла. Но мысль о таковомъ могла сохраниться и дѣйствительно сохранилась только въ районахъ господства общиннаго землевладѣнія, и вообще тамъ, гдѣ дифференціація,—разслоеніе крестьянства находится еще на очень низкомъ уровнѣ. Тамъ-же, гдѣ искони или сравнительно очень давно,—какъ въ Польшѣ и въ мѣстностяхъ съ подворнымъ владѣніемъ вообще, — крестьяне являются единоличными собственниками и при этомъ всегда—владѣльцами, а не пользователями участковъ, крайне разнообразныхъ по величинѣ,—не существуетъ такой солидарности интересовъ отдѣльныхъ представителей крестьянскаго сословія, какую по крайней мѣрѣ de jure — должна осуществлять община,—тамъ и не можетъ быть предъявлено крестьянствомъ такое требованіе, какъ раздѣлъ земли по ровну или,—какъ выражаются представители разныхъ партій, раздѣлъ земли въ видахъ уравнитель-

наго землепользованія по душамъ или вообще «равномѣрно», или «по продовольственной нормѣ», какъ говорятъ другіе. Естественно, что въ районахъ подворнаго владѣнія такое стремленіе къ передѣлу можетъ быть развѣ-что у наиболѣе обдѣленныхъ или совсѣмъ безземельныхъ. Факты, однако, показываютъ, что даже среди послѣднихъ группъ такого стремленія нѣтъ. Кромѣ указаннаго выше характера мѣстныхъ (напр. польскихъ) аграрныхъ движеній, объ этомъ свидѣтельствовали и делегаты всѣхъ западныхъ районовъ уже на 3-мъ съѣздѣ кадетовъ (См. Русск. Вѣд. № 114. 1906 г.), говоря, что въ этихъ районахъ крестьяне совершенно не понимаютъ національзаціи и стремятся получить землю въ личную собственность. Этаго, конечно, и слѣдовало ожидать на основаніи вышеприведенныхъ теоретическихъ соображеній.

Можно, однако, не рискуя ошибиться, утверждать, что и самое требованіе объ увеличеніи земельныхъ надѣловъ, предъявляемое крестьянами западной полосы, должно считаться въ значительной мѣрѣ навѣяннымъ (какъ недвусмысленно указываетъ на это г. Крживицкій въ цитированной выше статьѣ). Нужно замѣтить, что если гдѣ въ Россіи существуетъ прочно организованная соціалистическая партія, то это, безъ сомнѣнія, въ Польшѣ, главнымъ образомъ, и вообще въ западной полосѣ,—въ такъ называемой чертѣ еврейской осѣдлости. Причины этаго явленія опять совершенно ясны теоретически. Не говоря о географической близости этой полосы къ западной Европѣ и въ частности, особенно, къ Германіи съ ея развитымъ соціалъ демократизмомъ,—этому содѣйствуютъ еще нѣсколько причинъ. Во-1-хъ, въ значительной части края развита фабричная и вообще крупная промышленность и существуютъ такіе промышленные центры, въ которыхъ промышленность первоначально основалась за счетъ нѣмецкихъ капиталовъ и, что еще важнѣе въ данномъ случаѣ, при помощи привезенныхъ изъ Германіи-же рабочихъ (Лодзь, Згержъ, Сосновицы и пр.). Среди этихъ иммигрантовъ-рабочихъ были, конечно, съ самаго начала представители соціалистической партіи, которые и ознакомили мѣстныхъ рабочихъ съ соціалистическимъ ученіемъ. Во-2-хъ, присутствіе въ населеніи значительнаго процента евреевъ также содѣйствовало ознакомленію съ соціалистическими ученіями. Евреи, вѣдь, по существу, горожане, при томъ въ главной массѣ пролетаріи. Имѣя въ сосѣднихъ гер-

манскихъ (и австрійскихъ) областяхъ значительное число соплеменниковъ, евреи сдѣлались естественными посредниками въ сношеніяхъ смежныхъ странъ и частью усвоили непосредственно, путемъ этихъ сношеній, теоріи, исповѣдуемыя нѣмецкимъ пролетаріатомъ, частью передавали (путемъ контрабанды) массу пропагандирующихъ эти теоріи изданій. Конечно, соціалистическія ученія распространялись и усвоялись главнымъ образомъ городскимъ пролетаріатомъ; но наличность во всемъ этомъ краѣ небольшихъ, населенныхъ промышленнымъ,—въ значительной мѣрѣ еврейскимъ, населеніемъ, посадовъ, окруженныхъ, благодаря густотѣ населенія, плотнымъ кольцомъ крестьянскихъ поселковъ, содѣйствовало тому, что эти ученія легко проникали и въ сельское, земледѣльческое—собственно, населеніе. Распространеніе-же соціалистическихъ теорій запада,—особенно Германіи,—не могло служить факторомъ, вызывавшимъ въ западномъ крестьянствѣ требованіе расширенія его землевладѣнія, такъ какъ эти ученія до послѣдняго времени совершенно игнорировали аграрный вопросъ, да и сами по себѣ лишены того анархическаго привкуса, который свойственъ русскому соціализму, подъ вліяніемъ котораго, безъ сомнѣнія, требованія этого рода, предъявляются и несоціалистическими партіями въ Россіи. Въ западной полосѣ эти требованія сдѣлались извѣстными только въ самое послѣднее время и, въ силу указанныхъ выше причинъ, это не были требованія литовскаго и польскаго крестьянства въ цѣломъ, а только наиболѣе обдѣленной его массы. Но, помимо того, что требованіе это является навѣяннымъ, оно, какъ видно напримѣръ изъ статьи Крживицкаго, носитъ и совершенно иной характеръ: здѣсь категорически заявляютъ о желаніи получить землю въ полную *частную собственность* и ни о какомъ *огосударствленіи* или *націонализаціи землевладѣнія, даже въ размѣрахъ вновь создаваемыхъ дополнительныхъ надѣловъ, не можетъ быть и рѣчи.* Мы подчеркиваемъ это обстоятельство, именно потому, что такой постановкой дѣла характеръ мѣропріятія совершенно измѣняется: тогда какъ въ центральной Россіи,—при условіи неотчуждаемости и временности владѣнія надѣломъ, по крайней мѣрѣ въ размѣрѣ новой нарѣзки его,—еще можетъ идти рѣчь о томъ, что этой мѣрой стараются достигнуть обезпеченія необходимыхъ средствъ существованія бѣднѣйшей части земледѣльческаго населенія,—здѣсь, въ польско-литовской, да и въ эсто-латышской области

такое толкованіе этой мѣры было-бы слишкомъ очевидной и грубой натяжкой. Здѣсь она свелась-бы къ тому, что крупные владѣльцы [1]) должны уступить большую или меньшую часть своей земли мелкимъ владѣльцамъ, которые, однако, совсѣмъ не обязаны лично воздѣлывать ее, а могутъ, будучи полными собственниками, просто перепродать ее въ другія руки. Послѣднее, безъ сомнѣнія, во многихъ или даже въ большинствѣ случаевъ будетъ чрезвычайно выгодно, ибо, вѣдь экспропріировать частновладѣльческую землю предполагается или совсѣмъ безвозмездно или по умѣренной цѣнѣ, т. е., въ видѣ правила, значительно ниже рыночныхъ цѣнъ на землю, и по этой-же пониженной цѣнѣ или даромъ земля будетъ передана мелкимъ владѣльцамъ. Но если послѣдніе въ правѣ продать эту землю тотчасъ по повышенной цѣнѣ, то какъ назвать такое отношеніе къ частной собственности прежнихъ владѣльцевъ? [2]).

III.

Изъ всего сказаннаго до сихъ поръ мы дѣлаемъ выводъ, что увеличеніе крестьянскаго землевладѣнія отнюдь не можетъ быть мѣрой, которая должна быть распространена на всю Россію, уже потому, что въ нѣкоторыхъ, притомъ очень значительныхъ областяхъ, она не можетъ быть даже названа аграрнымъ мѣропріятіемъ, а была бы ничѣмъ не оправдываемой передачей капитала изъ однихъ рукъ въ другія. Чтобы установить тѣ мѣропріятія аграрной политики, помощію которыхъ можетъ быть поднято благосостояніе земледѣльческаго населенія даннаго района, необходимо исходить изъ тѣхъ условій, въ которыхъ находится земледѣльческій промыселъ района.

Выше мы замѣтили, что важнѣйшимъ факторомъ, обусловливающимъ положеніе земледѣльческаго промысла въ странѣ слѣ-

---

[1]) Говорю... крупные владѣльцы, разумѣя частныхъ владѣльцевъ, ибо здѣсь государственныхъ и удѣльныхъ земель почти нѣтъ.

[2]) Сказанное въ текстѣ было уже написано, когда (въ № 134-мъ Русск. Вѣд.) появилась статья г. Имшенецкаго „Въ защиту государственнаго земельнаго фонда", въ которой онъ, въ числѣ аргументовъ въ пользу этаго фонда, выставляетъ также несообразность передачи въ собственность земель, отчуждаемыхъ принудительно у частныхъ владѣльцевъ.

дуетъ считать *ея географическое положеніе, которымъ опредѣляются не только климатическія, но въ значительной мѣрѣ и почвенныя и даже экономическія условія страны.* Положеніе это мы могли бы подтвердить (если оно только нуждается въ такомъ подтвержденіи) массой историческихъ справокъ. Но это слишкомъ отвлекло бы насъ въ сторону; поэтому, отсылая скептиковъ къ указаннымъ въ выноскѣ сочиненіямъ [1]), мы здѣсь только иллюстрируемъ это положеніе сравненіемъ различныхъ областей русскаго государства. Такъ какъ мы уже говорили о Польшѣ и вообще о западной окраинѣ Россіи, то и начнемъ съ запада.

Замѣтимъ, прежде всего, что для русскихъ условій западное положеніе равнозначуще большей близости къ морю, а послѣднее обстоятельство обозначаетъ и большую влажность климата, сравнительно, напр. съ типично-русскими областями средней Россіи, особенно Россіи черноземной. Исторія показываетъ, что такія области всегда и вездѣ заселялись ранѣе странъ степныхъ и полустепныхъ, каковыми слѣдуетъ считать всю нашу черноземную, какъ центральную, такъ еще болѣе восточную и юго-восточную область.

Уже этотъ, подтверждаемый для нашего случая несомнѣнными историческими свидѣтельствами, фактъ далъ возможность какъ самому населенію, такъ и техникѣ земледѣлія ранѣе достигнуть извѣстной культурной ступени. Наша офиціальная статистика, сообщающая намъ данныя о состояніи земледѣльческой культуры 20 лѣтъ назадъ, конечно, недостаточно рѣзко подчеркиваетъ это различіе земледѣльческой культуры западнаго района сравнительно съ смежными на востокъ районами Россіи. Однако, и въ ней уже можно найти данныя, указывающія эти особенности. Но мы не будемъ, все же, приводить здѣсь этихъ данныхъ, полагая, что для людей, сколько-нибудь интересовавшихся вопросомъ, указываемый фактъ представляется совершенно безспорнымъ. (Пишущій эти строки, проживая въ предѣлахъ Царства Польскаго почти четверть вѣка и интересуясь положеніемъ мѣстнаго земледѣльческаго хозяйства, не можетъ припомнить случая, когда ему приходилось бы слышать о существованіи въ данномъ районѣ, не

---

[1]) Положеніе это выставлено мною еще въ сочиненіи: „Вліяніе парового транспорта на сельское хозяйство". (Варшава. 1890 г.). Но гораздо болѣе рѣзко оно формулировано въ моей „Экономикѣ Земледѣлія". (Спб. 1901—1903 гг.).

только въ крупныхъ, но и мелкихъ крестьянскихъ хозяйствахъ классической трехполки, являющейся и до сихъ поръ преобладающей системой полеводства во всей обширной черноземной и нечерноземной центральной полосѣ Россіи). Но, если земледѣльческая культура стоитъ въ польско-литовской области выше, чѣмъ въ чисто русской (особенно великорусской), то это значитъ, что и доходность земледѣльческаго хозяйства уже по этой причинѣ здѣсь выше. Послѣдняя, однако, повышается и другими условіями мѣстнаго хозяйства, на первомъ мѣстѣ климатическими. Вѣдь, если вообще принято говорить, что климатъ Россіи — континентальный, сухой, съ рѣзкими переходами отъ зимы къ лѣту и обратно,—то это вполнѣ вѣрно именно только для малокультурной центральной, восточной и юго-восточной областей Россіи, и въ гораздо меньшей мѣрѣ можетъ быть относимо къ той западной полосѣ, о которой мы говоримъ; ибо во 1-ыхъ: количество осадковъ здѣсь почти безъ исключенія всегда достаточно и въ среднемъ значительно выше, чѣмъ въ восточной и центральной полосѣ (примѣрно въ отношеніи 550 до 600 къ 350—400 миллиметрамъ годовыхъ осадковъ); во 2-хъ, зимы здѣсь далеко нельзя назвать суровыми вообще и во всякомъ случаѣ онѣ гораздо менѣе суровы, чѣмъ далѣе вглубь континента и, вмѣстѣ съ тѣмъ, вегетаціонный періодъ значительно длиннѣе, чѣмъ въ областяхъ, лежащихъ на той же параллели, но болѣе восточныхъ. Эти два условія создаютъ часто возможность культуры такихъ растеній, которыя не могутъ произрастать въ болѣе восточныхъ областяхъ (напр. озимый рапсъ и даже озимая пшеница или сахарная свекла). Насколько эти условія измѣняютъ доходность земли, можетъ показать тотъ фактъ, что въ западныхъ губерніяхъ, лежащихъ не сѣвернѣе гродненской, луга и клеверные посѣвы даютъ два укоса въ лѣто, причемъ клеверъ даетъ въ годъ обычно не менѣе 300 пудовъ, а въ благопріятные годы до 400 пудовъ сѣна съ десятины; въ болѣе же восточныхъ областяхъ взять два укоса клевера никогда не удается и въ лучшемъ случаѣ онъ даетъ, по свидѣтельству извѣстнаго знатока русскаго хозяйства, И. А. Стебута,—до 250 пудовъ съ десятины въ нечерноземной и не свыше 200 пудовъ въ черноземной центральной Россіи; а еще далѣе на югъ или востокъ отъ центральной черноземной области онъ совсѣмъ не можетъ культивироваться. Вмѣстѣ съ тѣмъ, болѣе длинное лѣто дѣлаетъ и пастбищный періодъ болѣе продолжи-

тельнымъ. Конечно, всѣ перечисленныя условія болѣе благопріятствуютъ производству кормовыхъ матеріаловъ, а слѣдовательно, развитію скотоводства, особенно, въ видѣ молочнаго скотоводства, а также культурѣ нѣкоторыхъ техническихъ растеній; и наоборотъ, тѣже условія нѣсколько менѣе благопріятны для культуры зерновыхъ (хлѣбныхъ, масличныхъ и т. п.) растеній, которыя нерѣдко страдаютъ качественно, вслѣдствіе изобилія влаги въ періодъ уборки зерна. Однако, эти невыгоды въ производствѣ зерна съ избыткомъ компенсируются выгодами иного рода. Съ одной стороны, количественно урожаи зерновыхъ растеній здѣсь въ среднемъ выше, чѣмъ на востокѣ, съ другой — благопріятныя для скотоводственнаго хозяйства естественныя условія даютъ возможность, во 1-хъ, держать большее количество скота на данной площади и, слѣдовательно, имѣть въ распоряженіи болѣе удобрительнаго матеріала (навоза), содѣйствующаго повышенію урожаевъ всѣхъ растеній; во 2-хъ, получать большой доходъ непосредственно отъ скотоводства. Послѣднее обусловливается не только наличностью благопріятныхъ естественныхъ условій, но еще болѣе экономическими условіями. Какъ было уже сказано, здѣсь довольно сильно развита промышленность и городская жизнь и, если города по большей части не принадлежатъ къ крупнымъ, то, все же, таковые среди нихъ не вполнѣ отсутствуютъ (Варшава, Лодзь, Вильно), да къ тому же число городовъ значительно и они разсѣяны очень густо по территоріи страны и если, слѣдовательно, районъ, снабжающій каждый городъ не можетъ имѣть особенно большого радіуса, то, взамѣнъ того, число подгородныхъ районовъ будетъ велико, а при этомъ условіи, какъ доказано еще Тюненомъ (въ 1829 году), хозяйства на всей территоріи страны будутъ вестись въ среднемъ гораздо болѣе интенсивно, чѣмъ при существованіи одного, хотя бы и очень крупнаго, центральнаго города среди большой равнины, лишенной другихъ рынковъ для продуктовъ земледѣлія. Всякое же городское населеніе (какъ указано также еще Тюменомъ), по отношенію къ окружающей его земледѣльческой территоріи, играетъ роль рынка для сбыта объемистыхъ, быстро портящихся продуктовъ — огородничества, садоводства и скотоводства (изъ послѣднихъ особенно свѣжаго молока и мяса), — нѣкоторыхъ продуктовъ птицеводства (яйца) и т. п.

Но выше мы указали, что мѣстныя климатическія условія

разсматриваемаго района благопріятствуютъ именно молочному скотоводству; и тѣ-же условія содѣйствуютъ процвѣтанію огородничества и садоводства, для которыхъ мягкій и влажный климатъ является весьма желательнымъ. Къ этому слѣдуетъ прибавить, что всѣ названныя отрасли сельскохозяйственнаго производства ведутся съ несравненно бо́льшимъ успѣхомъ въ мелкихъ, чѣмъ въ крупныхъ хозяйствахъ. Въ частности-же огородничество и садоводство принадлежатъ къ числу отраслей не только допускающихъ, но и требующихъ наивысшей въ сельскомъ хозяйствѣ интенсивности. А это значитъ, что онѣ дозволяютъ получать съ единицы площади наибольшее по цѣнности количество продукта, иначе говоря—наивысшій валовой доходъ. Конечно, высокій валовой доходъ еще не указываетъ на выгодность хозяйства. Однако, если мы примемъ во вниманіе, что расходъ въ сельскомъ хозяйствѣ вообще, особенно въ такихъ отрасляхъ его, какъ огородничество и садоводство, а также и молочное хозяйство (по крайней мѣрѣ въ наиболѣе интенсивной формѣ его,—подгородняго молочнаго хозяйства)—слагается въ наибольшей мѣрѣ изъ рабочей платы, которая при работѣ самого крестьянина земледѣльца совсѣмъ не выплачивается,—если мы примемъ это во вниманіе, то окажется, что въ данномъ случаѣ валовой доходъ едва-ли даже не важнѣе, чѣмъ чистый доходъ. Но и чистый доходъ, доставляемый такими высокоинтенсивными отраслями какъ названныя, обычно очень значителенъ. А это значитъ, что въ этихъ отрасляхъ производства трудъ крестьянина, во-1-хъ, въ силу высокой интенсивности, можетъ или, вѣрнѣе, долженъ концентрироваться на небольшой площади, а во-2-хъ, вознаграждается выше, чѣмъ въ другихъ отрасляхъ, что указывается высокимъ чистымъ доходомъ.

Сказанное показываетъ, что въ западной полосѣ, въ очерченныхъ нами предѣлахъ, всѣ естественныя и экономическія условія благопріятствуютъ процвѣтанію крестьянскаго хозяйства не смотря на обычную здѣсь бѣдность почвы.

Совсѣмъ не то мы найдемъ, если разсмотримъ положеніе великорусскаго крестьянина, особенно крестьянина черноземной полосы. Въ самомъ дѣлѣ: спустившись по меридіану хотя-бы Москвы южнѣе параллели Тулы или Рязани, мы, на всемъ обширномъ пространствѣ, лежащемъ на востокъ (а отчасти и на западъ) отъ указаннаго меридіана, почти вплоть до южныхъ

предѣловъ Европейской Россіи (морей Чернаго и Каспійскаго) имѣемъ передъ собою сухую открытую равнину, населенную почти исключительно земледѣльческимъ населеніемъ, сконцентрированнымъ большею частью въ огромныя села, отдѣленныя одно отъ другого цѣлыми десятками верстъ совершенно открытой площади или сплошь распаханной, или заросшей чахлой, сухой, часто негодной въ кормъ скоту травой, съ очень небольшими только оазисами, тоже большею частью чахлыхъ, малоцѣнныхъ лѣсовъ и лѣсныхъ зарослей. Почва здѣсь, по принятой въ учебникахъ географія номенклатурѣ, называется очень плодородной и даетъ и теперь еще иногда, а въ прежнее время давала (по преданію, по крайней мѣрѣ), гораздо чаще такъ называемые обломные урожаи хлѣбнаго зерна. Но этой способностью производить (при благопріятныхъ, замѣтимъ, условіяхъ) значительные урожаи доброкачественнаго хлѣбнаго зерна, можно сказать, и ограничивается достоинство почвъ района. Точнѣе говоря, производительность ихъ по отношенію къ другимъ группамъ сельскохозяйственныхъ растеній опредѣляется уже не качествами самихъ почвъ, а остальными естественными и экономическими условіями района. Понижающимъ производительность почвъ факторомъ является, прежде всего, сухость климата или, вѣрнѣе, континентальность его, которая обусловливаетъ нестолько абсолютный недостатокъ влаги, сколько неравномѣрность распредѣленія ея (ливни, снѣжныя мятели, засухи), равно какъ быстрыя колебанія температуры, недостаточную обезпеченность зимняго покрова (препятствующую, между прочимъ, разведенію озимой пшеницы, озимаго рапса) и т. п. Экономическія-же условія здѣсь, можно сказать, совершенно противоположны экономическимъ условіямъ западнаго района: въ послѣднемъ, какъ мы видѣли, процвѣтанію мелкихъ, крестьянскихъ хозяйствъ благопріятствуетъ значительное развитіе промышленной дѣятельности, наличность относительно большого процента городскаго населенія, создающаго своимъ спросомъ рынокъ для продуктовъ, производимыхъ съ наибольшею выгодою именно въ мелкихъ, крестьянскихъ хозяйствахъ, каковы: молоко, масло, огородныя овощи, яйца и вообще продукты птицеводства, въ числѣ отраслей котораго крупную роль играетъ разведеніе водной птицы (гусей и утокъ), каковую можно разводить въ сколько нибудь замѣтномъ, вліяющемъ на доходы хозяйствѣ размѣрѣ только въ немногихъ, болѣе благопріятно расположенныхъ мѣст-

ностяхъ центральной полосы и которая все болѣе теряетъ значеніе по мѣрѣ удаленія на востокъ и на югъ. Словомъ, крестьянинъ центральной и еще болѣе восточной полосы долженъ и можетъ производить только зерно, почти исключительно хлѣбное, и не имѣетъ никакихъ иныхъ доходовъ, кромѣ дохода отъ продажи избытка урожая зерна; тогда какъ западный крестьянинъ, часто совсѣмъ не продавая хлѣба, а имѣя всегда почти избытокъ молока, масла, яицъ и продуктовъ птицеводства вообще (кромѣ птицы—пухъ и перо), или откормивъ на избыткѣ полученнаго съ поля картофеля—свинью, и т. п., можетъ покрыть этими доходами всю свою потребность въ деньгахъ. Къ тому-же и зимой западный крестьянинъ легко находитъ заработокъ, если не на фабрикѣ или въ мастерской, то въ сосѣднемъ лѣсу. Восточный-же крестьянинъ лишенъ и зимняго заработка: въ окрестностяхъ лѣса нѣтъ; фабрики на столько отдалены отъ него, что онъ часто съ трудомъ представляетъ себѣ, что это за учрежденіе, а то и просто не имѣетъ о немъ ни малѣйшаго представленія. Слѣдуетъ, наконецъ, прибавить, что западный крестьянинъ, хотя и не получаетъ обломныхъ урожаевъ, но на опредѣленный средній урожай съ своихъ полей можетъ разсчитывать съ несравненно большей увѣренностью, чѣмъ восточный, у котораго бываетъ можетъ быть, въ одномъ году—густо, за то бываетъ столь-же часто, а то и чаще—совсѣмъ пусто. Поэтому первому земля даетъ дѣйствительно прочное обезпеченіе существованія, хотя и не сулитъ внезапнаго обогащенія и побуждаетъ работать и въ зимній періодъ; второй-же, при благопріятныхъ условіяхъ можетъ зиму лежать на печи, но за то при неблагопріятной погодѣ сразу долженъ, по пословицѣ, класть зубы на полку, т. е. испытывать голодъ. Колебанія урожаевъ и доходовъ отъ земледѣлія обусловливаются, конечно, на первомъ мѣстѣ климатическими вліяніями, но они зависятъ также (особенно что касается доходовъ) и отъ однообразія культуръ, а послѣднее,—помимо естественныхъ условій района,—опредѣляется экономическими факторами, отъ которыхъ зависитъ возможность сбыта того или другого рода продуктовъ.

Сказанное даетъ намъ право сдѣлать тотъ выводъ, что при прочихъ равныхъ условіяхъ, *крестьянинъ западной полосы находится въ условіяхъ несравненно болѣе благопріятныхъ, чѣмъ крестьянинъ центральной или восточной полосы Россіи.*

Но къ совершенно обратному выводу мы прійдемъ, если сопоставимъ положеніе крупныхъ владѣльческихъ хозяйствъ той и другой изъ разсматриваемыхъ областей. Прежде всего слѣдуетъ замѣтить, что составъ владѣній этой группы по роду угодій въ томъ и другомъ случаѣ совершенно различенъ. Крупныя имѣнія черноземной полосы, которую мы до сихъ поръ имѣли въ виду, состоятъ почти сплошь изъ пахатной или годной подъ пашню, хотя и играющей роль выгона или сѣнокоса, земли (залежь); другія угодья,—лѣса и настоящія луговыя пространства,—попадаются только спорадически, въ видѣ небольшихъ островковъ и, во всякомъ случаѣ, не они, а пахотныя (и выгонныя, но годныя для пашни) земли составляютъ главную составную часть цѣнности имѣнія. На оборотъ, на западѣ,—чѣмъ сѣвернѣе, тѣмъ все въ большей мѣрѣ,—лѣса составляютъ почти всегда значительную часть цѣнности имѣнія, и за ними по цѣнности въ болѣе сѣверной части, захватывая частью и Царство Польское,—всегда идутъ луга и только на послѣднемъ мѣстѣ стоятъ пашни и выгоны. Въ болѣе южной части,—Царство Полское и юго-западный край,—пашня представляетъ болѣе значительную долю цѣнности, нерѣдко сравниваясь съ цѣнностію лѣсовъ, а часто и превосходя ее. Но лѣсъ, все-же, и здѣсь почти вездѣ продолжаетъ составлять значительную долю цѣнности имѣнія. Этотъ фактъ, который легко подтвердить статистическими данными, уже самъ по себѣ указываетъ, что характеръ собственно земледѣльческаго крупнаго хозяйства въ сравниваемыхъ районахъ долженъ различаться весьма значительно. Но къ этому слѣдуетъ прибавить еще и различіе въ почвенныхъ условіяхъ: если оставить въ сторонѣ югозападный районъ (причисляемый къ черноземнымъ и имѣющій во всякомъ случаѣ почвы большею частью очень богатыя и,—что еще важнѣе,—однообразныя на большихъ пространствахъ),—то во всей остальной западной полосѣ мы имѣемъ крайне пеструю картину почвъ, смѣняющихся часто на пространствѣ нѣсколькихъ десятковъ саженъ; если-же мы и встрѣчаемъ здѣсь иногда довольно обширныя пространства однородныхъ почвъ, то это почти всегда или крайне бѣдныя (напримѣръ боровые пески), или по другимъ причинамъ неудобныя для обращенія подъ пашню (напримѣръ, покрытыя валунными камнями и заболотѣвающія) пространства. На оборотъ, почвы вполнѣ пригодныя для разработки подъ пашню разбро-

саны небольшими оазисами среди малопроизводительныхъ пространствъ и обычно заняты лѣсомъ или представляютъ лѣсныя прогалины.

Естественнымъ слѣдствіемъ такого положенія вещей является то, что на обширныхъ, однообразныхъ по почвѣ и положенію черноземныхъ равнинахъ — крупное хозяйство находитъ, можно сказать, идеальныя условія для своего существованія. Наоборотъ, на разбросанныхъ небольшими клочками культурныхъ земляхъ запада веденіе крупнаго хозяйства чрезвычайно затрудняется. Но и другія условія вліяютъ въ томъ же направленіи: какъ было уже сказано, открытыя равнины востока пригодны почти исключительно для производства зерна, главнымъ образомъ хлѣбнаго; на западѣ же зерно часто страдаетъ отъ избытка влаги и по качеству обычно ниже восточнаго; къ тому же, съ проведеніемъ желѣзныхъ дорогъ цѣны зерна на западѣ на столько упали, что производство (требующее, въ виду указанныхъ климатическихъ условій, несравненно болѣе расходовъ, чѣмъ на востокѣ)[1]) этаго рода продукта становится невыгоднымъ, тѣмъ болѣе что разбросанность пашень среди другихъ угодій лишаетъ крупныя хозяйства многихъ выгодъ, которыми они обладаютъ при связности территоріи, каковы, напр. выгоды, происходящія отъ примѣненія машинъ при обработкѣ и уборкѣ. Нужно замѣтить, что выгоды послѣдняго рода особенно велики при однообразной культурѣ зерновыхъ, спеціально хлѣбныхъ растеній. Такъ, дорогія жнейки (особенно сноповязалки) примѣнимы почти исключительно при уборкѣ хлѣбовъ; равнымъ образомъ паровыя молотилки имѣютъ наибольшее значеніе въ тѣхъ же условіяхъ. Къ этому присоединяется, наконецъ, и то, что многія машины совсѣмъ непримѣнимы во влажныхъ климатахъ: такъ, жнеи-сноповязалки могутъ вязать хлѣбъ только съ совершенно сухой соломой, каковой она никогда не бываетъ въ моментъ уборки (жатвы) хлѣба въ западныхъ областяхъ. Словомъ, крупныя владѣнія Запада не мо-

[1]) Благодаря изобилію влаги, для храненія, а иногда и сушки хлѣба въ снопахъ, необходимо возводить дорогія постройки, тогда какъ на востокѣ хлѣбъ можетъ храниться на открытомъ воздухѣ въ скирдахъ. Самая уборка при влажной погодѣ требуетъ несравненно большей затраты труда, нерѣдко многократной сушки сноповъ (разстановкой изъ копенъ) въ полѣ, ручной уборки серпами въ виду полеглости хлѣба, опять-таки благодаря изобилію влаги.

гутъ основывать своего хозяйства на производствѣ зерна и особенно зернового хлѣба, такъ какъ въ этой отрасли онѣ не выдержатъ конкуренціи съ крупными хозяйствами востока, производя продуктъ дороже и въ среднемъ худшаго качества. Поэтому они должны принять иное направленіе, ввести, выражаясь технически, иную систему хозяйства. Таковой можетъ быть здѣсь или скотоводственная или техническая система хозяйства. Изъ отраслей скотоводства, однако, овцеводство здѣсь, можно сказать, совсѣмъ вымерло, даже и тамъ, гдѣ прежде играло нѣкоторую роль. Это произошло также въ силу конкуренціи востока, а еще больше заморскихъ странъ (Австраліи, Капской колоніи, Аргентины и пр.). Но уже самый фактъ паденія показываетъ несоотвѣтствіе этой отрасли мѣстнымъ климатическимъ условіямъ, по крайней мѣрѣ, для наиболѣе важнаго въ крупномъ хозяйствѣ вида овцеводства, тонкорунная шерстнаго овцеводства. Такое овцеводство болѣе соотвѣтствуетъ сухимъ равнинамъ (изъ всѣхъ нашихъ домашнихъ животныхъ, если не считать верблюда, овца наименѣе нуждается въ водѣ); а во влажныхъ мѣстностяхъ овца, особенно мериносовая, страдаетъ еще и отъ болѣзней, неизвѣстныхъ на востокѣ (каковы, напр. сибирская язва, печеночная двуустка),—которыя, распространяясь эпидемически, нерѣдко уничтожаютъ цѣлыя стада. Остается, слѣдовательно, выбирать между различными способами пользованія крупнымъ рогатымъ скотомъ, такъ какъ остальные виды животныхъ имѣютъ вездѣ относительно небольшое значеніе. При русскихъ условіяхъ единственнымъ способомъ использованія рогатаго скота является въ данномъ случаѣ,—молочное хозяйство, ибо мясо, въ силу нашей бѣдности, еще очень мало потребляется у насъ, да, къ тому же, получается въ сравнительно большомъ количествѣ, съ одной стороны, отъ дикаго степнаго скота, а съ другой отъ бракованныхъ животныхъ различнаго назначенія. Рабочимъ же скотомъ на западѣ служитъ почти исключительно лошадь, а хозяйства и мѣстности, употребляющія для работы также и воловъ, снабжаются таковыми изъ степныхъ районовъ.

Такимъ образомъ, крупныя хозяйства западныхъ районовъ должны главнымъ образомъ производить тѣ же продукты, что и сосѣднія мелкія хозяйства и вопросъ въ томъ, кто долженъ выйти побѣдителемъ въ этой конкурренціи. Нѣтъ сомнѣнія, что преобразованіе техники молочнаго дѣла, подъ вліяніемъ улучше-

*

нії, введенныхъ въ практику хозяйствъ въ теченіи двухъ послѣднихъ десятилѣтій (особенно механическое сливкоотдѣленіе) давало на первыхъ порахъ основаніе думать, что эта отрасль производства перейдетъ въ руки крупныхъ производителей, могущихъ сконцентрировать большія массы молока для обработки ихъ механическимъ способомъ. Однако, скоро оказалось, что хотя переработка молока отчасти и сконцентрировалась въ крупныхъ молочныхъ заведеніяхъ, но самое полученіе первоначальнаго продукта (молока) осталось въ рукахъ мелкихъ и среднихъ производителей, а теперь постепенно и переработка его переходитъ во многихъ странахъ къ союзамъ тѣхъ же производителей. Съ увеличеніемъ интенсивности молочнаго хозяйства преимущества мелкихъ производителей возрастутъ еще болѣе, ибо увеличеніе интенсивности этой отрасли хозяйства необходимо связано съ улучшеніемъ породы разводимаго скота, т.-е. увеличеніемъ цѣнности каждаго животнаго; болѣе же дорогія животныя требуютъ болѣе тщательнаго ухода, не только потому, что потеря каждой головы означаетъ потерю значительнаго капитала, но и потому, что такія животныя отличаются большей чувствительностью къ заболѣваніямъ различнаго рода. Тщательности въ уходѣ мы вправѣ, конечно, ожидать въ наибольшей мѣрѣ отъ самого хозяина, что имѣетъ мѣсто въ мелкомъ и частью въ среднемъ хозяйствѣ, но никогда невыполнимо въ крупномъ. Правда, послѣднее имѣетъ преимущество въ большей доступности для него указаній науки; но и это преимущество теряется при возможности образованія союзовъ мелкихъ производителей.

Сказанное объясняетъ намъ тотъ фактъ, что крупныя хозяйства западной полосы, стремящіяся сравнительно давно перейти къ типу скотоводственныхъ хозяйствъ, до сихъ поръ не достигли большихъ успѣховъ въ этой отрасли, именно благодаря конкурренціи мелкихъ производителей. Съ увеличеніемъ же свободы союзовъ крупные и особенно средніе производители должны будутъ, очевидно, и совсѣмъ ликвидировать эту отрасль, вѣрнѣе, сосредоточиться на поставкѣ племенного матеріала въ болѣе мелкія мозяйства. Для болѣе же крупныхъ хозяйствъ останется только одинъ выходъ: искать спасенія въ развитіи какого-либо техническаго производства, связаннаго съ земледѣльческимъ хозяйствомъ. Число такихъ производствъ, однако, весьма невелико

и сколько-нибудь крупную роль могутъ играть лишь: 1) картофельно-крахмальное (и паточное), 2) картофельно-винокуренное и, наконецъ 3) свеклосахарное. Замѣтимъ, прежде всего, что если сельско-хозяйственныя техническія производства (особенно последнія два) приняли у насъ форму крупныхъ производствъ, то это въ гораздо большей мѣрѣ есть результатъ вліянія нашей системы обложенія этихъ производствъ (акцизъ) и другихъ мѣропріятій нашей экономической политики, чѣмъ слѣдствіе требованій техники самого производства. Съ точки же зрѣнія раціональной земледѣльческой культуры какъ винокуренные, такъ и свеклосахарные заводы не должны имѣть слишкомъ крупныхъ размѣровъ, такъ какъ только при этомъ условіи возможно использованіе заводскихъ отбросовъ въ кормъ скоту (а при свеклосахарномъ производствѣ частью и прямо на удобреніе) и использованіе полученнаго навоза на удобреніе полей. При современныхъ же условіяхъ наши крупныя заводскія хозяйства въ огромномъ большинствѣ случаевъ являются хищническими хозяйствами, въ томъ самомъ смыслѣ, въ какомъ этотъ терминъ употреблялся еще Либихомъ, т. е. онѣ ведутъ къ очень сильному истощенію почвы, которой не могутъ быть возвращаемы (въ видѣ навоза) извлеченныя техническими растеніями питательныя вещества.

Крахмальные заводы нигдѣ, сколько намъ извѣстно, не приняли въ Россіи крупныхъ размѣровъ и существуютъ въ среднихъ или даже въ мелкихъ хозяйствахъ. Не останавливаясь здѣсь на причинахъ этаго явленія, перейдемъ къ двумъ другимъ видамъ техническихъ хозяйствъ. И здѣсь мы должны констатировать, что винокуренные заводы во всей западной (польско-литовской) полосѣ носятъ характеръ среднихъ предпріятій и помѣщаются, соотвѣтственно этому, въ среднихъ владѣніяхъ. Этотъ фактъ есть конкретное выраженіе того требованія раціональнаго земледѣлія, которое мы указали выше: при бѣдности здѣшнихъ почвъ навозное удобреніе являлось въ прежнее время, да и до сихъ поръ, — по скольку оно не можетъ быть замѣнено искусственными туками,—является условіемъ sine qua non культуры такого требовательнаго растенія, какъ картофель, а правильная эксплуатація заводскаго отброса (барды) и получающагося при скармливаніи его навоза возможна только, какъ сказано выше, при среднихъ размѣрахъ заводскихъ предпріятій. Равнымъ образомъ,

западные свеклосахарные заводы [1]), тамъ гдѣ они существуютъ, имѣютъ относительно небольшой размѣръ; при томъ они получили характеръ крупныхъ предпріятій только въ силу требованій нашего законодательства, устанавливающаго минимумъ производительности завода (въ послѣднее время даже повышенный на цѣлую треть). При всемъ томъ это производство въ единственномъ изъ разсматриваемыхъ западныхъ районовъ, для которыхъ оно имѣетъ значеніе—въ Царствѣ Польскомъ,—совершенно отдѣлилось отъ сельскаго хозяйства, такъ что мѣстные земледѣльцы,—безразлично—крупные и мелкіе,—являются только поставщиками свеклы на заводъ. Заводская администрація, однако, большею частью даже предпочитаетъ имѣть дѣло съ мелкими поставщиками и ставитъ ограниченія культурѣ свеклы.

Все сказанное, кажется, ясно показываетъ, что крупныя хозяйства въ западной полосѣ не представляютъ особенныхъ выгодъ. Здѣсь, поэтому, отдача земель въ аренду на фермерскомъ правѣ является уже и теперь обычнымъ явленіемъ, не смотря на дефекты нашего законодательства объ арендѣ. Въ концѣ концовъ, единственной отраслью производства, являющейся естественной привиллегіей крупныхъ хозяйствъ западной полосы, остается лѣсоводство, которое, при правильномъ веденіи его, можетъ давать здѣсь высокій доходъ. Однако, этотъ доходъ, все-же, не можетъ идти въ сравненіе съ тѣми вздутыми арендными цѣнами, какія въ послѣднее десятилѣтіе установились, напримѣръ, въ центральной черноземной полосѣ. Maximum его можно принять въ 15 руб. на десятину въ лучшихъ мѣстностяхъ Польши; въ среднемъ-же для всей западной полосы онъ едва-ли превыситъ 10 руб. И приблизительно этой величинѣ соотвѣтствуетъ и арендная плата за десятину при сдачѣ сравнительно мелкими даже участками. И такъ, крупное землевладѣніе въ западномъ краѣ не представляетъ очень большихъ выгодъ, ибо не можетъ быть сопряжено съ эксплуатаціей земли самимъ собственникомъ въ видѣ веденія крупнаго хозяйства;—мелкое-же хозяйство, а вмѣстѣ и мелкое землевладѣніе—представляетъ особыя выгоды

---

[1]) Мы должны оговориться, что опредѣляемъ здѣсь размѣръ завода по площади земли, занятой подъ свеклу. При болѣе высокихъ урожаяхъ свеклы въ Польшѣ, польскій заводъ, эксплуатируя извѣстную площадь будетъ производить сахара больше, чѣмъ русскій заводъ при тѣхъ же, условіяхъ.

и имѣетъ шансы развиваться въ будущемъ. Слѣдуетъ-ли, однако изъ этаго, что нужно теперь-же насильственно разрушить все крупное землевладѣніе и образовать вмѣсто него мелкое хозяйство на государственной землѣ, какъ проектируютъ не только наши соціалистическія партіи, но и всѣ умѣренныя партіи, получившія большинство въ нашей первой Думѣ.

Рискуя встрѣтить возраженія со всѣхъ сторонъ, мы позволяемъ себѣ утверждать, что такой выводъ былъ-бы неправиленъ. Если, именно, имѣть въ виду, что собственно въ формѣ крупнаго хозяйства здѣсь съ выгодой можетъ вестись только лѣсное хозяйство; что,—въ силу этаго, пахотныя и луговыя земли довольно быстро обращаются все въ большемъ размѣрѣ въ фермерскія участки, то, согласно проповѣдуемому большинствомъ партій принципу,—отбирать у крупныхъ владѣльцевъ всѣ земли, не эксплуатируемыя за счетъ самого владѣльца, а сдаваемыя въ аренду,—оказалось-бы, что у владѣльцевъ западной полосы были-бы отобраны всѣ земли, кромѣ лѣсныхъ, даже при выполненіи кадетской программы, не говоря о болѣе радикальныхъ. Владѣльцы-же зерновыхъ районовъ, предпочитающіе эксплуатировать землю за свой собственный счетъ, поплатились-бы только относительно небольшимъ процентомъ своихъ земель, отдаваемыхъ въ аренду. Между тѣмъ, мы выше, кажется, достаточно ясно показали, что положеніе крестьянина въ западной полосѣ несравненно болѣе благопріятно, чѣмъ въ восточной при тѣхъ-же условіяхъ. Если напомнимъ еще, что крестьяне западной полосы (не считая Польши) получили въ общемъ среднемъ не только не меньшій, а даже нѣсколько большій надѣлъ, чѣмъ крестьяне остальной Россіи, то невольно возникаетъ сомнѣніе: представляется-ли крестьянскій вопросъ, особенно въ формѣ вопроса объ увеличеніи крестьянскаго *землевладѣнія* (здѣсь, какъ было указано, крестьяне признаютъ только эту форму увеличенія своего землепользованія) столь острымъ для западной полосы, что имѣется настоятельная государственная необходимость прибѣгать къ такой крайней мѣрѣ, какъ экспропріація почти всего частнаго землевладѣнія? Кажется, всѣ приведенныя выше данныя и соображенія позволяютъ намъ дать отрицательный отвѣтъ на поставленный вопросъ. Въ дополненіе къ указаннымъ аргументамъ слѣдуетъ прибавить, что кличъ «земли и воли», столько разъ повторявшійся въ Думѣ представителями крестьянъ центральной

и восточной Россіи, ни разу, кажется, не былъ произнесенъ депутатами отъ западныхъ крестьянъ и даже вообще отъ западныхъ областей. Да и самый ходъ выборовъ въ Думу показывалъ, что здѣсь борьба велась не на почвѣ политическихъ программъ а на почвѣ борьбы за національность, почему и сообщенія газетъ обычно ограничивались тѣмъ, что де «избранъ еврей или полякъ или литвинъ». Въ Польшѣ-же въ частности, какъ извѣстно, прошли почти исключительно «народовы демократы», т.-е. лица: прикрывающіе приставкой, «демократъ» свои ультра—националистическія тенденціи. Можно, конечно, думать, что такой результатъ выборовъ обусловленъ отчасти тѣмъ бойкотомъ, который проводили крайнія лѣвыя партіи. Но едва ли можно сомнѣваться, что и польскіе соціалисты прежде всего стали-бы стремиться добиться всякихъ свободъ, а изъ чисто-соціальныхъ задачъ на первый планъ выдвинули-бы рабочій вопросъ, который въ Польшѣ, благодаря сильному развитію промышленности, имѣетъ несравненно большее значеніе, чѣмъ въ Россіи; крестьянскій-же вопросъ, уже въ силу общихъ тенденцій соціалистическихъ партій, отойдетъ такимъ образомъ на задній планъ.

Замѣтимъ въ заключеніе, что все сказанное нами относительно западной полосы отнюдь не значитъ, что мы отрицаемъ вообще полезность или желательность увеличенія крестьянскаго землевладѣнія здѣсь: мы только хотимъ сказать, что для этой полосы этотъ вопросъ имѣетъ несравнено меньшее значеніе, чѣмъ для коренной Россіи и другіе вопросы несравненно важнѣе, и настоятельнѣе, чѣмъ этотъ. Укажу только на то, что эта область даже по отношенію къ распоряженію своими хозяйственными дѣлами не пользуется и той ничтожной долей самостоятельности, какую даютъ центральнымъ губерніямъ земскія учрежденія по положенію 1890 года. Кромѣ того, остальная Россія только за послѣдніе годы познакомилась съ тѣмъ, что значитъ управленіе по «военному положенію» или «усиленной охранѣ», а Польша, Литва и Югозападный край уже много десятилѣтій испытываютъ это управленіе по особому положенію, которое одна газета недавно очень мѣтко назвала управленіемъ помощію «децентрализованныхъ квартальныхъ», сообразно проекту Щедринскаго поручика Толстолобова. Вотъ почему для жителей названныхъ областей (особенно первыхъ двухъ) вопросъ объ отмѣнѣ управленія по особому положенію, или иначе,—управленія по правиламъ, от-

мѣняющимъ законы,—представляется наиболѣе существеннымъ. Замѣтимъ, что въ силу такого особаго положенія и наши свѣдѣнія объ этихъ областяхъ еще болѣе скудны, чѣмъ относительно остальной Россіи. И если наша официіальная статистика вообще заслуживаетъ мало довѣрія, то по отношенію къ этимъ областямъ мы менѣе всего можемъ придавать ей значеніе, ибо здѣсь это уже чисто-полицейская статистика, для которой у насъ нѣтъ даже такого, хотя часто и случайнаго корректива, какъ земская статистика. Поэтому мы можемъ разсчитывать получить болѣе или менѣе близкія къ дѣйствительности данныя, которыя позволили-бы выработать разумный планъ мѣропріятій по аграрному и многимъ другимъ вопросамъ, только послѣ того, какъ будетъ реорганизовано все мѣстное управленіе, точнѣе создано мѣстное самоуправленіе, въ видѣ-ли полной автономіи, которой добиваются поляки, или даже только въ видѣ земскаго и городского самоуправленія съ достаточными полномочіями въ хозяйственной и культурной областяхъ.

IV.

Изъ всего предыдущаго читатель можетъ заключить, что мы оспариваемъ распространеніе общаго шаблона рѣшенія аграрнаго вопроса, въ томъ видѣ какъ этотъ шаблонъ рекомендуется кадетами,—по крайней мѣрѣ на западную полосу Россіи. Противопоставляя западнаго крестьянина крестьянину центральной и восточной Россіи мы нерѣдко прибавляли для болѣе точнаго обозначенія той области, которую мы имѣемъ въ виду,—терминъ «черноземная» или «степная и полустепная». Эту приставку мы употребляли не только ради того, чтобы рѣзче подчеркнуть различія сравниваемыхъ областей, но и по другой причинѣ: мы хотѣли этимъ сказать, что нечерноземная, хотя и чисто-русская область имѣетъ также значительныя особенности и отождествлять ея требованія съ требованіями черноземной полосы имѣется, можемъ мы сказать теперь, почти столь-же мало основанія, какъ для отождествленія требованій черноземной полосы съ западной,— польско-литовской областью.

Конечно, наша нечерноземная область, даже если исключить изъ нея польско-литовскій край, все еще слишкомъ велика, чтобы быть однородной, хотя-бы только въ такой мѣрѣ, чтобы на

всемъ ея огромномъ протяженіи,—отъ Финляндіи до Урала и отъ Архангельска до Чернигова,—можно было рѣшать аграрный вопросъ по одному шаблону или,—какъ говорятъ наши думцы,—по одному принципу.

Чтобы быть болѣе понятнымъ, попробую хотя кратко характеризовать нѣкоторыя изъ тѣхъ районовъ, которые войдутъ въ область нечерноземной полосы въ очерченныхъ предѣлахъ, оставляя въ сторонѣ прибалтійскій край, который я отношу къ западной полосѣ.

Та область, которую наша офиціальная статистика именуетъ «крайнимъ сѣверомъ» (губерніи: Архангельская, Вологодская и Олонецкая) при этомъ можетъ также быть исключена, какъ имѣющая очень ограниченное сельскохозяйственное значеніе, съ одной стороны въ силу свойственныхъ ей климатическихъ условій, съ другой—въ виду ея безлюдности.

Но и за этимъ исключеніемъ мы получимъ еще огромную площадь, обнимающую довольно рѣзко различающіяся и по климатическимъ и вообще естественнымъ и по экономическимъ условіямъ районы. Идя съ запада на востокъ мы найдемъ: во-1-хъ, такъ называемую озерную область, къ которой причисляютъ (кромѣ исключенной нами Олонецкой губерніи) губерніи: Петербургскую, Псковскую и Новгородскую. Но еще Янсонъ выдѣлилъ 3 Петербургскихъ уѣзда—(Петербургскій, Царскосельскій и Петергофскій) въ отдѣльный пригородный подстоличный районъ, имѣя въ виду, что здѣсь сосредоточено огромное количество фабрикъ и близость такого огромнаго города, какъ Петербургъ, создаетъ совершенно особенныя условія жизни. И, конечно, Янсонъ былъ совершенно правъ; но для нашей цѣли это выдѣленіе не имѣетъ большого значенія, такъ какъ мы не можемъ разбирать здѣсь подробно особенности такихъ мелкихъ районовъ, какъ этотъ подстоличный районъ. Замѣтимъ только, что почвенныя и климатическія условія этаго района представляютъ достаточно особенностей, чтобы оправдать его выдѣленіе, помимо указаннаго Янсономъ мотива. Но, игнорируя здѣсь эти особенности (какъ и тѣ, которыя отмѣчены для юговосточнаго угла этаго района г. Рихтеромъ) и разсматривая названныя губерніи какъ одно цѣлое, мы должны признать, что по климатическимъ и почвеннымъ условіямъ онъ не обѣщаетъ многаго для развитія земледѣлія: почвы здѣсь то каменисты и щебневаты или покрыты

на поверхности обломками валуновъ, то представляютъ плотную глину (силурійская глина). то такъ называемую глееватую или заклечь по народной терминологіи, плотную и безплодную подзолистую почву. Масса озеръ, мелкихъ и крупныхъ, частью зарастающихъ постепенно, образуя трясины и болота, раздѣляетъ пригодныя для земледѣльческой разработки почвы. Такъ какъ климатъ здѣсь, не смотря на близость балтійскаго моря, еще очень суровъ, то количество видовъ культурныхъ растеній, имѣющихъ значеніе въ мѣстномъ земледѣліи, крайне ограничено: изъ зерновыхъ хлѣбовъ едва три растенія (рожь, ячмень и овесъ) которыя, при томъ далеко не всегда вызрѣваютъ, вслѣдствіе короткости лѣта при изобиліи осадковъ. Даже такое относительно малотребовательное растеніе, какъ картофель, здѣсь почти не воздѣлывается, благодаря, главнымъ образомъ, мелкости пахотнаго слоя. Тѣмъ болѣе затруднительно воздѣлываніе болѣе требовательныхъ къ глубинѣ почвы корнеплодовъ, какъ свекла, морковь и т. п., которыя при нѣсколько болѣе благопріятныхъ почвенныхъ условіяхъ могли-бы получить здѣсь большое значеніе какъ кормовый матеріалъ для скота. Условія для развитія скотоводства здѣсь гораздо болѣе благопріятны, чѣмъ для зернового хозяйства, такъ какъ близость столицы и другихъ хотя и меньшихъ, но все же значительныхъ рынковъ (Рига, Ревель и другіе города) открываетъ, казалось-бы, обезпеченный сбытъ такимъ продуктамъ животноводства, какъ масло и даже цѣльное молоко; помимо этаго, близость моря могла-бы обезпечить сбытъ за границу масла, которое, какъ извѣстно, за послѣдніе годы вывозится въ Европу даже непосредственно изъ Сибири. Тѣмъ не менѣе, намъ не извѣстны сколько нибудь опредѣленныя указанія объ обширномъ развитіи здѣсь *крестьянскаго* молочнаго хозяйства; за то извѣстно, что попытки основанія здѣсь артельныхъ сыроварень и маслодѣленъ, дѣлавшіяся лѣтъ 30 назадъ извѣстнымъ Н. В. Верещагинымъ, потерпѣли фіаско и, если не ошибаемся, въ настоящее время ни одной такой маслодѣльни не существуетъ. Причины этаго явленія, по скольку онѣ могутъ быть указаны безъ детальнаго мѣстнаго изслѣдованія, слѣдуетъ, кажется, видѣть въ томъ, что, благодаря указаннымъ выше неблагопріятнымъ естественнымъ условіямъ (невозможности культуры кормовыхъ корнеплодовъ—на первомъ мѣстѣ), скотоводство можетъ быть здѣсь только экстенсивнымъ, т. е.

въ данномъ случаѣ основаннымъ на обширныхъ пастбищахъ и лугахъ; эти угодья, однако, въ естественномъ видѣ здѣсь очень мало производительны, да къ тому-же ихъ вообще мало, ибо большая часть площади занята лѣсами. Остается слѣдовательно, разсчитывать на посѣвныя травы, разведеніе которыхъ здѣсь еще слабо, отчасти, можетъ быть, въ зависимости отъ существованія общины. Это послѣднее наше утвержденіе, конечно, вызоветъ возраженія, но мы не намѣрены здѣсь повторять всѣхъ тѣхъ доводовъ, которые были неоднократно приводимы нами и другими изслѣдователями въ защиту нашего положенія. Укажемъ только на одинъ фактъ относительно новаго происхожденія, дающій косвенное подтвержденіе этому положенію. Какъ извѣстно, за послѣднія два десятилѣтія разсматриваемый районъ (особенно Новгородская и Псковская губ.) довольно усердно колонизуется латышами и эстами, которые селятся, конечно, отдѣльными дворами на покупныхъ или даже арендованныхъ участкахъ, образуя въ послѣднемъ случаѣ зачатокъ фермерскаго класса. Эти поселенцы находятъ возможнымъ ввести посѣвы клевера и вообще кормовыхъ травъ и пользуются довольно высокимъ благосостояніемъ, даже въ томъ случаѣ, когда платятъ землевладѣльцу сравнительно высокую ренту, въ нѣсколько разъ превышающую всѣ налоги, падающія на крестьянскія надѣльныя земли. Конечно, разница въ благосостояніи мѣстныхъ крестьянъ и латышей-фермеровъ объясняется не однимъ только участковымъ пользованіемъ среди послѣднихъ, но по отношенію къ характеру культуры этотъ моментъ, безъ сомнѣнія, не остается безъ вліянія.

Слѣдуетъ сказать, что даже въ тѣхъ случаяхъ, когда крестьяне-общинники вводили здѣсь посѣвы клевера на поляхъ, это не вело къ расширенію ихъ скотоводства, такъ какъ все или большая часть полученнаго такимъ образомъ сѣна шла на продажу въ Петербургъ и ближайшія окрестности его. Этотъ, констатированный мѣстными изслѣдованіями, фактъ могъ, конечно, представлять и временное явленіе; но въ нѣкоторыхъ случаяхъ являлся, безъ сомнѣнія, результатомъ,—съ одной стороны—малокультурности населенія, съ другой—недостатка свободы, препятствовавшаго образованію союзовъ, которые могли-бы облегчить или даже просто доставить возможность выгоднаго сбыта продуктовъ молочнаго хозяйства. Сверхъ того препятствіемъ развитію скотоводства здѣсь служитъ исконная культура льна, доста-

вляющая крестьянину довольно хорошій доходъ. Правда, и эта культура ведется до сихъ поръ въ большинствѣ случаевъ совершенно первобытнымъ способомъ,—посѣвомъ на лядахъ (палахъ) или корчевкахъ изъ подъ лѣса, которыя крестьяне арендуютъ у сосѣдей владѣльцевъ, часто по очень высокимъ цѣнамъ. Однако, съ уничтоженіемъ пригодныхъ для ляда подлѣсныхъ пространствъ и распространеніемъ культуры клевера, льняные посѣвы переходятъ на клеверища и въ этомъ смыслѣ посѣвъ клевера доставляетъ крестьянамъ доходъ, избавляя отъ необходимости аренды дорогихъ подлѣсныхъ земель или значительно понижая на нихъ цѣны. Переселенцы-латыши и эсты принесли съ собою еще улучшеніе, научивъ примѣненію искусственныхъ туковъ, которые здѣсь если не вполнѣ устраняютъ необходимость примѣненія навознаго удобренія, то, все-же, въ значительной мѣрѣ способны замѣстить его. Это обстоятельство, между прочимъ, освобождаетъ крестьянъ отъ необходимости развивать скотоводство и даетъ имъ возможность использовать клеверные посѣвы для полученія продажнаго сѣна.

Принимая во вниманіе, что надѣлы здѣсь выше средней нормы для Россіи, примѣрно въ $1^1/_2$ раза ($4^1{}_2$ дес. противъ 3 дес.), слѣдуетъ думать, что съ повышеніемъ культуры,—здѣсь сравнительно легко достижимымъ помощію искусственныхъ туковъ и травосѣянія,—прибавочное надѣленіе едва-ли понадобится, а если и понадобится, то его легко произвести въ виду рѣдкости населенія и изобилія и казенныхъ и частныхъ владѣній, цѣнность которыхъ довольно умѣренна, чтобы не сказать болѣе. Гораздо важнѣе прирѣзки земель для даннаго района освобожденіе отъ общинныхъ узъ; да и самая прирѣзка, если она должна доставить крестьянамъ повышеніе состоятельности, можетъ производиться только путемъ выкупа у частныхъ владѣльцевъ отдѣльныхъ, нерѣдко далеко одинъ отъ другого разбросанныхъ клочковъ земли, годной для земледѣльческой культуры, тогда какъ непосредственно смежные съ крестьянскими полями участки частновладѣльческихъ и иныхъ земель очень часто окажутся для этой цѣли совершенно непригодными, или требующими весьма значительныхъ мелиоративныхъ работъ. А это также указываетъ на необходимость подворнаго разселенія.

Однако, я уже сказалъ, что прирѣзка земли въ пользу крестьянъ здѣсь не встрѣтитъ затрудненій и такъ какъ причины

этаго явленія общи для многихъ районовъ, то слѣдуетъ нѣсколько остановиться на этомъ пунктѣ. Выше, говоря о западномъ, польско-литовскомъ районѣ, мы указали, что въ этомъ районѣ веденіе крупнаго, чисто-земледѣльческаго хозяйства не представляетъ особенныхъ выгодъ или, во всякомъ случаѣ, крупное хозяйство здѣсь менѣе выгодно, чѣмъ среднее и мелкое. Только одна отрасль производства,—лѣсное хозяйство,—остается здѣсь специфической принадлежностью крупнаго хозяйства, хотя и она, по общему закону интенсификаціи земледѣльческаго производства, съ увеличеніемъ интенсивности хозяйства, требуетъ постепеннаго уменьшенія площади каждой хозяйственной единицы (здѣсь лѣсничества). Но, какъ мы замѣтили, лѣсное хозяйство все-же остается до сихъ поръ принадлежностью крупныхъ владѣній и доставляетъ имъ въ польско-литовскомъ районѣ значительныя выгоды. Положеніе разсматриваемаго, пріозернаго, района во многомъ подобно положенію польско-литовскаго края, такъ какъ всѣ отрасли земледѣльческаго производства, имѣющія шансы на развитіе въ этомъ краѣ,—въ томъ числѣ, кромѣ скотоводства, весьма важное здѣсь льноводство,—по природѣ своей представляются болѣе соотвѣтствующими условіямъ мелкаго хозяйства, чѣмъ крупнаго. И дѣйствительно: въ этомъ районѣ мы почти не знаемъ крупныхъ земледѣльческихъ хозяйствъ, хотя владѣнія здѣсь несравненно крупнѣе, чѣмъ во многихъ другихъ районахъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ и та отрасль, которая приноситъ наиболѣе обезпеченный и вѣрный доходъ крупнымъ владѣльцамъ польско-литовскаго района,—лѣсное хозяйство,—хотя и остается въ рукахъ крупныхъ владѣльцевъ, но доходность ея здѣсь не высока, благодаря съ одной стороны, неразвитости внутреннихъ (губернскихъ и уѣздныхъ) путей сообщенія, переходящей часто въ полное отсутствіе сколько-нибудь сносныхъ дорогъ, устройство которыхъ затрудняется изобиліемъ болотъ,—съ другой—малоцѣнности древесины, вслѣдствіе отсутствія мѣстной промышленности и трудности сбыта въ болѣе отдаленные центры. А между тѣмъ здѣсь имѣется еще очень значительная лѣсная площадь, по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ частяхъ района, площадь, приносящая владѣльцу ничтожный доходъ. Естественно, что при такихъ условіяхъ мѣстные землевладѣльцы не очень дорожатъ своими землями и, можетъ быть, во многихъ случаяхъ будутъ даже рады сбыть ихъ если не цѣликомъ, то значительной частью *за подходящую*

цѣну («по справедливой оцѣнкѣ», какъ говорятъ кадеты) крестьянамъ. Напомню, что еще въ концѣ семидесятыхъ годовъ въ этомъ или подобныхъ ему районахъ (кажется, въ Новгородской и Костромской губерніяхъ) возникали проекты земскихъ крестьянскихъ банковъ, проекты, которымъ мѣстные крупные землевладѣльцы выказывали замѣтное сочувствіе, видимо имѣя въ виду сбыть при помощи этихъ банковъ малодоходныя свои земли мѣстнымъ крестьянамъ по хорошей цѣнѣ [1]). Нѣтъ сомнѣнія, что и теперь, несмотря на перемѣны, происшедшія въ теченіе истекшихъ съ тѣхъ поръ 27 лѣтъ, положеніе крупнаго землевладѣнія здѣсь таково, что владѣльцы, если и не имѣютъ прямого интереса поспѣшить сбытомъ своихъ земель, то не имѣютъ и основаній особенно дорожить ими, тѣмъ болѣе, что здѣсь и рѣчи быть не можетъ о разрушеніи культурныхъ хозяйствъ, каковыя здѣсь если и существуютъ, то, во всякомъ случаѣ, считаются единицами, такъ какъ и заводы, перерабатывающіе продукты земледѣлія, отсутствуютъ, а другой почвы для развитія здѣсь крупнаго хозяйства почти нельзя найти.

Мы приходимъ, слѣдовательно, къ выводу, что программа кадетовъ и даже, можетъ быть, болѣе лѣвыхъ партій въ разсмотрѣнномъ районѣ можетъ быть сравнительно легко осуществлена,— что касается собственно прирѣзки земли; за то представляется сомнительнымъ, будетъ-ли это въ интересахъ крестьянъ или, скорѣе, въ интересахъ крупныхъ землевладѣльцевъ; во всякомъ случаѣ, послѣдніе отъ этаго ничего не проиграютъ, а крестьяне выиграютъ существенно только въ томъ случаѣ, если прирѣзка

---

[1]) Въ Московскомъ земствѣ подобный же проектъ проводился благожелательной крестьянамъ партіей земцевъ, представители-же крупнаго землевладѣнія рѣзко возставали противъ него. Когда-же, какъ разъ во время обсужденія этаго вопроса въ губернскомъ земскомъ собраніи, полученъ былъ № журнала, въ которомъ напечатана была моя статья, посвященная этому вопросу (Новые проэкты земельнаго устройства крестьянъ. Отеч. Зап. № 11, 1879 г.) и раскрывавшая этотъ землевладѣльческій куншткжъ, то господа московскіе земцы, отстаивавшіе проектъ, сочли себя обиженными несправедливымъ подозрѣніемъ и отказались отъ его защиты. Однако, самый фактъ распредѣленія ролей защитниковъ и противниковъ проекта въ данномъ случаѣ только подтвердилъ вѣрность моей догадки, высказанной въ названной статьѣ, ибо, какъ сейчасъ увидимъ, положеніе крупнаго землевладѣнія въ Московской губерніи, совершенно иное, чѣмъ въ Новгородской или даже Костромской.

будетъ соединена съ переходомъ къ подворному владѣнію и введенію улучшенной земледѣльческой культуры, хотя бы въ видѣ распространенія травосѣянія и примѣненія искусственныхъ туковъ. Послѣднія двѣ мѣры,—конечно, при большей въ то-же время свободѣ союзовъ и всякихъ организацій и интеллигентномъ руководствѣ мѣстныхъ органовъ самоуправленія,—способны, пожалуй въ меньшій срокъ и при меньшихъ затратахъ привести къ тѣмъ-же результатамъ, что и прибавочное надѣленіе. Но что у здѣшнихъ крестьянъ не существуетъ интенсивнаго стремленія къ пріобрѣтенію земли, доказываетъ, между прочимъ и дѣятельность крестьянскаго банка, крайне слабая, какъ здѣсь, такъ и во всѣхъ подобныхъ районахъ.

V.

Переходя отъ разсмотрѣннаго района далѣе на востокъ и юго-востокъ, мы встрѣчаемъ въ началѣ мѣстности, мало отличающіяся отъ описанной. Такъ, западные уѣзды тверской и смоленской губерній имѣютъ очень значительное сходство по естественнымъ и экономическимъ условіямъ съ только что разсмотрѣннымъ райономъ, особенно съ смежными его частями. Поэтому эти части можно прямо отнести къ разсмотрѣнному району и нѣтъ надобности говорить о нихъ отдѣльно. Но, чѣмъ далѣе мы будемъ подвигаться по той же широтѣ на востокъ,—къ Москвѣ,—или уклоняться на югъ,—тѣмъ, конечно, разница будетъ становиться чувствительнѣе: измѣняются, во 1-хъ, качества почвы, которая, хотя и сохраняетъ характеръ бывшихъ лѣсныхъ земель, но становится и болѣе глубокой и болѣе плодородной и легче поддающейся обработкѣ; измѣняется, во 2-хъ, и климатъ: онъ становится значительно суше и пріобрѣтаетъ въ большей мѣрѣ характеръ континентальнаго, хотя рѣзкости его еще сглаживаются отчасти значительнымъ, все же, количествомъ лѣсовъ и обиліемъ водъ, которыя скоро собираются въ крупныя рѣки, распространяющіяся отсюда въ три стороны: на западъ (западная Двина), востокъ (Волга) и югъ (Днѣпръ). Это обиліе текучихъ водъ,—при томъ сливающихся въ огромныя водныя артеріи,—и опредѣлило историческую судьбу этаго района, сдѣлавъ его центромъ Московскаго государства. При указанныхъ условіяхъ подмосковный районъ является несравненно болѣе

густо населеннымъ, чѣмъ только что разсмотрѣнный, а вмѣстѣ съ тѣмъ и болѣе культурнымъ, хотя, конечно, въ различныхъ частяхъ этаго обширнаго района то и другое условіе довольно сильно колеблются. Разсматривая, именно, подъ общимъ именемъ подмосковнаго района губерніи: Тверскую, Ярославскую, Костромскую, Владимірскую, Московскую и Калужскую,—мы соединяемъ въ одну группу довольно разнообразныя въ частности мѣстности. Но въ общемъ, мы можемъ сказать, что вся эта область такъ или иначе тяготѣетъ къ Москвѣ, хотя различныя части ея и стоятъ на разныхъ ступеняхъ экономическаго развитія. Въ центрѣ мы имѣемъ здѣсь настоящій фабрично-заводскій районъ,—включающій Москву чуть не со всѣми уѣздами ея губерніи, значительную часть Тверской, Ярославской и Владимірской губерній съ тѣсно примыкающими къ нимъ двумя сѣверными нечерноземными уѣздами Рязанской губерніи (Мещерскій край) и сѣверо-западными Нижегородской. Этотъ фабрично-заводскій районъ несравненно обширнѣе и выше по своему экономическому значенію чѣмъ Петербургскій и вообще какой-либо другой промышленный районъ въ Россіи, за исключеніемъ, можетъ быть, польскаго, который развился особенно сильно за послѣдніе 2—3 десятилѣтія, когда подмосковный районъ былъ задержанъ въ своемъ развитіи въ ширь и вглубь внутрь страны крайне нераціональной экономической (въ частности, именно, таможенной и желѣзнодорожной) политикой этаго періода. Относительно высокое экономическое развитіе (на русскую, конечно, мѣрку) этаго района еще до наступленія настоящей желѣзно дорожной эры въ Россіи (которую можно считать только съ 60 хъ годовъ XIX вѣка) побудило прорѣзать его очень скоро и огромной сѣтью желѣзныхъ дорогъ, присутствіе которыхъ еще ускорило ходъ экономической эволюціи. Поэтому мы имѣемъ здѣсь передъ собою страну, рѣзко отличающуюся отъ только что разсмотрѣнной пріозерной области. Правда, здѣсь и естественныя (именно почвенныя) условія нѣсколько болѣе благопріятны, но климатъ не менѣе суровъ и въ недавнее время (исторически), вѣроятно, былъ и немного только менѣе влаженъ и только съ увеличеніемъ населенія и уничтоженіемъ значительной части лѣсовъ, онъ пріобрѣлъ нѣсколько бóльшую сухость. Тѣмъ не менѣе, влаги здѣсь обыкновенно скорѣе избытокъ, чѣмъ недостатокъ и континентальность климата выражается не засухами, а большею суровостью зимы и

рѣзкостью переходовъ отъ зимы къ лѣту и обратно. Точно также и почвы не отличаются высокимъ плодородіемъ, но за то, какъ указано, имѣютъ бо́льшую глубину и потому легче поддаются улучшенію, чѣмъ почвы пріозернаго района. При такихъ условіяхъ земледѣліе въ періодъ натуральнаго хозяйства мало отличалось отъ земледѣлія пріозерной области, ограничиваясь производствомъ тѣхъ же хлѣбовъ, какъ тамъ, при нѣкоторомъ развѣ только участіи гречихи и, спорадически, яровой пшеницы. Но натуральное хозяйство здѣсь прекратило свое существованіе ранѣе, чѣмъ въ какой-либо другой области Россіи, чему способствовало сначала обиліе водныхъ путей, облегчавшихъ сношенія, а затѣмъ, по мѣрѣ собиранія Москвой русскаго царства, образованіе относительно значительнаго городского рынка. При неустройствѣ путей сообщенія, особенно сухопутныхъ, сгущеніе населенія вокругъ Москвы и концентрація его въ самой Москвѣ, побуждали крупныхъ владѣльцевъ довольно энергично уничтожать лѣса, обращая землю подъ пашню, которая (при крѣпостномъ трудѣ) давала хорошій доходъ, несмотря на низкіе урожаи, такъ какъ, при отсутствіи возможности подвоза, цѣны хлѣбовъ въ городѣ устанавливались окрестными владѣльцами, которымъ принадлежала въ сущности монополія снабженія Москвы продуктами земледѣлія. Съ улучшеніемъ путей сообщенія (проведеніемъ желѣзныхъ дорогъ и введеніемъ пароходства) хлѣбъ сталъ доставляться изъ болѣе отдаленныхъ мѣстностей черноземной Россіи и производство зерна, а вмѣстѣ съ тѣмъ и вообще крупное земледѣльческое хозяйство сдѣлалось менѣе доходнымъ, а, въ концѣ концовъ, и совсѣмъ невыгоднымъ. Пока крестьянское хозяйство оставалось на прежнемъ культурномъ уровнѣ, т.-е велось по прежней трехпольной системѣ, оно также не могло процвѣтать, тѣмъ болѣе, что московское дворянство, указывая на особенную выгодность подгородняго положенія своихъ крѣпостныхъ и возможность для нихъ хорошихъ заработковъ,—достигло того, что, по крайней мѣрѣ въ Московской губерніи, нормы надѣла были значительно понижены, сравнительно съ сосѣдними мѣстностями и потому земля при трехпольномъ хозяйствѣ, уже въ самый моментъ выхода на волю крѣпостныхъ, не могла доставлять крестьянину необходимыхъ для семьи продовольственныхъ средствъ даже тамъ, гдѣ платежи не были слишкомъ высоки. Поэтому крестьянство, сначала Московской, а по-

томъ и всѣхъ, входящихъ въ разсматриваемый районъ, губерній вынуждено было искать дополнительныхъ къ земледѣлію заработковъ. Таковой доставляли отчасти, такъ называемые, кустарные промыслы, которые, однако, постепенно становились бездоходными, такъ какъ производимые ими товары поставлялись фабриками по болѣе дешевымъ цѣнамъ и лучшаго качества. Ростъ фабрикъ и заводовъ, рядомъ съ возникновеніемъ многихъ новыхъ видовъ заработковъ благодаря проведенію массы желѣзныхъ дорогъ, постепенно отвлекали отъ земледѣлія населеніе, которое находило болѣе постоянные источники дохода въ городскихъ промыслахъ. Извѣстно, что вся разсматриваемая область характеризуется огромнымъ развитіемъ отхожихъ промысловъ, здѣсь почти исключительно городскихъ. Нѣкоторые изъ уходящихъ на заработки еще возвращаются періодически въ деревни (обычно на время страды и сѣнокоса), другіе совсѣмъ забываютъ деревню и въ недавнее время именовали себя «платящими съ пуста», а среди своихъ односельцевъ извѣстны были подъ именемъ «пустырниковъ», такъ какъ отводимые имъ въ надѣлъ участки, хотя они и вносили за нихъ всѣ платежи,– запускались, никѣмъ не воздѣлывались и, заростая сорными травами, обращались въ пустыри. Такимъ образомъ, отъ сельскаго населенія отдѣлялась болѣе или менѣе значительная часть его, образуя настоящій городской пролетаріатъ, большею частью и до сихъ поръ числящійся въ крестьянскомъ сословіи. Какая часть «приписного» крестьянскаго населенія этой области превратилась, такимъ образомъ, въ горожанъ, этимъ наша статистика,—ни оффиціальная (министерская), ни земская до сихъ поръ, сколько намъ извѣстно, не интересовалась. А между тѣмъ, въ данномъ случаѣ,—при рѣшеніи аграрнаго вопроса,—крайне важно имѣть хотя бы приблизительную цифру такихъ крестьянъ, ибо только зная ее, можно опредѣлить дѣйствительное земельное обезпеченіе современнаго *настоящаго крестьянства*, т.-е. земледѣльцевъ. Извѣстно, однако, одно: многія общины завели у себя травосѣяніе, воспользовавшись для первыхъ посѣвовъ именно тѣми пустырями, которые остались фактически въ ихъ распоряженіи, хотя номинально выдѣлялись въ надѣлъ тѣмъ отсутствующимъ изъ общины членамъ, которые «платили съ пуста», и давно уже превратились въ настоящихъ городскихъ пролетаріевъ. Замѣтимъ, кстати, что значительная распространенность такого способа введенія травосѣя-

*

нія на общинныхъ земляхъ служитъ еще однимъ лишнимъ доказательствомъ трудности введенія при общинномъ хозяйствѣ даже такого простого улучшенія, ибо, само собою разумѣется, пока наличные члены общины пользуются для такихъ посѣвовъ незаконно захваченной ими землей, принадлежащей de jure отсутствующимъ сообщинникамъ ихъ, до тѣхъ поръ нѣтъ никакого основанія говорить, что травосѣяніе введено на общинныхъ земляхъ, точнѣе—при общинномъ землепользованіи. Мы останавливаемся здѣсь на этомъ фактѣ, такъ какъ, несмотря на усиленное рекламированіе московскимъ земствомъ и его агрономами успѣховъ травосѣянія на общинныхъ земляхъ, мы считаемъ именно общинное землепользованіе самымъ существеннымъ тормозомъ для прогресса земледѣльческаго хозяйства въ данномъ районѣ. Если, говоря о западномъ, польско-литовскомъ районѣ, мы указали, что крестьянское (мелкое) хозяйство имѣетъ тамъ большія преимущества передъ крупнымъ, благодаря возможности сбыта въ города такихъ продуктовъ, какъ молоко, масло, овощи и пр., — вообще предметовъ, производимыхъ наиболѣе дешево крестьяниномъ,—то это же мы должны повторить и относительно подмосковнаго крестьянина, который,—по крайней мѣрѣ, при возможности сбыта въ Москву и довольно многочисленные въ районѣ фабричные центры,—могъ бы, казалось, существовать не хуже западнаго крестьянина, даже не бросаясь очень сильно въ отхожіе промыслы, а оставаясь земледѣльцемъ. На дѣлѣ, однако, положеніе здѣсь гораздо хуже и если здѣшній крестьянинъ еще не совсѣмъ забросилъ землю, то только по тому, что работающіе на сторонѣ члены семействъ поддерживаютъ остающихся въ деревнѣ, или непосредственно,—присылкой денегъ,—или посредственно,—оставляя въ ихъ пользованіе свои надѣлы большею частью за небольшую плату (а въ видѣ пустырей даже даромъ). Сверхъ того, съ ростомъ столицы крестьяне все чаще эксплуатируютъ свои жалкія избы для сдачи въ аренду въ видѣ дачъ. Но полеводство въ значительномъ большинствѣ случаевъ ведется подѣдовски и даже правильнаго травосѣянія—являющагося здѣсь первымъ шагомъ къ улучшенію полевой культуры,—до сихъ поръ не существуетъ, а, въ зависимости отъ этаго, нѣтъ и сколько-нибудь обширнаго крестьянскаго садоводства и огородничества, изъ которыхъ первое здѣсь, правда, отчасти затрудняется суровостью климата, второе же отсутствуетъ въ силу недостатка на-

воза, обусловленнаго неразвитостью травосѣянія. По скольку возможно здѣсь развитіе указанныхъ интенсивныхъ культуръ, кардинальнымъ условіемъ для поднятія крестьянскаго благосостоянія является—*не увеличеніе площади владѣнія, а уничтоженіе общины*. Послѣднее, конечно, произойдетъ и происходитъ постепенно само собою по мѣрѣ увеличенія интенсивности хозяйства, вызываемаго, напримѣръ, уже введеніемъ культуры клевера. Но безъ облегченія этаго процесса снятіемъ всякихъ юридическихъ препятствій,—распаденіе затянется на долго, потребуетъ очень большихъ жертвъ и приведетъ къ такой ужасающей черезполосицѣ при окончательномъ раздѣленіи, что послѣдняя явится почти столь же сильнымъ препятствіемъ для прогресса земледѣлія, какъ и сама община и вызоветъ необходимость примѣненія очень дорогихъ мѣропріятій,—въ родѣ нѣмецкаго Verkoppelung, Zusammenlegung и т. п.

Но тамъ, гдѣ хозяйство, въ силу неразвитости еще экономическихъ отношеній, по необходимости должно на болѣе или менѣе долгій срокъ остаться довольно экстенсивнымъ,—что будетъ имѣть мѣсто преимущественно на окраинахъ описываемаго района, наиболѣе удаленныхъ отъ столицы и фабричныхъ центровъ,—тамъ - для быстраго подъема хозяйства крестьянъ было бы полезно нѣкоторое увеличеніе ихъ землевладѣнія, ради возможности расширенія культуры травъ, а кое-гдѣ (во владимірскихъ, частью смоленскихъ и костромскихъ уѣздахъ) рядомъ съ травами и льноводства. Для такого расширенія въ большинствѣ случаевъ земли здѣсь найдутся. Правда, государственныя и удѣльныя владѣнія здѣсь почти отсутствуютъ, а частныя нерѣдко могутъ приносить значительный доходъ, отчасти какъ лѣсныя площади,—такъ какъ лѣсной матеріалъ здѣсь уже дорогъ,—отчасти—въ силу обращенія ихъ въ дачныя мѣстности. Однако, послѣднее можетъ имѣть значеніе только для владѣній, расположенныхъ непосредственно при желѣзныхъ дорогахъ и на относительно небольшомъ разстояніи отъ Москвы; первое,—правда,—въ несравненно большемъ числѣ случаевъ, но все же, не на окраинахъ района, гдѣ лѣса или мало доходны, по трудности сбыта, или уже изрѣжены вырубкой при обезпеченномъ болѣе или менѣе сбытѣ и обратились, за недостаткомъ ухода, въ малопроизводительныя заросли. Такія площади легко могутъ быть пріобрѣтены и послужатъ мѣстомъ, куда можетъ быть выведенъ избытокъ

сельскаго населенія при образованіи дворовыхъ отрубныхъ участковъ.

Признавая, такимъ образомъ, полезность и, можетъ быть, даже неизбѣжную необходимость и въ этомъ районѣ въ извѣстныхъ случаяхъ прибѣгнуть къ расширенію крестьянскаго землевладѣнія, мы, тѣмъ не менѣе, считаемъ необходимымъ оговориться, что эта мѣра и здѣсь не можетъ быть общей, а только частнымъ коррективомъ въ незначительномъ относительно числѣ случаевъ, и всегда при непремѣнномъ условіи развязки съ общиннымъ строемъ и усиленномъ содѣйствіи распространенію—съ одной стороны—чисто культурныхъ агрономическихъ мѣропріятій, каковы—не только травосѣяніе, но и примѣненіе искусственныхъ туковъ и пр.; съ другой стороны — пропаганда и устройство всякаго рода экономическихъ союзовъ, при помощи которыхъ мелкіе производители только и могутъ организовать сбытъ своихъ произведеній и вообще вести производство при современныхъ общественныхъ условіяхъ. Правильное функціонированіе, какъ и самая организація различныхъ союзовъ, связано, конечно, съ наличностью разныхъ свободъ, точно такъ же. какъ проведеніе соотвѣтствующихъ агрономическихъ мѣропріятій можетъ быть организовано быстро только при помощи органовъ мѣстнаго самоуправленія, ибо трудно ожидать такого быстраго развитія союзовъ, чтобы они,—подобно напримѣръ германскимъ,—самостоятельно съумѣли организовать агрономическую помощь населенію. Понятно, однако, что разсчитывать на мѣстное самоуправленіе мы можемъ только тогда, когда оно будетъ реорганизовано на раціональныхъ началахъ.

VI.

Мы не будемъ затѣмъ отдѣльно разсматривать бѣлорусскій край и всю сѣверо-восточную нечерноземную Россію. Мы думаемъ, что сказанное въ предыдущемъ о нечерноземныхъ районахъ уже достаточно выясняетъ то, что слѣдуетъ сказать относительно другихъ частей нечерноземной Россіи. Въ неразсмотрѣнныхъ нами отдѣльно областяхъ положеніе населенія подходитъ болѣе или менѣе къ положенію въ томъ или другомъ изъ разсмотрѣнныхъ районовъ. Разница создается здѣсь географическимъ положеніемъ и, слѣдовательно, климатомъ, а затѣмъ—

большей или меньшей населенностью района. Однако, въ послѣднемъ смыслѣ—по густотѣ населенія,—рѣзко отличается только крайній сѣверо-востокъ,—большая часть пермской и часть вятской губерніи,—который не можетъ быть принимаемъ во вниманіе, какъ мѣстность, не имѣющая сельскохозяйственнаго значенія по суровости климата. Но и вообще населенность здѣсь значительно ниже центральнаго района, даже въ наиболѣе населенныхъ частяхъ, каковой окажется Черниговская губернія, большую часть которой мы причисляемъ также къ бѣлорусскому району. Здѣсь мы вездѣ встрѣтимся съ тѣмъ же положеніемъ, что основной причиной несостоятельности населенія никакъ нельзя назвать малоземелье, такъ какъ, съ одной стороны, надѣлы здѣсь не были скупы, а съ другой — населеніе размножалось не такъ быстро, какъ въ другихъ областяхъ. Здѣсь, конечно, нѣтъ тѣхъ благопріятныхъ для развитія мелкаго хозяйства обстоятельствъ, которыя мы нашли въ западной и центральной областяхъ, а при суровости климата (какъ на сѣверо-востокѣ) или безплодности почвъ (какъ въ Бѣлоруссіи) земледѣліе вообще едва ли можетъ служить единственнымъ источникомъ существованія, пока, по крайней мѣрѣ, размѣры владѣнія или пользованія не перейдутъ возможныхъ при современныхъ условіяхъ предѣловъ. Такое обезпеченіе было бы мыслимо при дикомъ натуральномъ хозяйствѣ, какъ оно велось въ лѣсныхъ мѣстностяхъ въ первобытныя времена, т.-е. при свободѣ пользованія лѣсами для выжига удобныхъ для пашень пространствъ (образованіе лядъ или палъ) и вообще полной свободѣ распоряженія лѣсомъ или даже и водами, и лугами, и пастбищами безъ опредѣленія границъ состоящаго въ пользованіи пространства. Но подобное лядное хозяйство (при дикомъ пользованіи лядами, запускаемыми черезъ нѣсколько лѣтъ по раздѣлкѣ снова подъ лѣсъ) требуетъ такого огромнаго пространства земли на каждаго жителя, какимъ не располагаютъ даже разсматриваемыя, сравнительно слабо населенныя области. Поэтому спасеніе этихъ областей не въ увеличеніи площади крестьянскаго землевладѣнія, а въ улучшеніи путей сообщенія и сношеній и открытіи, такимъ образомъ, отдаленныхъ рынковъ для ихъ произведеній, а затѣмъ развитіи промышленности. Перечисленныя же мѣропріятія въ такой же мѣрѣ, если не еще болѣе, чѣмъ крестьянамъ, нужны здѣсь крупнымъ землевладѣльцамъ, ибо послѣдніе могутъ только при указанныхъ условіяхъ разсчи-

тывать на выгодный сбытъ лѣсныхъ матеріаловъ; крестьяне же только при условіи развитія этаго сбыта найдутъ выгодное приложеніе тому избытку рабочей силы, который у нихъ всегда имѣется, особенно зимой, и могутъ расширить и свое хозяйство за счетъ освободившейся изъ подъ лѣса площади частнаго владѣнія и заняться сбытомъ того продукта, который въ первое время, вѣроятно, составитъ главный товаръ, производимый этими хозяевами, т.-е. льна. Впрочемъ, въ разсматриваемыхъ районахъ и теперь культура льна играетъ нѣкоторую роль, а на сѣверѣ, ближе къ центральной области, другое наше уже чисто крестьянское волокнистое растеніе—конопля. Послѣднее, однако, въ силу измѣненія условій внѣшнихъ (уменьшенія спроса на волокно съ замѣной пеньковыхъ канатовъ желѣзными) и частью и техническихъ (необходимости очень сильнаго навознаго удобренія)—все больше сокращается, тогда какъ льняное производство безспорно расширяется. Конечно, въ отдѣльныхъ мѣстностяхъ, при свободѣ населенія отъ административнаго гнета, могутъ развиться и другія отрасли производства (въ родѣ, напримѣръ хмѣлеводства), но, во всякомъ случаѣ, важнѣйшими факторами прогресса явятся здѣсь указанныя выше государственныя мѣропріятія въ связи съ такимъ измѣненіемъ экономической политики, которое открыло бы возможность развитія мѣстной промышленности. Къ послѣднему вопросу мы еще вернемся, а теперь перейдемъ къ областямъ иного типа,—къ областямъ черноземнымъ и степнымъ.

Всѣ до сихъ поръ разсмотрѣнные районы, при всемъ ихъ разнообразіи, имѣютъ и общіе характерные признаки: почву всѣхъ ихъ мы называли нечерноземной; но это, конечно, не значитъ, что она вездѣ одинакова; наоборотъ, она отличается значительнымъ разнообразіемъ и часто на небольшой площади можно найти участки съ весьма различными, нерѣдко прямо противоположными свойствами: напримѣръ, рядомъ съ бѣдной песчаной, разсыпчатой, малосвязной, легко обработываемой почвой,—залегаетъ довольно богатая, глинистая или суглинистая почва, обладающая значительной связностью и потому трудно поддающаяся обработкѣ. Общее для всѣхъ этихъ почвъ, однако, то, что онѣ содержатъ незначительное количество органическаго вещества, гумуса, или это вещество не обладаетъ тѣми свойствами, которыя мы цѣнимъ въ гумусѣ и мы потому называемъ его кислымъ гумусомъ. Равнымъ образомъ и по отношенію къ климату

тѣхъ же областей мы можемъ констатировать общую черту, чрезвычайно важную для земледѣлія,—именно: количество атмосферныхъ осадковъ здѣсь всегда достаточно для производства обычныхъ нашихъ полевыхъ растеній и часто даже избыточно, почему эти области, можно сказать, никогда не страдаютъ отъ засухи, но нерѣдко отъ большого избытка влаги.

Области, къ которымъ мы теперь переходимъ, и по почвѣ и по климату представляютъ, можно сказать, прямую противоположность нечерноземнымъ областямъ нашего сѣвера, сѣверо-востока и запада. Почвы здѣсь обыкновенно на значительномъ протяженіи, если не вполнѣ одинаковы, то, все же, принадлежатъ къ одному типу: въ предѣлахъ той полосы, которую мы именуемъ черноземной, почвы принадлежатъ къ черноземному типу, т.-е. онѣ отличаются, прежде всего, значительнымъ содержаніемъ гумуса и именно, выражаясь языкомъ агрономовъ, сладкаго гумуса; вмѣстѣ съ тѣмъ, будучи сложены изъ мелкихъ, пылеватыхъ частицъ, онѣ принадлежатъ къ типу связныхъ почвъ и если обработка ихъ не особенно трудна, то только благодаря значительному содержанію перегноя (гумуса); общей чертой ихъ можно назвать и значительное содержаніе углесолей, если не въ самыхъ поверхностныхъ, то все же неглубокихъ слояхъ, тогда какъ эта группа соединеній (главнѣйшимъ представителемъ которой является углекислая известь), обыкновенно почти отсутствуетъ въ сѣверныхъ почвахъ или, во всякомъ случаѣ, заключается въ ничтожномъ количествѣ въ поверхностныхъ слояхъ почвы. Тамъ, гдѣ мы не встрѣчаемъ уже черноземовъ въ степной области, мы находимъ также почвы однообразныя на значительныхъ протяженіяхъ и при томъ почти всегда съ изобиліемъ въ поверхностномъ слоѣ растворимыхъ солей, въ числѣ которыхъ соли извести часто отступаютъ на второй планъ, замѣщаясь гораздо болѣе легко растворимыми солями щелочныхъ металловъ (солончаки). Эти нечерноземныя почвы, по мѣрѣ удаленія на востокъ и югъ, становятся все менѣе связными, но переходъ отъ болѣе связныхъ къ менѣе связнымъ совершается очень постепенно и становится замѣтенъ только на большихъ площадяхъ.

Но и климатъ разсматриваемыхъ районовъ, при значительномъ, конечно, разнообразіи въ различныхъ областяхъ,—имѣетъ общую всѣмъ этимъ районамъ черту,—именно: значительно мень-

шее сравнительно съ нечерноземнымъ райономъ количество атмосферныхъ осадковъ вообще, притомъ часто съ неблагопріятнымъ для растительности распредѣленіемъ его. Этотъ недостатокъ чувствуется, правда, не всегда и не во всѣхъ пунктахъ въ одинаковой мѣрѣ, но, все же, всѣ указанныя области страдаютъ въ большей или меньшей мѣрѣ отъ засухъ и очень рѣдко отъ избытка влаги.

Если мы прибавимъ наконецъ, что всѣ описываемые черноземные и степные районы отличаются еще однообразіемъ топографіи, представляя почти совершенную равнину, главнѣйшій наклонъ которой, какъ видно по теченію важнѣйшихъ рѣкъ,—къ югу,—тогда какъ всѣ рѣки нечерноземной Россіи, за исключеніемъ верховьевъ рѣкъ, орошающихъ черноземную область, текутъ на сѣверъ или западъ,—то мы отмѣтимъ всѣ характерныя особенности природы разсматриваемыхъ областей, конечно, только въ самыхъ общихъ и грубыхъ чертахъ.

Для выясненія условій сельскохозяйственной дѣятельности, мы должны раздѣлить эту, болѣе сухую часть русской европейской равнины на нѣсколько областей, которыя, сохраняя указанныя выше природныя свойства, тѣмъ не менѣе все еще существенно различаются между собою по естественнымъ условіямъ, а потому и ходъ ихъ экономическаго развитія до настоящаго времени и вѣроятная ихъ экономическая будущность не могутъ быть одинаковы.

Прежде всего замѣтимъ, что въ предѣлахъ тѣхъ губерній, которыя обычно относятся къ черноземной полосѣ, находятся значительные участки, часто цѣлые уѣзды, которые не имѣютъ черноземной почвы. Таковы на сѣверѣ области: части губерній: Волынской, Кіевской, Черниговской, Орловской, Тульской, Рязанской Тамбовской, Нижегородской и Казанской. Эти сѣверныя полосы въ сущности примыкаютъ къ смежнымъ съ ними областямъ и о нѣкоторыхъ изъ нимъ намъ приходилось упоминать. Поэтому мы не будемъ снова останавливаться на нихъ, такъ какъ ихъ судьба ясна изъ сказаннаго о смежныхъ нечерноземныхъ областяхъ. Съ другой стороны, на югѣ, черноземъ, какъ уже упомянуто выше, ограничивается почвами иного типа, по качеству значительно уступающими чернозему. Но затѣмъ, и сама черноземная область обыкновенно раздѣляется на 3 части, которыя именуются: первая,—болѣе сѣверная и центральная,—

центральной черноземной нестепной, а 2-я—черноземной степной и 3-я—западная, юго-западной черноземной нестепной областью. Конечно, восточныя части, какъ напримѣръ уѣзды Казанской губерніи, хотя и не принадлежатъ къ степной полосѣ, но не вполнѣ однородны и съ центральными собственно губерніями,—точно также какъ приволжскія части вообще не вполнѣ одинаковы съ болѣе западными частями.

Собственно центральная черноземная область, обнимаетъ (за исключеніемъ указанныхъ выше частей) губерніи: Рязанскую, Тульскую, Орловскую, Тамбовскую, Воронежскую, Курскую, Черниговскую, Харьковскую и Полтавскую. Этотъ центръ въ предѣлахъ чернозема представляетъ одну изъ самыхъ густонаселенныхъ областей Россіи, уступая въ этомъ отношеніи только Царству Польскому и юго-западной черноземной области и почти сравниваясь по плотности населенія съ московской промышленной областью, а по относительной численности собственно земледѣльческаго населенія далеко оставляя за собою послѣднюю. Болѣе сѣверная,—великорусская часть этой области представляетъ тотъ именно центръ, о страданіяхъ котораго мы слышимъ уже давно: жалуются не только крестьяне, но и болѣе крупные землевладѣльцы (средніе, но не самые крупные) и всѣ вообще жители даннаго района. Слѣдуетъ, впрочемъ, замѣтить, что эта область представляетъ типичную крестьянскую страну, въ которой, кромѣ крестьянъ и землевладѣльцевъ разнаго наименованія, живутъ только гражданскіе и военные чиновники съ ихъ штатомъ; промышленное же населеніе совершенно ничтожно и существуетъ почти исключительно въ связи съ желѣзными дорогами; даже тѣ отрасли промышленности, которыя обслуживаютъ земледѣліе,—какъ напримѣръ, производство земледѣльческихъ орудій,—представлены здѣсь почти исключительно мелкими ремонтными мастерскими. Чѣмъ объясняется такая промышленная отсталость мы укажемъ ниже, здѣсь же для насъ достаточно установить самый фактъ.

Переходя къ характеристикѣ мѣстнаго земледѣлія, мы напомнимъ сказанное выше о почвахъ, климатѣ и характерѣ хозяйства. По всѣмъ условіямъ мы имѣемъ передъ собою типичную страну зернового хозяйства, особенно если мы ограничимся великорусской черноземной областью: здѣсь только спорадически, обыкновенно въ очень крупныхъ владѣніяхъ, культивируется картофель

для передѣлки на заводахъ въ спиртъ или (рѣже и въ болѣе мелкихъ имѣніяхъ) въ крахмалъ; еще болѣе рѣдко встрѣчается культура сахарной свеклы и почти совершенно отсутствуютъ посѣвы кормовыхъ травъ, изъ которыхъ чаще попадаются однолѣтнія (вика, могаръ) и очень рѣдко многолѣтнія (костеръ, клеверъ, люцерна и эспарцетъ). И все это только въ крупныхъ хозяйствахъ. Крестьяне же, можно сказать, кромѣ зерновыхъ хлѣбовъ, ничего не производятъ на поляхъ, причемъ часто они совсѣмъ не имѣютъ даже огородовъ (особенно, гдѣ культивируется конопля) и почти вся надѣльная земля составляетъ пашню, такъ какъ не только лѣсъ, но и луга и выгоны обыкновенно отсутствуютъ или подъ ними разумѣются разныя, по существу неудобныя земли, какъ овраги съ ихъ берегами и тальвегами, образующими овражное дно. Такъ какъ населеніе здѣсь уже ко времени уничтоженія крѣпостного права было довольно густо и даже и частное землевладѣніе сильно раздроблено, т.-е. средній размѣръ имѣній былъ не великъ, то естественно, что величина надѣла была сведена къ минимуму и съ самаго момента освобожденія почувствовалось малоземелье; въ силу этаго именно эта область давала уже въ 60-хъ годахъ значительное число переселенцевъ на окраины, да, кромѣ того, высылала цѣлыя арміи рабочихъ на лѣтнія полевыя работы на югъ и востокъ.

На сколько велико было здѣсь малоземелье показываютъ слѣдующія данныя, заимствуемыя нами изъ статистики поземельной собственности по даннымъ изслѣдованія 1877 года. Замѣтимъ, прежде всего, что авторъ изслѣдованія беретъ собственно группу губерній, которыя онъ именуетъ «губерніями центральной земледѣльческой области», причисляя сюда Рязанскую, Тульскую, *Калужскую*, Орловскую, Курскую, Воронежскую, Тамбовскую и *Пензенскую*; мы же не отнесли выше къ центральной черноземной области великороссіи двухъ подчеркнутыхъ губерній. Но изъ общей площади названныхъ губерній указанный источникъ выдѣляетъ чисто-черноземную область, раздѣляя ее, въ свою очередь, на двѣ полосы, называемыя: черноземной—незалежной и черноземной—полузалежной. Первая изъ этихъ полосъ (черноземно-незалежная) обнимаетъ тѣ части области, которыя мы назвали великорусской центральной черноземной полосой; поэтому относящіяся къ этой полосѣ данныя мы и возьмемъ для

характеристики нашихъ положеній. По разсчету автора на эту область приходится 12.066 тыс. дес. всей земли, изъ которыхъ 9.502 тыс. дес. или 80% составляютъ пашни. Такъ какъ со времени изслѣдованія (1877 года) прошло почти 30 лѣтъ, а мы знаемъ, что распашка въ этой области за все это время продолжала расширяться, то, понятно, для настоящаго времени мы должны предположить еще высшій % пашни. Но мы не будемъ вдаваться въ эти вычисленія (которыя, въ виду способа изданія болѣе новыхъ данныхъ (1887 года), потребовали бы очень много времени), тѣмъ болѣе, что и приведенная цифра уже обнаруживаетъ, что количество другихъ видовъ угодій (лѣса. луга и выгоновъ) совершенно ничтожно. Въ частности, у крестьянъ бывшихъ владѣльческихъ процентъ пашни повышался уже въ 1877 году до 84%, а у государственныхъ до 81%. Наконецъ, слѣдуетъ прибавить, что крестьянскія земли составляютъ здѣсь 62%, владѣльческія 36%, а государственныя и удѣльныя вмѣстѣ только 1% всей территоріи области.

Въ связи съ преобладаніемъ крестьянскихъ земель находится и измельчаніе всѣхъ частныхъ владѣній: по тому же источнику 55% личныхъ собственниковъ имѣютъ владѣнія, не превышающія 10 десятинъ каждое и 31% отъ 10 до 100 десятинъ; владѣнія же размѣромъ отъ 1 до 5 тыс. десятинъ имѣются едва у 1% всѣхъ владѣльцевъ, почему и средняя величина всѣхъ частныхъ владѣній составляла еще въ 70-хъ годахъ только 80 десятинъ, понижаясь для Курской губерніи до 59 десятинъ. Правда, если мы возьмемъ процентное отношеніе площадей, находящихся во владѣніи каждой группы владѣльцевъ, то окажется, что почти половина (49%) всей площади частной собственности принадлежитъ среднимъ владѣльцамъ (отъ 100 до 1.000 дес.) и 36% крупнымъ (свыше 1.000 дес.), мелкіе же владѣнія (менѣе 100 дес.) обнимаютъ только 15% площади, и въ томъ числѣ на долю самыхъ мелкихъ (менѣе 10 дес.) приходится только 3% общей площади частной собственности. Нѣтъ, конечно, ничего удивительнаго, что при густотѣ населенія, имѣвшей мѣсто уже въ періодъ увольненія крѣпостныхъ крестьянъ, и при незначительности площадей частныхъ владѣній, размѣры отведенныхъ крестьянамъ надѣловъ были здѣсь весьма невелики. И дѣйствительно: на 100 крестьянъ бывшихъ владѣльческихъ получили надѣлы:

до 1 дес.	отъ 1 до 2 д.	отъ 2 до 3 д.	отъ 3 до 4 д.	отъ 4 до 5 д.	отъ 5 до 6 дес.	Болѣе 6 десят.
4,6	17,6	71	6,4	0,3	0,1	0,0

Такимъ образомъ надѣловъ болѣе 6 дес. у крестьянъ этой группы совсѣмъ не было; точнѣе, ихъ было всего 362, что къ общему числу надѣленныхъ (1.040.768) составитъ 0,03%. Но и надѣлы въ 3 и болѣе десятины получили только 6,8% надѣленныхъ, наибольшее-же число, 71%, или почти 3/4 получили отъ 2-хъ до 3-хъ дес. и 22,2% получили менѣе этаго.

Государственные и удѣльные крестьяне (которые въ нашемъ источникѣ слиты въ одну группу) получили, правда, значительно болѣе щедрые надѣлы и распредѣляются по рубрикамъ такъ:

Получили:

до 1 дес.	1—2 д.	2—3 д.	3—4 д.	4—5 д.	5—6 д.	Болѣе 6 д.
0,2	1,6	10,4	30,3	30	18,2	9,3

Здѣсь, слѣдовательно, обратно, преобладаютъ надѣлы выше 3-хъ дес. и меньшій размѣръ надѣла достался только 12,2% всѣхъ надѣльныхъ; около 3/5 всего числа получили отъ 3 до 5 дес. и болѣе 1/4 (27,5%)—свыше 5 дес.

Общее число государственныхъ и удѣльныхъ крестьянъ было нѣсколько больше, чѣмъ бывшихъ крѣпостныхъ, именно 1,124185 душъ.

Но при этомъ слѣдуетъ имѣть въ виду, что приростъ сельскаго населенія въ разсматриваемой области былъ тѣмъ сильнѣе,— по крайней мѣрѣ въ первыя 20 лѣтъ по надѣленіи,—чѣмъ больше былъ надѣлъ. Это подтверждается слѣдующими цифрами прироста населенія въ 20 лѣтъ (1858—1878) по группамъ.

При надѣлѣ:

до 1 д.	1 до 2 д.	2 до 3 д.	3 до 4 д.	4 до 5 д.	5 до 6 д.	болѣе 6 дес.
17,3%	17,5%	20,0%	22,7%	29,0%	30%	30,6%

Полагая, что та-же норма прироста удержалась и въ послѣдующіе годы, мы должны были-бы получить слѣдующій общій приростъ по группамъ до настоящаго 1906 года.

При надѣлѣ:

до 1 д.	1—2 д.	2—3 д.	3—4 д.	4—5 д.	5—6 д.	болѣе 6 д.
41,5	42,0	48	55,5	62,4	72,0	73,4

Въ дѣйствительности, однако, какъ показала уже перепись 1897 года, приростъ населенія почти нигдѣ не достигалъ не только наибольшихъ, но и среднихъ изъ приведенныхъ цифръ. Такъ по даннымъ. приведеннымъ въ изданіи Девріена «Россія» (т. II, средне-русская черноземная область), по цѣлымъ губерніямъ, входящимъ въ составъ этой области (слѣдовательно, включая и нечерноземныя и степныя части ихъ, значительно уклонявшіяся и въ первомъ періодѣ (1858—1878 г.г.) по величинѣ прироста отъ чисто черноземныхъ областей), мы получаемъ слѣдующія цифры прироста къ 1897 году.

	Въ 1858 г. Число жителей всего на 1 кв. в.	Въ 1897 г. Число жителей всего на 1 кв. в.	Приростъ въ %% къ населенію 1858 года.
Тульская . . .	1172249—43,5	1432743—52,6	22,2
Рязанская. . .	1427299—38,7	1827539—49,6	28,0
Орловская. . .	1532054—37,3	2054749—50,0	34,1
Тамбовская . .	1910454—32,1	2715452—46,4	42,1
Пензенская . .	1188535—34,8	1491215—43,6	25,5
Курская . . .	1811972—44,3	2396577—58,7	32,3
Воронежская .	1930859—33,1	2546255—44,0	31,9
По области . .	10973402—37,0	14464530—48,7	31,8

При поуѣздномъ вычисленіи, взявъ одни черноземные незалежные уѣзды, мы, по всей вѣроятности, получили-бы нѣсколько высшую цифру прироста для всей области, не смотря на то, что по нѣкоторымъ даннымъ, есть основаніе заключать, что въ части входящихъ въ составъ района губерній приростъ населенія въ послѣднія 2 десятилѣтія (съ 1885 года) былъ совершенно ничтоженъ или даже оно шло на убыль (это можно констатировать относительно тульской и воронежской губерній) и едва-ли можно сомнѣваться, что эта убыль относится именно къ уѣздамъ данной области, а не болѣе сѣвернымъ или болѣе южнымъ, такъ какъ данная область за этотъ періодъ особенно часто страдала отъ недородовъ (въ 1881, 1887, 1891, 1892, 1897, 1898 и 1905 годахъ, и наконецъ въ настоящемъ 1906 г.). Принимая, по этому, что приростъ всего крестьянскаго населенія области, считавшагося въ 1858 году въ 2164953 душъ мужского пола, составилъ до настоящаго момента (1907 года) только 40% населенія 1858 года,

получимъ, что теперь въ области имѣется 3030333 [1]) души мужского пола, которыя владѣютъ въ общемъ 7439149 дес. земли, т. е. по 2,45 дес. на живую мужскую душу. Уже эта цифра достаточно характерна, какъ указатель здѣшняго малоземелья. Но если мы примемъ во вниманіе сказанное выше о способѣ надѣленія и величинѣ надѣловъ различныхъ группъ крестьянъ, то получимъ гораздо болѣе мрачную картину, чѣмъ тогда, когда будемъ исходить изъ только что приведенной средней цифры.

Замѣтимъ, прежде всего, что количество земли, которымъ располагаетъ крестьянинъ при данномъ надѣлѣ, вслѣдствіе прироста населенія значительно уменьшится; предполагая, напримѣръ, что данная община получила при надѣленіи на ревизскую душу 4,2 дес., мы найдемъ, что, при приростѣ въ 40%, теперь на живую мужскую душу получится только 3 десят. Какъ мы видѣли, эта величина (3 дес.) была почти максимумомъ надѣленія для бывшихъ крѣпостныхъ въ нашей области и допуская, какъ дѣлаютъ это многіе авторы (кадеты), что размѣры крестьянскаго землевладѣнія или землепользованія будутъ доведены только до этой цифры, мы должны признать, что прирѣзка должна быть дана теперь не только тѣмъ, кто получилъ съ самаго начала менѣе или не болѣе этаго максимума, но и тѣмъ, чьи надѣлы колебались отъ 3 до 4 дес. и нѣкоторой части тѣхъ, кто получилъ 4—5 десят. Но мы для своихъ вычисленій примемъ, что получившіе 4—5 дес. и болѣе не подлежатъ надѣленію и теперь (хотя въ виду сказаннаго о приростѣ по группамъ это очень мало вѣроятно) и предположимъ, что предстоитъ довести до нормальнаго—3-хъ десятиннаго на живую мужскую душу,—только надѣлы тѣхъ группъ, которыя получили менѣе 4 дес. на душу. Нашъ источникъ, какъ и другія, имѣющіяся у насъ подъ руками, не даютъ намъ достаточно точныхъ данныхъ для предстоящаго вычисленія и мы вынуждены поэтому сдѣлать нѣкоторые подсчеты лично и взять нѣкоторыя цифры приблизительно; надѣемся однако, что эти цифры будутъ недалеки истины. Число душъ ревизскихъ, получившихъ надѣлъ не выше 4 дес. на душу было: крѣпостныхъ 1036026, а государственныхъ и удѣльныхъ

[1]) По переписи 1897 года было насчитано сельскаго населенія въ нашей области 3067188 мужчинъ, т. е. больше, чѣмъ мы считаемъ для 1906 года на 36,8 тыс. душъ. Это показываетъ, что вычисленная нами цифра скорѣе ниже, чѣмъ выше дѣйствительной.

478615 душъ или всего 1514641 душа. Принимая, какъ сказано, приростъ населенія въ 40% (что ниже даже того прироста, который имѣла наиболѣе слабо надѣленная группа въ первыя 20 лѣтъ, который, какъ мы видѣли, составилъ-бы 41,5%), мы найдемъ, что въ настоящее время подлежитъ добавочному надѣленію 2120497 душъ. Чтобы опредѣлить точно, сколько-же для этаго потребуется земли, мы должны были-бы имѣть величину общей площади владѣнія по группамъ или по крайней мѣрѣ среднюю величину владѣнія каждой группы. Нашъ источникъ не даетъ для этого вполнѣ точныхъ данныхъ. Въ немъ, правда, имѣются по каждой губерніи и уѣзду таблица, озаглавленная: «земли въ собственности и пользованіи крестьянскихъ общинъ», но въ текстѣ (стр. V) сдѣлано относительно этой таблицы нѣсколько существенныхъ оговорокъ: во-1-хъ, въ нее, какъ оказывается, включены однѣ удобныя земли, во-2-хъ, авторъ оговаривается, что «провести совершенно точную границу между надѣльными землями крестьянскихъ обществъ и пріобрѣтенными ими покупкою и другимъ путемъ, не оказалось возможнымъ, такъ какъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ въ уставныя грамоты были включены... тѣ удобныя земли, которыя были или предоставлены помѣщиками крестьянамъ по частнымъ между ними сдѣлкамъ при составленіи этихъ грамотъ, или-же куплены крестьянскими обществами у помѣщиковъ до 1861 года». Однако, за отсутствіемъ другихъ данныхъ, мы вынуждены довольствоваться величинами, которыя даетъ нашъ источникъ. Подсчитывая по таблицамъ искомую цифру, мы находимъ, что 1514691 душа была надѣлена (точнѣе—вообще владѣла подъ именемъ надѣльной) 4079545 десятинъ земли, не считая неудобной. Такимъ образомъ, наличное въ настоящее время по нашему разсчету надѣльное населеніе въ 2120497 душъ мужского пола, кромѣ прикупленной позже 1861 года въ собственность цѣлыхъ общинъ, располагая тѣмъ-же количествомъ земли, имѣетъ на наличную мужскую душу почти 1,92 десятины, т. е. нѣсколько болѣе двухъ гектаровъ. По французской или даже нѣмецкой мѣркѣ это не такъ уже мало, ибо составитъ на семью, считающую въ своемъ составѣ въ среднемъ $2^1/_2$ мужскихъ души, болѣе 5 гектаровъ на хозяйство. Но при условіяхъ нашего района эта величина должна быть признана недостаточной. Однако, если мы поставимъ себѣ задачей довести надѣленіе только до 3 десят. на наличную мужскую душу на-

дѣльнаго населенія, то выполненіе этой задачи не представитъ, повидимому, непреодолимыхъ трудностей, ибо, при такомъ надѣлѣ въ пользованіи крестьянъ должно-бы находится всего 3×2120497=6361491 дес. и слѣдовательно нужно было-бы прикупить 2281946 дес. На первый взглядъ это вполнѣ возможно, ибо здѣсь считалось въ 1878 году земель другихъ владѣльцевъ 4541573 десятины, именно: 1) частныхъ собственниковъ—4283463 дес., 2) государственныхъ—115682 дес., 3) удѣльныхъ—3058 дес. и 4) церковныхъ и монастырскихъ—1393 десятины. Нужно однако принять во вниманіе еще слѣдующія обстоятельства. Во-1-хъ, въ числѣ частновладѣльческихъ земель здѣсь показаны какъ крупныя, такъ и среднія и мелкія владѣнія, при томъ со всѣми видами ихъ угодій. Между тѣмъ, какъ извѣстно, всѣ партіи, кромѣ развѣ социалъ-революціонеровъ, предполагаютъ, что мелкія владѣнія,—не превышающія трудовой нормы семьи, но во всякомъ случаѣ не болѣе 100 дес.,—совсѣмъ не подлежатъ отчужденію;—лѣса, повидимому, также должны быть отнесены къ этой категоріи и во всякомъ случаѣ могутъ отчуждаться только въ предполагаемый государственный земельный фондъ, а не для раздачи въ непосредственное распоряженіе крестьянъ съ цѣлью обращенія въ пашню или лугъ или выгонъ. Во вторыхъ, въ числѣ государственныхъ земель даннаго района, безспорно, большой процентъ занимаютъ лѣса;—такъ, напримѣръ изъ 3325 десят. общей площади этихъ земель въ Рязанскихъ уѣздахъ района, подъ пашней находится только 231 дес., т. е. менѣе 7%, въ Курской около 9%, Воронежской 10%, въ Тульской менѣе 7%, въ Тамбовской около 11% и только въ одной Орловской нѣсколько болѣе 50%—3309 дес. Въ 3-хъ, не говоря объ удѣльныхъ земляхъ, количество которыхъ здѣсь совершенно ничтожно, нужно думать, что и церковныя и монастырскія земли значительной своей частью не могутъ подлежать отчужденію, пока существуютъ монастыри и монашествующіе, а бѣлое духовенство не имѣетъ иного обезпеченія, кромѣ доходовъ отъ земли да крайне шаткихъ доходовъ отъ исполненія требъ. Наконецъ, слѣдуетъ замѣтить, что партія конституціоналистовъ демократовъ исключаетъ изъ отчужденія дачи, не дѣлая относительно таковыхъ даже той оговорки, которая сдѣлана по отношенію къ образцовымъ хозяйствамъ, т. е. не позволяя отчуждать дачи даже въ томъ случаѣ, когда онѣ являются препятствіемъ для хозяйства

смежныхъ крестьянъ. Но самый, конечно, важный вычетъ, который нужно сдѣлать изъ находящагося въ распоряженіи земельнаго фонда, т. е. изъ 4283 тыс. частновладѣльческой земли, это мелкіе частновладѣльческіе участки. Для того, чтобы опредѣлить, какъ велика можетъ быть при этомъ площадь, не подлежащая обращенію въ надѣлъ, требуется установить предварительно то, что кадеты и другія партіи называютъ трудовой нормой и что мы, сообразно нѣмецкой терминологіи, называемъ рабочимъ участкомъ (Arbeitsflaeche). Для этаго намъ придется сдѣлать довольно длинное отступленіе; но мы далѣе увидимъ, что опредѣленіе трудовой нормы облегчитъ намъ разрѣшеніе задачи не только для разсматриваемаго, но и для всѣхъ остальныхъ районовъ.

Рабочимъ участкомъ называютъ площадь, которая можетъ поглотить работу всѣхъ наличныхъ членовъ семьи, не требуя существенной помощи постороннихъ лицъ. У насъ часто говорятъ даже вообще о полномъ отсутствіи посторонней помощи (устраненіе наемнаго труда),—но это очевидное недоразумѣніе, проистекающее изъ непониманія характера земледѣльческаго труда, особенно въ русскихъ условіяхъ и спеціально въ условіяхъ той болѣе сухой полосы, которую мы теперь разсматриваемъ. Если, именно, во всякомъ земледѣльческомъ хозяйствѣ есть такъ называемые критическіе моменты, требующіе особенно сильнаго напряженія рабочихъ силъ и опредѣляющіе собою весь результатъ хозяйственной дѣятельности цѣлаго года, тѣ моменты, о которыхъ русскій мужикъ говоритъ, что «день годъ кормитъ»,—то въ условіяхъ нашей полосы, при той системѣ хозяйства, какая практикуется здѣсь,—такіе моменты отличаются особенной остротой и каждый крестьянинъ знаетъ, что если пропустить день или часъ посѣва или уборки хлѣба, то всѣ труды его могутъ пропасть даромъ: на его полѣ или совсѣмъ ничего не выростетъ или все зерно осыплется прежде, чѣмъ онъ сниметъ урожай съ поля. Въ силу этаго мы думаемъ, что наше опредѣленіе трудовой нормы или рабочаго участка болѣе соотвѣтствуетъ тому, что хотятъ имъ выразить. Дѣло, именно, въ томъ, что такой участокъ, поглощая всю рабочую силу семьи, долженъ, конечно, давать такое количество продукта,—точнѣе говоря—такой доходъ,—чтобы владѣлецъ его могъ удовлетворять всѣ потребности семьи *надлежащимъ образомъ*. А потому нельзя заставлять

хозяина рисковать всѣмъ урожаемъ его поля ради того, чтобы избѣжать найма работника хотя-бы только на время уборки хлѣба.

Останавливаясь, въ виду приведенныхъ соображеній, на данномъ нами опредѣленіи, мы должны выяснить еще, что слѣдуетъ разумѣть подъ *надлежащимъ* удовлетвореніемъ потребностей семьи. Это, очевидно,—довольно таки неопредѣленное понятіе и количество продуктовъ или цѣнностей, представляемое имъ, совершенно зависитъ отъ того «Standart of life», который установился въ данной средѣ. Если уровень потребностей семьи ланкаширскаго ткача (по Шульцу-Геверницу) опредѣляется суммой въ 200 L. или 1.800 рублей, то потребности нашего черноземнаго крестьянина, при современномъ его Standart of life, можетъ быть, вполнѣ будутъ удовлетворены уже при доходѣ въ 300 рублей. Естественно, однако, что потребности будутъ развиваться (и этаго слѣдуетъ желать, ибо въ этомъ и состоитъ «культура») и, слѣдовательно, то, что нынѣ будетъ достаточно, скоро должно оказаться недостаточнымъ и чтобы не предпринимать вновь надѣленія, нужно будетъ придумать другія мѣры для поднятія благосостоянія. Но объ этомъ дальше.

Теперь же мы должны, хотя приблизительно, намѣтить, какая же площадь можетъ считаться въ нашемъ районѣ трудовой нормой или рабочимъ участкомъ. Само собою разумѣется, что эта величина находится въ зависимости отъ способа эксплуатаціи даннаго участка или,—говоря языкомъ агрономовъ,—отъ системы хозяйства и системы полеводства, практикуемыхъ въ данномъ случаѣ. Всѣ извѣстныя намъ аграрныя программы предлагаютъ опредѣлять трудовую норму, принимая во вниманіе обычный въ данной области способъ эксплуатаціи земли, т.-е. практикуемыя въ районѣ системы хозяйства и системы полеводства. Въ нашемъ районѣ господствуетъ такъ называемое трехполье, т.-е. зерновая система хозяйства при паровой системѣ полеводства. Это значитъ, что на поляхъ воздѣлываются исключительно злаковыя зерновыя растенія и возстановленіе плодородія достигается при помощи паровой обработки. У насъ,—именно въ разсматриваемомъ районѣ и въ крестьянскихъ хозяйствахъ,—эта система существуетъ въ наиболѣе чистомъ и наименѣе раціональномъ видѣ, т.-е. даже безъ примѣненія удобренія, хотя бы навознаго. Таково именно крестьянское хозяйство даннаго района въ огромномъ большин-

ствѣ случаевъ, тогда какъ крупные владѣльцы давно уже стремятся удобрять по возможности бо́льшую площадь и, гдѣ можно, скупаютъ весь крестьянскій навозъ для вывозки на свои поля. Это есть первая и важнѣйшая причина того общеизвѣстнаго факта, что урожаи на владѣльческихъ земляхъ всегда значительно выше, чѣмъ на крестьянскихъ. Нужно сказать, что указываемый здѣсь фактъ отнюдь не выражаетъ собою невѣжества крестьянъ; напротивъ: каждый крестьянинъ въ этой полосѣ давно уже знаетъ, что на унавоженной нивѣ хлѣбъ родится лучше, и если онъ, тѣмъ не менѣе, не удобряетъ своего поля, а предпочитаетъ продать накопившійся у него навозъ, то это есть слѣдствіе двухъ, главнымъ образомъ, обстоятельствъ: во 1-хъ, существованія общины съ ея передѣлами и переверстками, и, во 2-хъ, такъ называемаго длинноземелья [1]). Но я не буду здѣсь вновь доказывать этаго, такъ какъ для нашей цѣли важно установить самый фактъ безнавознаго хозяйства, который едва ли кѣмъ будетъ оспариваться. Придерживаясь въ точности программы кадетовъ, слѣдовало бы исходить при опредѣленіи трудовой нормы именно изъ такого способа хозяйничанья, хотя для частныхъ владѣльцевъ не существуетъ обыкновенно тѣхъ препятствій, которыя мѣшаютъ примѣненію навоза хозяину-общиннику, если только частное владѣніе не образовалось путемъ выкупа доли въ общинныхъ земляхъ, пользуясь 165 ст. Положенія; въ послѣднемъ случаѣ, если выкупленная земля не выдѣлена въ отрубной участокъ, а числится черезполосно съ владѣніями прежнихъ сообщниковъ владѣльца, для него имѣютъ значеніе почти всѣ тѣ тормозящія культуру обстоятельства, которыя вызываются общиннымъ землепользованіемъ.

Сколько же нужно земли, чтобы занять работой семью владѣльца и, само собою разумѣется, обезпечить владѣльцу удовлетвореніе всѣхъ его потребностей, если система хозяйства и полеводства будетъ совершенно такая же, какъ у мѣстныхъ крестьянъ? Замѣчу, прежде всего, что вычислить необходимую норму, исходя изъ количества земли, которое въ состояніи обработать семья, здѣсь чрезвычайно трудно, почти невозможно, такъ

[1]) На эти обстоятельства я указывалъ еще въ 1894 году въ моихъ „Экономическихъ Этюдахъ“, но былъ, какъ и слѣдовало ожидать, облитъ помоями со стороны нынѣшнихъ кадетовъ, которые тогда вѣдь были просто народниками.

какъ эта величина весьма сильно колеблется даже въ одномъ хозяйствѣ въ виду непостоянства здѣшняго климата и качествъ почвы, довольно плотной и потому легко обработываемой только въ извѣстномъ состоянiи влажности и совершенно не поддающейся обработкѣ при засухахъ, столь свойственныхъ району, равно какъ и при большомъ избыткѣ влаги. Но, кромѣ того, площадь рабочаго участка, исчисленная по работопроизводительности данной семьи зависитъ отъ состава семьи и другихъ условiй. По всѣмъ этимъ соображенiямъ, мы попробуемъ сдѣлать разсчетъ идя инымъ путемъ,—отъ потребностей семьи. Средняя семья здѣсь должна считать нѣсколько болѣе шести членовъ; но примемъ только 6, считая, что въ составъ ея входятъ 2 полныхъ работника (мужъ и жена), двое полурабочихъ (старикъ или старуха и подростокъ) и двое дѣтей. Принимая потребности полнаго рабочаго за единицу, можно считать для полурабочаго $^3/_4$ и для дѣтей,—если быть очень умѣреннымъ,—принять по $^1/_4$. Тогда потребности всей семьи выразятся потребностями четверыхъ полныхъ рабочихъ. Такъ какъ мы имѣемъ въ виду, что наша семья должна, по крайней мѣрѣ, не отказывать себѣ въ необходимомъ продовольствiи, хотя и не будетъ имѣть на своемъ столѣ курицы даже и въ двунадесятые праздники, то нельзя очень скупо исчислять цифру нужнаго ей хлѣба, хотя мы все же будемъ очень умѣренны въ нашихъ вычисленiяхъ. Обычная норма, выдаваемая на работника такъ называемаго отсыпнаго довольствiя опредѣляется въ хорошихъ хозяйствахъ нашей полосы примѣрно такъ, по разсчету на 1 мѣсяцъ: 1) два пуда ржаной муки, 2) 15—20 фунтовъ гречневой или просяной крупы, 3) 4 фунта свиного сала и 1 фун. постнаго масла (замѣняющаго и сало въ посты), 4) 3 фунта соли и сверхъ того по потребности капусты, картофеля и пр. такъ называемаго приварка, а также по праздникамъ мяса по 1 фунту въ день или (въ посты) рыбы или, взамѣнъ того, молоко въ опредѣленномъ размѣрѣ. Часто даютъ рыбу (тарань) и къ завтраку, впрочемъ только тамъ, гдѣ продовольствiе идетъ не отсыпное, а изготовляется за счетъ владѣльца. Этотъ рацiонъ можетъ дать намъ примѣрную придержку для опредѣленiя количества продуктовъ различнаго рода, потребныхъ для нашей семьи. При этомъ мы должны еще принять во вниманiе, что нашъ хозяинъ является не только работникомъ, но и хозяиномъ и, слѣдовательно, долженъ имѣть и рабочiй скотъ,

для продовольствія котораго также требуется и извѣстное количество зерна и сѣна. Кромѣ того, онъ несетъ извѣстные налоги (государственные и общественные) и долженъ неизбѣжно покупать различные предметы, какъ для потребностей хозяйства (орудія, утварь и т. п.), такъ и для нуждъ личныхъ (одежда, обувь, разные пищевые продукты).—Принимая все это во вниманіе, мы должны признать, что нашъ хозяинъ,—производя исключительно земледѣльческіе продукты и не продавая своей рабочей силы,—долженъ произвести такое количество земледѣльческихъ продуктовъ сверхъ потребностей семьи,—на продажу, чтобы цѣнность ихъ дала ему возможность покрыть всѣ его денежныя нужды. Если мы при нашихъ вычисленіяхъ будемъ строго придерживаться правила, что хозяйство нашего «полносильнаго крестьянина» (Kräftiger Bauer) должно вестись по обычной въ краѣ системѣ,—то намъ придется допустить, что онъ производитъ на своихъ поляхъ только рожь и овесъ. Но мы примемъ, что и другіе продукты земледѣлія собственно (просо, гречиху, картофель) онъ производитъ для собственныхъ потребностей самъ; для продажи, однако, у него все же могутъ быть только произведенные имъ въ избыткѣ рожь и овесъ. Равнымъ образомъ, не допуская возможности покупки такихъ продуктовъ, какъ молоко, да въ большинствѣ случаевъ и свиное сало и мясо, по скольку они нужны для потребностей семьи, мы должны принять, что нашъ крестьянинъ, кромѣ рабочаго скота, имѣетъ и корову и свинью.

Если мы теперь попытаемся вычислить, на основаніи приведенныхъ соображеній, площадь запашки нашего крестьянина, то придемъ къ слѣдующимъ выводамъ. Считая, что наша семья составляетъ (по потребности) 4 полныхъ рабочихъ силы, она должна расходовать въ годъ только на собственное продовольствіе до 100 пудовъ ржаной муки или примѣрно 110—120 пудовъ ржаного зерна; но, не отбрасывая ничего на размолъ и потерю, будемъ считать только 100 пуд. зерна; каши разнаго рода потребуется до 24 пудовъ или, считая половину просяной,—около 40 пуд. зерна,—проса и гречихи. Полагая, что такіе продукты, какъ горохъ, пшеница,—по скольку они потребляются семьей, будутъ покупными,—вычислимъ, какая площадь должна быть отведена на полученіе только трехъ названныхъ хлѣбовъ. Рожь здѣсь даетъ на крестьянскихъ поляхъ въ среднемъ урожай не свыше 5 четвертей

или 40 пудовъ, изъ коихъ 1 четверть (8 пуд.) идетъ на посѣвъ и, слѣдовательно, чистый сборъ съ десятины составитъ 32 пуда, а вся потребность семьи едва покрывается урожаемъ съ 4 десятинъ. Гречихи, при вѣсѣ въ 6 пудовъ четверть, потребуется для приготовленія крупы до 18 пудовъ или 3 четвертей; урожай-же ея обыкновенно не достигаетъ этой величины съ десятины, составляя въ среднемъ не болѣе $2^1/_2$ четвертей; если считать, что посѣвныя сѣмена отнимаютъ 1 четверть, то чистый сборъ составитъ всего $1^1/_2$ четверти и, слѣдовательно, нужно занять 2 десятины подъ гречиху. Просо здѣсь въ крестьянскихъ хозяйствахъ нормально даже не сѣется совсѣмъ; поэтому правильнѣе было-бы считать этотъ хлѣбъ покупнымъ или замѣнить его цѣликомъ гречихой. Но чтобы не преувеличивать разсчетъ, допустимъ, что 1 десятина подъ просомъ дастъ намъ необходимый запасъ пшена, т.-е. около 24 пудовъ зерна,—урожай для проса довольно значительный. При трехпольи, мы имѣли бы, слѣдовательно 4 десятины подъ паромъ, 4 десятины подъ рожью (озимью) и 4 десятины подъ ярью, изъ которой 2 десятины гречихи, 1 проса и 1 десятина осталась-бы подъ овесъ. Послѣдній даетъ здѣсь въ среднемъ урожай не выше $7^1/_2$—8 четвертей, изъ коихъ 2 четверти потребны для обсѣмененія десятины, т.-е. чистый сборъ всего 6 четвертей. Полагая, что лошадь получаетъ только по 2 гарнца въ лѣтній періодъ (180 дней) и по 1 гарнцу въ зимній періодъ, мы найдемъ,—что на прокормъ лошади надобно до $8^1/_3$ четвертей овса въ годъ. Стало быть, уже ради полученія необходимаго корма нужно расширить посѣвъ овса, а соотвѣтственно и ржи. Если-же мы припомнимъ, что наши поля должны доставлять намъ еще нѣкоторое количество картофеля (для продовольствія людей и корма свиньи), то должны будемъ признать, что культурную площадь надо по крайней мѣрѣ удвоить, чтобы выйти изъ затрудненія, тѣмъ болѣе, что для обработки 24 десятинъ пашни, которыя у насъ тогда получатся ни въ какомъ случаѣ нельзя удовольствоваться одной лошадью, даже при сошной вспашкѣ и надо имѣть ихъ 2, а еще лучше 3. Но довольствуясь двумя, мы должны будемъ скормить до 17 четвертей овса, а слѣдовательно изъ сбора съ 4 десятинъ (за вычетомъ сѣмянъ) у насъ останется только 7 четвертей на продажу. Весь чистый сборъ съ добавочныхъ 4 десятинъ ржи составитъ, правда, продажный товаръ, каковаго получится всего

128 пудовъ. Принимая во вниманіе, что цѣна ржи, а тѣмъ болѣе овса здѣсь за послѣднее десятилѣтіе только въ совсѣмъ голодные годы превышаетъ 50—55 коп. за пудъ, мы найдемъ, что весь денежный доходъ нашей семьи составитъ 80—90 рублей въ годъ. Эта сумма едва-ли можетъ покрыть даже всѣ потребности семьи, не говоря о налогахъ и податяхъ, ибо одинъ расходъ на постное масло (до 2 пудовъ) поглотитъ до 10 руб., а налоги, конечно, не менѣе какъ 20 руб. и затѣмъ на удовлетвореніе всѣхъ остальныхъ потребностей останется не болѣе 15 руб. на рабочую силу—или 10 руб. на каждаго члена семьи. Но, кромѣ того, необходимо имѣть для продовольствія скота еще сѣно; считая, что лошадь получаетъ круглый годъ по 15 фун., а корова столько-же ежедневно только зимою и что кромѣ коровы имѣется подростокъ телка или пара овецъ, потребляющіе половину того, что корова, получимъ, что на годовое продовольствіе скота необходимо запасти до 370 пудовъ сѣна,—количество, которое здѣсь можно разсчитывать получить не менѣе, чѣмъ съ 5—6 десятинъ луга. Присчитывая, наконецъ, еще десятины 2 на выгонъ и 1 десятину на усадьбу, огородъ, прогоны и проѣзды, мы получимъ, что участокъ нашего крестьянина долженъ быть ни какъ не менѣе 32—33 десятинъ, чтобы обезпечить ему тотъ необходимый минимумъ средствъ существованія, который едва-ли позволитъ ему поднять свой Standard of life выше того Standard of life, которымъ довольствуется батракъ въ сосѣднемъ крупномъ хозяйствѣ. А между тѣмъ мы старались приблизиться къ трудовой нормѣ, т.-е. нашъ участокъ на столько великъ, что онъ поглотитъ всѣ рабочія силы хозяйства. Это, впрочемъ, не вполнѣ точное выраженіе: въ данномъ семействѣ окажется еще довольно много неиспользованной рабочей силы, но эта сила будетъ свободна въ такое время, когда при данномъ строѣ земледѣльческаго производства, она не можетъ найти себѣ полезнаго приложенія въ хозяйствѣ. Дѣйствительно: нужно помнить, что въ земледѣліи вообще сравнительно короткіе рабочіе періоды перемежаются съ продолжительными нерабочими періодами и послѣдніе тѣмъ длиннѣе относительно, чѣмъ болѣе примитивно и экстенсивно ведется земледѣліе. Только при очень интенсивномъ земледѣльческомъ производствѣ эти вредные промежутки бездѣятельности, покоя рабочей силы, становятся весьма незначительны или почти исчезаютъ, по крайней мѣрѣ въ тече-

ніе вегетаціоннаго періода. Это достигается всегда введеніемъ бо́льшаго разнообразія, какъ въ смыслѣ соединенія въ хозяйствѣ нѣсколькихъ хозяйственныхъ отраслей (не только растеньеводство, но и различные виды животноводства), такъ и въ смыслѣ разнообразія въ самихъ культурныхъ растеніяхъ. Нашъ хозяинъ находится въ этомъ отношеніи въ крайне неблагопріятныхъ условіяхъ. Его время будетъ распредѣляться примѣрно слѣдующимъ образомъ: весною онъ долженъ спѣшить, чтобы покончить во́-время съ посѣвами яровыхъ, такъ какъ весна наступаетъ и протекаетъ здѣсь быстро и при небольшой задержкѣ въ посѣвѣ яровыхъ разсчитывать на полный урожай ихъ уже нельзя, ибо наступающіе тѣмъ временемъ жары быстро изсушаютъ почву и зерно не найдетъ благопріятныхъ условій для проростанія и развитія. Но затѣмъ, покончивъ съ яровыми посѣвами, хозяинъ долженъ сдѣлать довольно продолжительную передышку, ибо на полѣ до наступленія времени полки проса напримѣръ (отнимающей не очень много времени, притомъ большею частью у младшихъ членовъ семьи), дѣлать нечего. Правда, когда крестьянинъ унаваживаетъ поле, то онъ можетъ въ этотъ свободный періодъ вывозить навозъ на паръ, если только этому не препятствуетъ пастьба скота по пару; но мы предположили, что онъ и этаго не дѣлаетъ и, слѣдовательно, для него остается до наступленія сѣнокоса развѣ что вспахать и проборонавать одинъ-два раза свои 8 десятинъ пара, для чего, при двукратной вспашкѣ сохой, потребуется не болѣе 26—27 дней работы лошади, а, имѣя 2 лошади, крестьянинъ можетъ выполнить эту работу максимумъ въ 20 дней, при наибольшей, возможной для него, тщательности выполненія ея. Въ распоряженіи же его находится по меньшей мѣрѣ двойной періодъ времени. Съ наступленіемъ періода сѣнокоса и непосредственно слѣдующей за нимъ жатвы хлѣбовъ, для крестьянина настаетъ, правда, время страды, т.-е. самой напряженной и тяжелой работы, потому что и съ этой работой надо спѣшить, чтобы хлѣбъ не осыпался или не пострадалъ отъ дождя. При предположенной нами запашкѣ нашъ крестьянинъ, вѣроятно, въ большинствѣ случаевъ долженъ будетъ прибѣгать даже къ найму сторонней рабочей силы, ибо въ хозяйствѣ имѣется въ сущности одна полная рабочая сила,— мужчина, способный владѣть косой (съ грабельками), служащей здѣсь обычнымъ орудіемъ уборки хлѣба; а одному косцу при

наибольшемъ напряженіи силъ потребовалось-бы не менѣе 16 дней чтобы скосить 8 десятинъ ржи,—періодъ слишкомъ продолжительный для уборки. Но затѣмъ съ окончаніемъ полевыхъ работъ и наступленіемъ зимы у крестьянина остается опять только молотьба хлѣба, и,—какъ ни медлительна молотьба цѣпомъ,—но все-же обмолотъ урожая съ 15—16 десятинъ (16-я собственно предположена нами занятой картофелемъ) не можетъ занять семьи крестьянина, особенно при жалкихъ урожаяхъ,—болѣе какъ въ теченіи 30 дней. А затѣмъ, по меньшей мѣрѣ еще 5 мѣсяцевъ зимы, требутся только уходъ за скотомъ, да одна-двѣ поѣздки на рынокъ съ продажными продуктами и за покупкой необходимыхъ для хозяйства предметовъ.

Словомъ, разсматривая количество работы, выполняемой каждымъ членомъ крестьянской семьи въ теченіи года, мы должны признать, что оно весьма не значительно, если семья остается чисто земледѣльческой и не становится одновременно ремесленной, занимаясь кустарничествомъ, или не отправляетъ въ отхожій промыселъ хотя на часть года одного или нѣсколькихъ своихъ членовъ. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, исчисленная нами норма должна быть дѣйствительно признана предѣльной, — трудовой нормой, — т.-е. семья указаннаго состава не можетъ обработать при данной системѣ большее количество десятинъ, и ея работоспособность, какъ земледѣльческой семьи, будетъ совершенно насыщена. И тѣмъ не менѣе, какъ мы видѣли, благосостояніе ея будетъ стоять на очень низкомъ уровнѣ, если она будетъ вести свое земледѣльческое хозяйство такъ, какъ мы предположили, т.-е. такъ, какъ ведетъ его современный русскій крестьянинъ черноземной полосы. При этихъ условіяхъ трудовая норма, дѣйствительно, какъ разъ совпадаетъ съ продовольственной и не даромъ очень многіе изъ писателей кадетовъ прямо-таки путаютъ одну норму съ другой (напр., опредѣленіе продовольственной нормы, которое далъ въ слѣднее время г. А. И. Чупровъ въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ» ничѣмъ не разнится отъ трудовой нормы); при нашихъ условіяхъ обѣ эти нормы совпадаютъ. Другими словами, это значитъ, что *обладая наибольшимъ количествомъ земли, какое можетъ обработать крестьянинъ черноземной полосы, онъ способенъ заработать себѣ при современномъ положеніи земледѣльческой техники едва столько, чтобы, по пословицѣ, — «сыту не быть, но съ голоду не умереть».*

VI.

Предъидущее, довольно длинное отступленіе, имѣвшее цѣлью опредѣлить, какую величину владѣнія мы должны считать предѣльной, т.-е. не подлежащей отчужденію отъ частныхъ землевладѣльцевъ для образованія государственнаго земельнаго фонда по проекту кадетовъ, представляется только съ перваго взгляда имѣющимъ незначительную связь съ нашей главной темой, т.-е. установленіемъ возможности надѣленія крестьянина срединной черноземной полосы хотя-бы до продовольственной нормы. Прежде всего, по отношенію непосредственно къ тому вопросу, ради котораго мы начали наше разсужденіе, выясняется, что изъ числа частновладѣльческихъ земель довольно большой процентъ совсѣмъ не можетъ подлежать отчужденію, такъ какъ раздробленъ на такіе участки, которые должны быть признаны не превышающими трудовой нормы семей ихъ владѣльцевъ. Если мы примемъ во вниманіе, что за 30 лѣтъ, прошедшихъ съ тѣхъ поръ, какъ собраны были данныя, которыми мы пользуемся, еще значительная часть частновладѣльческихъ земель раздробилась на такіе участки и перешла въ собственность крестьянъ или вообще землевладѣльцевъ, обрабатывающихъ землю собственными руками, то едва-ли мы сдѣлаемъ большую ошибку, принявъ, что вся площадь мелкаго частнаго владѣнія 1877 года, т.-е. владѣнія, не превышавшія въ этомъ году 100 дес., должна быть исключена, какъ неподлежащая отчужденію. Въ нашей полосѣ эти земли занимали въ 1877 году 15% общей площади частнаго владѣнія, т.-е. 643.519 дес., и слѣдовательно осталось бы свободныхъ частновладѣльческихъ земель всего 3.639.944 десятинъ. Такой разсчетъ слѣдуетъ признать правильнымъ уже потому, что среди мелкихъ частныхъ владѣльцевъ находится очень большое число такихъ, которые имѣютъ отъ 1 до 10 десят. (они составляютъ 55% всего числа частныхъ владѣльцевъ) изъ которыхъ значительная часть можетъ выступить даже въ качествѣ претендентовъ на дополненіе ихъ владѣній изъ государственнаго земельнаго фонда если задаваться задачей снабдить всѣхъ теперешнихъ земледѣльцевъ землей въ достаточномъ количествѣ, какъ проектируютъ и кадеты.

Второй выводъ, получающійся изъ нашего разсужденія о размѣрѣ трудовой нормы надѣла, конечно, ясенъ самъ собою: если

эта норма такъ велика, какъ оказывается по нашему вычисленію, то не можетъ быть и рѣчи о томъ, чтобы наличное крестьянство могло надѣяться увеличить свое владѣніе до этой нормы. Мы должны, однако, напомнить, что всѣ наши вычисленія сдѣланы въ предположеніи, что примѣняется господствующая въ крестьянскихъ хозяйствахъ района система хозяйства и полеводства и практикуется та же техника, т.-е. тѣ же пріемы воздѣлыванія земли, какъ у крестьянъ. Далѣе мы увидимъ, какое значеніе имѣетъ эта сторона дѣла, а теперь возвратимся къ нашей главной темѣ.

Кромѣ мелкихъ частновладѣльческихъ участковъ, по предлагаемому кадетской партіей проекту, не подлежатъ отчужденію или, по крайней мѣрѣ, раздачѣ крестьянамъ и лѣса частнаго владѣнія, сосредоточенные, конечно, преимущественно въ рукахъ крупныхъ владѣльцевъ. Какъ извѣстно, лѣса для этаго района, какъ и вообще для сухихъ областей, имѣютъ огромное значеніе въ качествѣ регулятора климата. Хотя лѣса даже въ частныхъ владѣніяхъ нашего района не составляютъ и 10% общей площади этихъ владѣній, но все же въ общей сложности ихъ насчитывается (по даннымъ 1887 года) 387.092 дес. и мы, конечно, не сдѣлаемъ большой ошибки, если примемъ, что эти лѣса принадлежатъ всѣ болѣе крупнымъ частнымъ владѣніямъ, размѣръ которыхъ превосходитъ 100 дес.; иными словами — вся площадь лѣсовъ подлежитъ вычету изъ того земельнаго запаса, которымъ мы располагаемъ для добавочнаго надѣленія крестьянъ и, слѣдовательно, этотъ запасъ составитъ только 3.252.854 дес. Для той прибавки въ надѣлѣ, какую мы предположили, этой земли еще вполнѣ достаточно, ибо, по нашему разсчету, потребуется только 2.281.926 дес. и, слѣдовательно, еще почти 1 милл. дес. (970.928 дес.) осталось бы на долю тѣхъ частныхъ владѣній, которыя, по проекту гг. конституціоналистовъ-демократовъ не подлежатъ отчужденію, или въ виду того, что относятся къ числу образцовыхъ хозяйствъ, или потому, что представляютъ только «монрепо»,—дачи своихъ владѣльцевъ.

Но если такое надѣленіе возможно, то необходимо справиться, что-же дастъ оно крестьянству? выведетъ-ли оно его хотя-бы изъ того полуголоднаго состоянія, въ которомъ оно живетъ въ настоящее время?

Нашъ отвѣтъ на этотъ вопросъ долженъ быть уже ясенъ

для читателя изъ вышеприведеннаго вычисленія относительно площади рабочаго участка, необходимаго въ данномъ районѣ при данной (существующей въ настоящее время у крестьянъ) техникѣ земледѣльческаго хозяйства. Напомнимъ, что этотъ разсчетъ (конечно, очень грубый, но все-же достаточный для нашей цѣли) показалъ, что,—владѣя 32 десятинами земли подъ пашней, лугами, выгонами и усадьбой,—крестьянинъ, получая нормальный средній для данной мѣстности при условіяхъ крестьянской техники урожай, едва можетъ существовать, если не имѣетъ никакого сторонняго заработка. Конечно, мы уже и при самомъ разсчетѣ оговорили и теперь повторяемъ, что такой результатъ получается только при примѣненіи крестьянскихъ пріемовъ землевоздѣлыванія, ибо, примѣняя хотя-бы только навозное удобреніе и введя нѣкоторое разнообразіе въ культурахъ, нашъ владѣлецъ 32 дес., можетъ, вѣроятно, жить вполнѣ безбѣдно. Но все это можетъ сдѣлать владѣлецъ частнаго, отрубного, округленнаго участка, а по отношенію къ крестьянину общиннику рѣшеніе будетъ гадательно уже потому, что условія хозяйства въ общинѣ иныя, чѣмъ на земляхъ личной собственности. Но, игнорируя на сей разъ вліяніе общины, остановимся только на величинѣ владѣнія. Въ своихъ разсчетахъ относительно размѣра трудовой нормы, мы приняли нормальную среднюю семью, которая по своему составу соотвѣтствуетъ обычному составу крестьянской семьи, имѣющей надѣлъ на 2 души. При надѣлѣ въ 3 дес. на душу это дастъ владѣніе въ 6 десятинъ на семью. Если принять во вниманіе, что при всей жадности къ землѣ, здѣшній крестьянинъ все-же нигдѣ не смогъ обратить въ пашню болѣе 85% своего владѣнія, то значитъ общая площадь пашни составитъ немного болѣе 5 десятинъ (5, 1 дес.). Мы могли-бы не повторять всѣхъ приведенныхъ выше вычисленій, такъ какъ и безъ того ясно, что такой участокъ не можетъ служить даже продовольственной нормой. Но для большей убѣдительности приведемъ цифры. Посѣвная площадь (при трехпольи) составитъ 3, 4 дес. изъ коихъ 1, 7 дес. подъ рожью, а остальное подъ ярью. Ржи получится, кромѣ сѣмянъ 32×1, 7=54,4 пуд. Для нашего владѣльца 32 дес. мы считали считали необходимымъ по крайней мѣрѣ 96 пудовъ ржи, здѣсь же мы имѣемъ едва половину. Другими словами, считая, какъ прежде, что наша семья должна имѣть продовольствіе на четырехъ взрослыхъ

человѣкъ, мы получимъ, что на каждую рабочую силу придется 13,6 пуд. зерна. Это почти та норма, которую даже наша оффиціальная статистика считаетъ достаточной только въ среднемъ на каждую живую душу, а не на рабочаго человѣка; а такъ какъ въ семьѣ нашего крестьянина 6 живыхъ душъ, то и по этой нормѣ нужно было-бы 78 пудовъ, т.-е. не достаетъ почти цѣлой трети. При этомъ цифра нашей оффиціальной статистики имѣетъ въ виду все населеніе, городское и сельское вмѣстѣ, мы-же говоримъ о сельскомъ населеніи. Между тѣмъ извѣстно, что городское населеніе вездѣ потребляетъ несравненно больше мяса, чѣмъ сельское и, можетъ быть, для горожанина, питающагося не однимъ хлѣбомъ, а и мясомъ, этаго количества хлѣба вполнѣ достаточно. Но нашъ владѣлецъ шести десятинъ, конечно, не въ состояніи будетъ угощаться бифштексами, не будетъ даже имѣть въ большинствѣ случаевъ огородныхъ овощей, картофеля и даже каши; а потому такой порціи хлѣба для него окажется недостаточно. Считая, именно, что мы обратимъ все это зерно въ муку безъ всякой потери и не вычитая даже отрубей, а затѣмъ муку обратимъ въ хлѣбъ и получимъ припека (воды) 25% противъ вѣса муки,—окажется, что мы будемъ имѣть на человѣка (взрослаго) 680 фунтовъ печенаго хлѣба въ годъ или менѣе 2 фунтовъ (1,87 ф.) въ день. Но затѣмъ остается еще 1, 7 дес. земли подъ разныя яровыя. Нашему крестьянину, конечно, для обработки 6 дес. не потребуется держать болѣе одной лошади. Но если онъ пожелаетъ ее кормить овсомъ хотя-бы такъ, какъ мы полагали выше(давая полгода по 2 гарнца, полгода по 1 гарнцу въ день), то ему потребуется 545 гарнц. или 8, 5 четв. овса въ годъ. Принимая во вниманіе что цѣлая $^1/_4$ всего урожая (урожай самъ 4 или 8 четвертей) уходитъ на посѣвъ, онъ, слѣдовательно, долженъ произвести для собственныхъ потребностей по крайней мѣрѣ 10,6 четвертей, для чего необходимо занять 1,35 дес. овсомъ. У него, останется, стало быть, 0,35 дес. въ яровомъ полѣ, которые онъ воленъ занять или овсомъ на продажу,—получитъ за вычетомъ сѣмянъ нѣсколько болѣе 2 четвертей, примѣрно на 5 руб.;—или гречихой на кашу,—получитъ около 1 четверти гречихи, а за вычетомъ сѣмянъ (20 гарнцевъ) можетъ получить примѣрно 2 пуда гречневой крупы, которой ему при обильномъ кормленіи хватитъ на 1 мѣсяцъ;—или, наконецъ, онъ можетъ посѣять картофель и

получить за вычетомъ сѣмянъ около 10 четвертей картофеля, т.-е. варить для семьи примѣрно 9—10 фунтовъ картофеля въ день. Какъ- бы онъ ни распорядился этимъ остаткомъ, но ясно, что у него не останется ничего на продажу или такъ мало, что онъ никакъ не можетъ разсчитывать покрыть своимъ денежнымъ доходомъ отъ земли даже потребности питанія, ибо нужно-же ему имѣть хоть соль и постное масло для каши. Но на всѣ остальныя угодья, кромѣ пашни мы отчислили всего 0,9 дес.; а слѣдовательно такому хозяину нечего уже помышлять завести корову, для которой все-же надо сѣно и выгонъ. Если послѣдній еще можетъ быть отчасти замѣненъ паромъ и пастьбой по жнивью (стернѣ), то сѣна едва-ли можно запасти достаточно даже для лошади. Здѣшніе естественные луга даютъ не болѣе 60 пуд. съ десятины; потому, обративъ хотя бы все остальное пространство въ лугъ (въ томъ числѣ и усадьбу), мы получимъ только 54 пуда сѣна, т.-е., задавая лошади ежедневно только по 10 фунт., мы израсходуемъ его въ 216 дней, а чтобы хватило на цѣлый годъ должны будемъ давать не болѣе 6 фунтовъ ежедневно.

VII.

Сказанное достаточно показываетъ, что наградивъ крестьянъ даже даромъ, не говоря о платѣ, — прирѣзкой въ размѣрѣ до полнаго высшаго нормальнаго надѣла данной области, — мы отнюдь не создадимъ этимъ благополучія и нужно имѣть въ виду, что улучшеніе сравнительно съ современнымъ положеніемъ будетъ тѣмъ меньше, чѣмъ менѣе заработка на сторонѣ можетъ имѣть крестьянинъ. Размѣръ же этаго заработка будетъ, въ свою очередь, тѣмъ меньше, чѣмъ въ большей мѣрѣ произойдетъ ликвидація частновладѣльческаго хозяйства. Такая ликвидація во многихъ мѣстахъ должна наступить уже при томъ размѣрѣ прирѣзки, какой предположили мы. Если же пойти дальше, допустивъ, напримѣръ, что предположено будетъ поднять душевой надѣлъ до 3½ дес., то нужно будетъ, какъ видно изъ нашего разсчета, отдать крестьянамъ не только всѣ оставшіяся еще (при дополненіи надѣла до 3 дес. на живую душу) частновладѣльческія нелѣсныя земли, но и часть лѣсовъ или часть земель мелкаго владѣнія, и тогда вся область обратится въ тотъ идеаль-

ный народническій рай, въ которомъ будутъ имѣть мѣсто только хозяйства крестьянъ общинниковъ. Но будутъ ли эти общинники благоденствовать? Мы предоставляемъ читателю самому сдѣлать разсчетъ и убѣдиться, что прибавка одной десятины въ хозяйствѣ нашего двудушника, въ лучшемъ случаѣ, дастъ ему возможность не прикупать хлѣба для семьи, но не позволитъ даже имѣть,—не говорю ежедневно, а даже черезъ день,—кашу за обѣдомъ и держать хоть козу для молока. Если принять во вниманіе, что при этомъ уже исчезнетъ совершенно возможность имѣть сторонній заработокъ, особенно лѣтомъ, такъ какъ частныя хозяйства, доставляющія теперь таковой въ большемъ или меньшемъ размѣрѣ,—должны совершенно исчезнуть, то едва ли мы невправѣ заключить, что все мѣропріятіе, именуемое громкимъ именемъ—поднятія крестьянскаго благосостоянія,—правильнѣе характеризировать знаменитымъ изреченіемъ Родбертуса «леченіе общественныхъ недуговъ персидскимъ порошкомъ».

А между тѣмъ мы еще недавно читали въ трудѣ одного изъ корифеевъ нашей экономической науки, что 6 десятинъ на дворъ «надѣлъ, который и на самомъ дѣлѣ будетъ соотвѣтствовать потребительной нормѣ большинства нашихъ малоземельныхъ губерній». (А. И. Чупровъ. Къ вопросу объ аграрной реформѣ. Русск. Вѣд. № 118, 1906 г.). Правда, этотъ авторъ находитъ, что не бѣда даже если не хватитъ земли для надѣла до потребительной нормы. «Затрачивайте», говоритъ онъ, «по 10—12 р. въ годъ на десятину . . . , и вы тотчасъ же достигнете этимъ тѣхъ самыхъ результатовъ . . . какъ и прибавкой земли. Стоитъ *вспахать землю хорошимъ плугомъ, разсыпать по ней достаточное количество минеральныхъ удобреній, засѣять лучшими сѣменами и нынѣшніе 30—40 пудовые крестьянскіе урожаи немедленно удвоятся*».

Нужно сказать, что за послѣдніе годы агрономія вошла въ большой почетъ у нашихъ земцевъ и представителей либеральнаго образа мыслей, въ томъ числѣ и у многихъ профессоровъ, по своей спеціальности совершенно чуждыхъ этой наукѣ. Лѣтъ 15 или даже менѣе назадъ «агрономъ» было чуть не браннымъ словомъ и указывать на необходимость примѣненія агрикультурныхъ мѣръ для поднятія крестьянскаго хозяйства считалось почти неприличнымъ. Теперь, наоборотъ, агрикультурнымъ мѣропріятіямъ придаютъ такое значеніе, котораго не можетъ признать за

ними и настоящій агрономъ, всю жизнь посвятившій изученію этой спеціальности и проповѣди проведенія въ жизнь мѣропріятій, рекомендуемыхъ этой наукой. Примѣръ такого преувеличеннаго значенія агрикультурныхъ мѣръ представляетъ приведенная цитата изъ статьи профессора А. И. Чупрова. Мы, конечно, не будемъ оспаривать значеніе искусственныхъ туковъ вообще, но считаемъ своимъ долгомъ протестовать противъ такого преувеличенія ихъ значенія, какое видно изъ цитированныхъ словъ профессора Чупрова. Этотъ авторъ убѣдился, повидимому, въ дѣйствительности примѣненія туковъ, побывавъ въ Ломбардіи,—по крайней мѣрѣ послѣ этаго онъ выступилъ въ печати съ пропагандой этой мѣры. Въ выноскѣ цитированной нами статьи указываются, правда, и примѣры успѣшнаго примѣненія туковъ въ Россіи, упоминается даже объ имѣющемся, будто бы, цѣломъ рядѣ фактовъ огромнаго вліянія фосфорныхъ туковъ на черноземѣ. Но уже изъ самаго контекста цитированной нами фразы видно, что дѣло идетъ о вліяніи не однихъ туковъ, а цѣлаго ряда одновременно примѣняемыхъ мѣръ. Намъ извѣстны также примѣры успѣшнаго примѣненія туковъ на черноземѣ, но всѣ эти примѣры относятся къ крупнымъ частновладѣльческимъ хозяйствамъ того типа, который принято называть «образцовыми хозяйствами», т.-е. во всякомъ случаѣ къ такимъ, въ которыхъ земледѣльческая техника стоитъ очень высоко, сравнительно съ уровнемъ ея въ крестьянскомъ хозяйствѣ средней Россіи. Слѣдуетъ имѣть въ виду какъ общее правило, что всякіе туки производятъ благопріятный эффектъ только при достаточномъ количествѣ влаги и рѣшительно нѣтъ такого тука, который повліялъ бы благопріятно на растительность при недостаткѣ влаги въ почвѣ. Но районъ, о которомъ мы теперь говоримъ, страдаетъ именно частымъ недостаткомъ влаги и, слѣдовательно, разсчитывать здѣсь на туки, какъ вѣрное средство для поднятія урожаевъ, прямо таки ребячески наивно.

Совершенно точно доказаны примѣнимость и дѣйствительность удобренія туками,—въ частности именно фосфорнокислыми,—въ нечерноземной полосѣ еще въ семидесятыхъ годахъ минувшаго столѣтія покойнымъ А. Н. Энгельгардтомъ и мы выше упоминали, что именно это обстоятельство является очень важнымъ аргументомъ противъ увеличенія надѣловъ во всѣхъ нечерноземныхъ районахъ: если, въ самомъ дѣлѣ, какъ говоритъ

г. Чупровъ, достаточно затратить 10—12 рублей на десятину, чтобы удвоить урожай полей, то какой резонъ увеличивать площадь владѣнія? Мы готовы по отношенію къ сѣверной нечерноземной полосѣ даже усилить аргументъ г. Чупрова, прибавивъ, съ своей стороны, что, при правильномъ сѣвооборотѣ нѣтъ надобности примѣнять такое удобреніе ежегодно,—достаточно, если оно будетъ повторяться черезъ 2—3 года. Для этой полосы и улучшеніе сѣвооборота необыкновенно легко, ибо оно можетъ быть сдѣлано по выработанному западной Европой еще въ XVIII столѣтіи шаблону,—путемъ введенія посѣвовъ клевера на поляхъ—главнымъ образомъ.

Но совершенно иначе стоитъ дѣло относительно черноземныхъ или и нечерноземныхъ, но сухихъ центральныхъ, южныхъ и юго-восточныхъ нашихъ районовъ. Здѣсь западно-европейскій шаблонъ непримѣнимъ: клеверъ во многихъ мѣстахъ совсѣмъ не растетъ, да и задача хозяйства совершенно иная, чѣмъ въ сѣверныхъ и западныхъ нечерноземныхъ районахъ: хозяйства послѣднихъ по характеру своему могутъ быть названы скотоводственными, ибо безъ болѣе или менѣе обширнаго развитія скотоводства веденіе хозяйства здѣсь немыслимо и самая высота интенсивности хозяйства, въ концѣ концовъ, измѣряется здѣсь высотой интенсивности скотоводственной отрасли. Въ черноземныхъ и вообще сухихъ мѣстностяхъ центра, юговостока и юга Россіи скотоводство могло играть и дѣйствительно играло большую роль, пока страна оставалась малонаселенной, полудикой. Тогда страны подобнаго рода вполнѣ правильно могли быть названы странами дикаго скотоводства. Затѣмъ, съ увеличеніемъ населенія и улучшеніемъ способовъ сношенія, эти страны начинаютъ усиленно распахиваться и культивируютъ почти исключительно зерно, и, параллельно возрастанію его посѣвовъ, сокращаютъ свое скотоводство, для котораго остается все меньше и меньше пастбищъ. Послѣднія энергично распахиваются, ибо по почвѣ и другимъ условіямъ они ничѣмъ не отличаются отъ пашень, а оставались временно подъ выпасомъ только за невозможностью распашки, благодаря слабой населенности страны и отсутствію сбыта. Пастбища эти, къ тому-же, никогда не отличались большой производительностью какъ кормовыя пространства, ибо при здѣшней сухости ростъ травъ всегда былъ слабъ и только при значительности площади пастбищъ скотъ могъ продо-

вольствоваться на нихъ. Для зерновыхъ культуръ, наоборотъ, области этаго типа вполнѣ благопріятны, ибо зерновыя растенія вообще и въ частности всѣ наши главнѣйшіе хлѣбные злаки довольствуются наименьшимъ количествомъ влаги, сравнительно со всѣми другими группами культурныхъ растеній. Это не значитъ, конечно, что растенія другихъ группъ, напримѣръ, корнеплоды и травы, не могутъ воздѣлываться въ нашей мѣстности; но для успѣшнаго произрастанія ихъ требуется сравнительно очень высокая культурная техника, напримѣръ, глубокая обработка почвы, тщательная очистка ея отъ сорныхъ травъ и т. п. Во всякомъ случаѣ, однако, и въ настоящее время и въ предвидимомъ довольно отдаленномъ будущемъ такіе районы остаются и останутся районами зернового хозяйства, т.-е. будутъ производить и поставлять на рынокъ главнымъ образомъ зерно и, на первомъ мѣстѣ, хлѣбное зерно.

Еще недавно принято было даже между агрономами (и до сихъ поръ повторяется многими нѣмецкими авторами) утверждать, что прогрессъ хозяйства вообще долженъ сопровождаться развитіемъ скотоводства. Но теперь мы знаемъ, что районы разсматриваемаго типа имѣютъ весьма слабые шансы развить даже и въ будущемъ значительное скотоводство. Въ этомъ отношеніи, конечно, различныя части, соединенныя нами подъ общимъ именемъ сухихъ областей, будутъ нѣсколько различаться между собою; но во всякомъ случаѣ всѣ они имѣютъ то общее, что развитіе молочнаго хозяйства,—которое должно составить основу хозяйства всѣхъ болѣе влажныхъ сѣверныхъ и западныхъ нечерноземныхъ районовъ,—здѣсь не можетъ быть значительно: этому препятствуетъ какъ сухость климата, неблагопріятная сильному развитію травянистой растительности, такъ и нахожденіе на поляхъ (даже въ искусственныхъ травяныхъ посѣвахъ) массы горькихъ и сильно пахучихъ сорныхъ травъ (напримѣръ разныхъ видовъ полыни), вкусъ и запахъ которыхъ передаются молоку и его продуктамъ. Этотъ видъ скотоводства умѣстенъ здѣсь только въ наиболѣе интенсивной своей формѣ, при стойловомъ содержаніи скота и кормленіи зимою преимущественно корнеплодами, т.-е. исключительно въ ближайшей округѣ большихъ городовъ, и такая высокая интенсивность только въ пригородномъ районѣ и можетъ окупиться. Нужно замѣтить, при этомъ, что, благодаря природному богатству и плодородію почвъ,

особенно чисто черноземныхъ въ болѣе центральныхъ районахъ,—навозное удобреніе далеко не составляетъ здѣсь такой насущной потребности, какъ въ сѣверныхъ, нечерноземныхъ районахъ. Въ центральныхъ черноземныхъ районахъ навозное удобреніе, правда, и теперь уже окупается, но потребность въ немъ для поддержанія выгодной высоты урожаевъ, можно сказать, вдвое меньше, чѣмъ въ нечерноземныхъ мѣстностяхъ и оно вообще тѣмъ менѣе необходимо, чѣмъ болѣе тщательно ведется механическая обработка почвы,—и напримѣръ, глубокая перепашка поля часто даетъ большій эффектъ по отношенію къ урожаю, чѣмъ внесеніе навознаго удобренія. Это обстоятельство побуждаетъ крупныя хозяйства во многихъ случаяхъ совершенно игнорировать вопросъ объ удобреніи. Мелкія-же хозяйства въ большей мѣрѣ должны стремиться вносить удобреніе, ибо имъ недоступна та тщательность механической обработки, какая достигается, напримѣръ, помощью глубокой вспашки (тяжелымъ плугомъ, влекомымъ не менѣе какъ четырьмя хорошими лошадьми). Поэтому крупныя хозяйства здѣсь только въ видѣ исключенія держатъ молочный скотъ, да и тогда несутъ убытокъ отъ этаго скота.

Болѣе распространено пользованіе рогатымъ скотомъ для откорма на мясо; но этотъ способъ пользованія умѣстенъ только при существованіи въ хозяйствѣ завода (винокуреннаго или сахароваренпаго). Въ прежнее время и въ центральныхъ черноземныхъ областяхъ крупныя хозяйства почти всегда держали большія стада шерстныхъ овецъ или конскіе заводы. Въ послѣднее время овцы остались только въ исключительно большихъ латифундіяхъ или въ совершенно нераціонально ведомыхъ хозяйствахъ; конскіе-же заводы уже давно ничего не приносятъ своимъ владѣльцамъ, кромѣ убытковъ, тѣмъ болѣе, что, по рутинѣ, разводятся исключительно спортсменскіе породы,—рысистая или скаковая лошадь. Понятно, что ни овцеводство (особенно шерстное), ни коневодство не могутъ процвѣтать въ крестьянскихъ,—мелкихъ хозяйствахъ, ибо и то и другое окупаются только при извѣстной численности стада.

VIII.

Какой же выводъ слѣдуетъ сдѣлать изъ всего вышесказаннаго? Намъ кажется, что выводъ совершенно ясенъ: наши сухіе

районы,—начиная съ центральныхъ (великорусскаго и малорусскаго) черноземныхъ,—по условіямъ своего географическаго положенія и связаннаго съ нимъ климата, —суть районы крупнаго хозяйства. Это не значитъ, конечно, что мелкія хозяйства здѣсь совсѣмъ не могутъ существовать; но они въ настоящій историческій моментъ здѣсь должны уступить мѣсто болѣе крупнымъ хозяйствамъ и могутъ существовать самостоятельно только въ исключительныхъ условіяхъ, напримѣръ, при возможности разведенія какого-нибудь цѣннаго промышленнаго или торговаго растенія, или по близости большихъ городовъ, практикуя, въ послѣднемъ случаѣ, уже не земледѣліе собственно, а огородничество или садоводство и въ меньшей мѣрѣ молочное хозяйство. Но пока здѣсь нѣтъ промышленности, нѣтъ большихъ городовъ, эта послѣдняя форма мелкаго земледѣльческаго хозяйства не можетъ развиться сколько-нибудь значительно, а при общинномъ строѣ всегда будетъ влачить только очень жалкое существованіе. Воздѣлываніе же многихъ промышленныхъ и торговыхъ растеній, которыя могли бы доставить значительныя выгоды мелкимъ хозяйствамъ,—каковы, напримѣръ, свекла, табакъ и нѣкоторыя другія, — тормозится, кромѣ общины, еще и нѣкоторыми спеціальными условіями, примѣры которыхъ мы приведемъ ниже.

Намъ могутъ, пожалуй, возразить, что наше положеніе противорѣчитъ фактамъ, ибо изъ приведенныхъ нами выше данныхъ видно, что частное землевладѣніе въ центральномъ великорусскомъ черноземномъ районѣ (а еще болѣе, какъ сейчасъ увидимъ, въ малорусскомъ) въ среднемъ имѣетъ очень незначительные размѣры. На это мы могли бы отвѣтить знаменитой фразой Тюнена, что «дѣйствительность далеко не всегда раціональна». Но мы скажемъ лучше, что извѣстная общественная организація, будучи совершенно раціональной въ моментъ своего появленія, затѣмъ, развиваясь въ извѣстномъ направленіи, въ силу неизбѣжной исторической эволюціи, становится нераціональной. Такъ было и съ частнымъ землевладѣніемъ нашей центральной черноземной области: первоначально оно было, конечно, очень крупнымъ и практиковало главнымъ образомъ дикое скотоводческое хозяйство: распашка была очень незначительна, и территорія использовалась почти исключительно для выпаса полудикаго скота. Но съ размноженіемъ населенія и улучшеніемъ путей сообщенія распашка стала выгодной и постепенно скотоводство было вытѣс-

нено. Въ это время становится болѣе выгодно и дѣлить имѣнія при наслѣдованіи нѣсколькими наслѣдниками и покупать землю относительно мелкими участками; въ конечномъ результатѣ крупное землевладѣніе все болѣе исчезаетъ, а на мѣсто его становится среднее и мелкое. Если бы, параллельно этому измельчанію землевладѣнія, шло образованіе городовъ и развитіе промышленности въ районѣ и нѣкоторыя другія измѣненія,—то образовавшееся среднее землевладѣніе оказалось бы, можетъ быть наиболѣе выгодной хозяйственной формой въ данномъ районѣ. Однако, этаго не случилось, отчасти, можетъ быть, по тому, что процессъ измельчанія владѣній шелъ слишкомъ быстро, отчасти благодаря тому, что въ районѣ не оказалось такого природнаго матеріала или продукта мѣстнаго земледѣлія, добыча или обработка котораго могли бы послужить поводомъ для зарожденія обширной промышленной дѣятельности, не оказалось и другихъ благопріятныхъ для развитія промышленности условій. (Припомнимъ интенсивныя исканія желѣзныхъ рудъ, которыя дали нѣсколько лѣтъ назадъ поводъ развитію обширной спекуляціи).

Нужно прибавить, что вся экономическая политика наша, особенно со времени министерства г. Витте (т.-е. его дѣятельности, какъ министра финансовъ) препятствовала,—хотя, безъ сомнѣнія, и ненамѣренно,—экономическому развитію нашего центральнаго черноземнаго района. Всѣ мѣры, которыя отражались такъ зловредно на этомъ районѣ, проводились подъ именемъ мѣръ покровительства русской промышленности, принося въ дѣйствительности огромный вредъ именно русской промышленности вообще и въ частности особенно совершенно уничтожая возможность развитія промышленности въ такихъ районахъ, какъ центральный черноземный. Не имѣя представленія о томъ, что въ развитіи различныхъ отраслей промышленности существуетъ и должна, по логикѣ вещей, существовать извѣстная послѣдовательность, наше министерство финансовъ, въ рукахъ котораго находится (или находилось до самаго послѣдняго времени) регулированіе всего хода общественно-экономическаго развитія, задалось цѣлью насадить въ Россіи прежде всего именно тѣ отрасли промышленности, которыя, по логическому ходу развитія производствъ, должны завершать промышленное развитіе страны. Въ этомъ отношеніи министерство финансовъ дѣйствовало, руководствуясь совершенно той же логикой, какой руководятся исконн наши

народники всѣхъ толковъ. Извѣстно, что по этой логикѣ законы развитія всѣхъ другихъ народовъ,—для насъ русскихъ, не указъ; для другихъ обязательно прежде соціалистическаго строя пережить капиталическій періодъ, для Россіи же возможенъ переходъ отъ первобытнаго, чуть не натуральнаго хозяйства съ общиннымъ землепользованіемъ,—сразу къ соціалистическому строю. Совершенно подобно этому, заправилы нашей экономической политики полагали, что мы можемъ начать наше экономическое развитіе съ того, чѣмъ всѣ другіе культурные народы его заканчивали. И ученые секретари и иные ученые совѣтники министерства финансовъ, а за ними и самъ министръ, не стѣсняясь, печатно излагали свою теорію, по которой выходило, что горные промыслы, какъ добывающіе тѣ предметы (особенно уголь и желѣзо), которые составляютъ основу современной промышленности, должны развиться въ странѣ прежде всѣхъ другихъ отраслей; тогда, говорили, всѣ остальныя отрасли будутъ стоять на твердой почвѣ, какъ работающія при помощи мѣстнаго матеріала и независимыя отъ заграницы. При этомъ почтеннымъ философамъ и въ голову не приходило спросить себя: а откуда же возьмется спросъ на продукты горныхъ промысловъ въ странѣ, въ которой другія отрасли, передѣлывающія и потребляющія эти продукты, отсутствуютъ? Да когда этотъ вопросъ и возникъ, то они рѣшили его очень просто, тѣмъ болѣе, что такой знаменитый ученый, какъ Д. И. Менделѣевъ, обѣщалъ, что мы засыплемъ своимъ каменнымъ углемъ всю Европу. Когда же заграничный сбытъ оказался мифомъ, то для поддержанія горной промышленности предприняты были обширныя постройки на казенный счетъ никому не нужныхъ, или во всякомъ случаѣ убыточныхъ желѣзныхъ дорогъ, которыя и должны были служить главными потребителями нашего угля, частью непосредственно,—на топливо,—частью посредственно, какъ потребители желѣза. Но и при этихъ условіяхъ существованіе горнопромышленныхъ предпріятій оказывалось невозможнымъ или по крайней мѣрѣ доходы, приносимые ими, не удовлетворяли аппетиты нашихъ промышленниковъ, и потому оказалось необходимымъ ввести запретительныя пошлины на ввозные матеріалы этаго рода и создать всякаго рода тормозы для развитія промышленности, существовавшей передѣлкой иностранныхъ матеріаловъ. Эти добавочные тормозы потребовались по тому, что безъ нихъ англійскій камен-

ный уголь (кардифъ) обходился въ Москвѣ и даже въ Тулѣ дешевле южнорусскаго (донецкаго) угля, пользовавшагося особымъ покровительствомъ министерства финансовъ. Самой дѣйствительной мѣрой помѣшать такой конкуренціи оказалось воспрещеніе такъ называемыхъ обратныхъ желѣзнодорожныхъ тарифовъ, т.-е. такихъ тарифовъ, по которымъ грузъ перевозился въ направленіи болѣе слабаго тока товаровъ, и которыя устанавливались желѣзнодорожными управленіями значительно ниже тарифовъ на тѣ-же роды товаровъ пересылавшихся въ направленіи прямого тока, т.-е. того, въ которомъ обыкновенно передвигалась бóльшая масса грузовъ. Желѣзныя дороги при этомъ исходили изъ совершенно вѣрнаго соображенія, что для нихъ выгоднѣе нагрузить вагоны товаромъ хотя бы и по пониженному тарифу, чѣмъ везти обратно пустые вагоны. Для промышленнаго же развитія страны и особенно центральныхъ ея частей, и въ данномъ случаѣ въ наибольшей мѣрѣ для великорусской центральной черноземной полосы, — это имѣло то значеніе, что облегчало доступъ въ эти районы тѣхъ матеріаловъ, которые были необходимы для существованія здѣсь какой бы то ни было промышленности, т.-е. угля, какъ топлива, и желѣза. По условіямъ производства въ нашей странѣ, главный токъ (прямой) товаровъ по массѣ всегда будетъ направленъ къ европейской границѣ, ибо въ этомъ направленіи совершается передвиженіе наиболѣе громоздкихъ продуктовъ нашего вывоза, — хлѣба и лѣсныхъ матеріаловъ. Между тѣмъ обратный токъ, — отъ европейской границы внутрь страны,—состоитъ большею частью изъ обработанныхъ, болѣе цѣнныхъ продуктовъ, которыхъ, конечно, мы можемъ получать въ обмѣнъ за вывозимые нами малоцѣнные грузы сравнительно очень небольшое количество по массѣ. Поэтому въ этомъ направленіи вагоны, доставившіе къ границѣ нашъ хлѣбъ или лѣсъ, должны возвращаться въ огромномъ большинствѣ случаевъ пустыми, что, съ одной стороны, невыгодно отражается на доходности дорогъ, а съ другой требуетъ, чтобы стоимость провоза пустыхъ вагоновъ была возмѣщена желѣзной дорогѣ въ тарифѣ за вывозимый нами хлѣбъ и лѣсъ. До регулированія тарифовъ желѣзныхъ дорогъ министерствомъ финансовъ, желѣзнодорожныя управленія для обратнаго провоза отъ границы внутрь страны ставили очень низкіе тарифы, особенно на такіе грузы, которыхъ они могли разсчитывать получить зна-

чительную массу; таковыми были именно на первомъ мѣстѣ уголь и желѣзо въ сыромъ (чугунъ) или полуобработанномъ видѣ (желѣзо и сталь въ грубой обдѣлкѣ, болванкахъ и т. п.). Разумѣется, этотъ дешевый тарифъ на иностранные уголь и желѣзо парализовалъ въ извѣстной мѣрѣ вліяніе высокихъ таможенныхъ пошлинъ на эти матеріалы и не позволялъ русскимъ горнопромышленникамъ поднимать цѣны на свой продуктъ до желательной для нихъ высоты. И вотъ, въ интересахъ этой небольшой кучки, къ тому же въ значительной мѣрѣ иностранныхъ капиталистовъ, обратные тарифы уничтожаются. Въ результатѣ весь центральный районъ лишается возможности получать тѣ матеріалы, уголь и желѣзо, безъ которыхъ именно здѣсь невозможно развитіе какой-либо промышленности, такъ какъ на мѣстѣ нѣтъ не только желѣза, но еще болѣе необходимаго топлива. Получать же русскіе матеріалы этаго рода было невозможно, потому что горнопромышленники держали цѣны на него очень высокими, да и желѣзныя дороги, для которыхъ тогда эти товары являются товарами прямого тока, вынуждены были бы строить для этаго новые вагоны и пускать спеціальные поѣзда и, конечно, для покрытія лишнихъ расходовъ, еще болѣе поднять тарифы.

Придаточнымъ, но имѣвшимъ большое значеніе для болѣе восточныхъ и южныхъ районовъ, слѣдствіемъ вздорожанія каменнаго угля была та нефтяная вакханалія, которую мы пережили нѣсколько лѣтъ тому назадъ, и изъ которой извлекло солидные доходы другое вѣдомство (государственныхъ имуществъ), воспользовавшееся огромнымъ повышеніемъ цѣнъ на нефть, чтобы увеличить свои доходы съ нефтеносныхъ земель. Какъ извѣстно, эта вакханалія кончилась большимъ крахомъ, бывшимъ, безъ сомнѣнія, однимъ изъ важныхъ факторовъ, вызвавшихъ бакинскіе безпорядки, послужившіе вступленіемъ къ не прекратившимся и до сихъ поръ кавказскимъ неурядицамъ.

Но были и другія мѣры, изобрѣтаемыя все тѣмъ-же финансовымъ вѣдомствомъ, какъ будто намѣренно (на дѣлѣ, конечно, просто по невѣжеству) созданныя для того, чтобы затормозить ходъ экономическаго развитія и особенно вредно отражавшіяся все на томъ-же злосчастномъ центральномъ черноземномъ районѣ. Таково почти все наше акцизное законодательство, благодаря которому мелкія винокурни превратились въ огромные винокуренные заводы; а свеклосахарные заводы возрасли до такихъ раз-

мѣровъ, при которыхъ существованіе ихъ становится прямо вреднымъ съ государственной точки зрѣнія, такъ какъ ведетъ къ страшному истощенію занятыхъ подъ свеклу земель, не взирая на примѣненіе при культурѣ ея (далеко, впрочемъ, не вездѣ) искусственныхъ удобреній. Мы не будемъ, однако, останавливаться на выясненіи причинъ этихъ зловредныхъ вліяній, отсылая желающихъ выяснить ихъ себѣ къ спеціальнымъ сочиненіямъ [1]), и укажемъ здѣсь только на одинъ законъ, вредъ котораго понятенъ каждому, даже и неспеціалисту. Мы разумѣемъ законъ объ ограниченіи площади подъ культурой табака и вообще весь нашъ табачный уставъ. Этимъ уставомъ воспрещается именно культивировать табакъ на площади менѣе 140 кв. саж. въ кускѣ и самая продажа табака обставлена такими условіями, которыя даютъ табачнымъ фабрикантамъ фактическую монополію по покупкѣ табака и ставятъ производителя товара, земледѣльца, въ полную зависимость отъ этаго привилегированнаго скупщика. Въ результатѣ, разумѣется, съ одной стороны, уменьшеніе культуры этаго растенія, а съ другой—сосредоточеніе ея на поляхъ болѣе крупныхъ производителей. Надо замѣтить, что этотъ законъ былъ изданъ какъ разъ въ то время, когда табакъ началъ играть довольно видную роль въ крестьянской культурѣ многихъ мѣстностей центральной черноземной Россіи, при чемъ, по понятнымъ причинамъ, крестьяне могли занимать подъ эту культуру только очень незначительные участки,—большею частью въ огородахъ и конопляникахъ,—но получали, все-же, очень существенное подспорье для своего хозяйства. Нужно, конечно признать, что эта кукьтура не могла спасти крестьянскаго хозяйства этой полосы, такъ какъ для расширенія ея существеннымъ препятствіемъ, какъ и для всякаго вида интенсивированія собственно полевой (не огородной) культуры является общинное землепользованіе, вліяніе котораго здѣсь особенно пагубно, благодаря крупности поселковъ. Но все же, уничтожая возможность распространенія, даже и въ ограниченномъ размѣрѣ, такихъ растеній, какъ табакъ и др. растенія интенсивной культуры, обостряли, само собою разумѣется, тотъ кризисъ, который и безъ того пе-

---

[1]) Въ моемъ сочиненіи: „Основы Экономики земледѣлія“, т. I и II Спб. 1901—3 гг. разобраны довольно подробно упоминаемыя въ текстѣ мѣры нашей экономической политики.

реживало крестьянство. Если, съ другой стороны, развитіе такихъ спеціальныхъ культуръ какъ табаководство и другія, въ свою очередь, обострило-бы кризисъ въ самомъ крестьянствѣ, явившись лишнимъ стимуломъ къ уничтоженію общины, то этотъ кризисъ былъ-бы въ извѣстной мѣрѣ благодѣтельнымъ, разрушивъ одну изъ иллюзій, на которыхъ построены чуть не всѣ проекты аграрной формы.

Но, указывая ошибки нашей экономической политики, мы отнюдь не желаемъ сказать, что измѣненіемъ направленія ея можно было измѣнить ходъ экономической эволюціи и, пожалуй даже, сдѣлать мелкое хозяйство въ разсматриваемомъ районѣ на столько выгоднымъ, что оно могло бы получить здѣсь преобладаніе. Нѣтъ! мы считаемъ процессъ крушенія мелкаго крестьянскаго хозяйства въ данномъ случаѣ совершенно неизбѣжнымъ; иное направленіе экономической политики [1]) могло-бы только нѣсколько уменьшить остроту кризиса, пристроивъ часть пролетаризованнаго крестьянства къ промышленности и рѣзче подчеркнувъ самый фактъ пролетаризаціи крестьянской массы, который такъ боятся признать народники всѣхъ толковъ. Какъ-бы, однако, не закрывать глаза на дѣйствительность, все-же слѣдуетъ признать, что пролетаризація крестьянства, особенно въ этомъ районѣ, есть совершившійся фактъ, который пока только маскируется существованіемъ общины и невозможностью для сельскаго пролетаріата найти приложеніе своей рабочей силѣ внѣ земледѣлія. Въ самомъ дѣлѣ, теперь, кажется и самые наивные народники знаютъ, что въ предѣлахъ черноземной полосы вообще, а въ особенности въ центральной великорусской области среди бывшихъ крѣпостныхъ крестьянъ [2]) настоящихъ передѣловъ (съ распредѣленіемъ земли по наличнымъ душамъ) не происходило со времени выхода на волю, т.-е, около 40 лѣтъ или болѣе. Но за то происходили

[1]) Если только признать, что измѣненіе направленія экономической политики могло вообще имѣть мѣсто при данномъ соотношеніи общественныхъ силъ, однимъ изъ способовъ проявленія каковаго (соотношенія) и является направленіе экономической политики.

[2]) Говоримъ „среди бывшихъ крѣпостныхъ", такъ какъ относительно государственныхъ крестьянъ въ восьмидесятыхъ годахъ были сообщенія о передѣлахъ; однако и здѣсь они составляли не правило, а исключеніе, прибавимъ—исключеніе, встрѣчавшееся до перевода государственныхъ крестьянъ на выкупъ.

очень частые семейные раздѣлы, и при томъ въ семьяхъ, получившихъ надѣлъ на одну душу, не рѣже, а скорѣе чаще, чѣмъ въ семьяхъ, владѣвшихъ большимъ числомъ надѣловъ. Въ результатѣ мы имѣемъ семьи, наличный составъ которыхъ совершенно одинаковъ, но одна имѣетъ 1/3 надѣла, а другая 3—4 и болѣе надѣловъ. Понятно, что послѣдняя не только можетъ вообще существовать, но часто для помощи при полевыхъ работахъ держитъ наемнаго работника; первая-же нерѣдко вынуждена и остающуюся еще у нея надѣльную землю сдать въ аренду тому-же многонадѣльному семейству и отпустить на сторону для заработка одного или болѣе работниковъ, или просто всей семьей обратиться въ наемниковъ, продающихъ свою рабочую силу и совершенно лишенныхъ всякаго хозяйственнаго инвентаря. Очевидно, что такая семья является только по имени крестьянской, земледѣльческой; по существу-же она ничѣмъ не отличается отъ пролетарской семьи. Недостаточно надѣлить такую семью землею по опредѣленной нормѣ, чтобы она могла сдѣлаться крестьянской, земледѣльческой семьей: ей нужно завести и лошадь, и соху, и упряжь, и весь вообще земледѣльческій инвентарь, хотя-бы самый примитивный. Кадеты благоразумно слагаютъ съ себя обязанность разсуждать, какъ помочь этому горю; они просто говорятъ: «земли изъ государственнаго земельнаго фонда должны отводиться въ постоянное пользованіе общинамъ и союзамъ, которые обязаны распредѣлять ихъ между своими членами въ дополненіе къ имѣющейся у нихъ надѣльной и купчей землѣ до нормы, принятой для данной мѣстности» [1]. Между тѣмъ надѣльныя

---

[1]) А. Мануиловъ. Къ аграрной реформѣ. Р. В. № 155, 1906 г. Кстати отмѣтимъ еще одно мѣсто въ этой статьѣ. Авторъ указываетъ далѣе, что общинамъ и союзамъ долженъ быть данъ широкій просторъ „по устройству пользованія землями государственнаго фонда"... „Безусловно обязательно одно: *чтобы земли государственнаго фонда служили для дополнительнаго надѣленія малоземельныхъ и ни въ какомъ случаѣ не отводились даже во временное пользованіе домохозяевамъ, не причисляемымъ къ категоріи имѣющихъ право на дополнительный надѣлъ. Такимъ образомъ поземельные общины и союзы будутъ обладать запасными землями изъ государственнаго фонда для расширенія землепользованія своихъ малоземельныхъ членовъ*". Подчеркнутыя нами слова означаютъ ни больше, ни меньше, какъ то, что если въ данномъ мѣстѣ у частнаго землевладѣльца отняли больше земли, чѣмъ нужно для надѣленія до нормы смежныхъ

земли предполагается оставить въ пользованіи тѣхъ, кто ими сейчасъ пользуется и тогда возникаетъ еще вопросъ, какъ надѣлить во временное пользованіе на арендномъ правѣ такого обдѣленнаго члена общины? Соотвѣтствуетъ-ли планамъ кадетовъ надѣленіе такихъ обдѣленныхъ изъ прирѣзанныхъ, (можетъ быть довольно отдаленныхъ), бывшихъ частновладѣльческихъ земель, съ оставленіемъ за общинникомъ усадьбы въ общинѣ, или этотъ вопросъ будетъ разрѣшаться какъ-либо иначе? Такихъ вопросовъ окажется гораздо больше, чѣмъ предвидятъ кадеты, и мы еще будемъ имѣть случай указать нѣкоторые изъ нихъ далѣе.

Теперь-же, чтобы покончить съ центральнымъ черноземнымъ великорусскимъ райономъ, формулируемъ тѣ выводы, къ которымъ мы пришли.

Во 1-хъ, мы показали, что по естественнымъ условіямъ, данный районъ въ наибольшей мѣрѣ способенъ производить зерновыя растенія, на первомъ мѣстѣ зерновые хлѣба и въ настоящее время онъ и является мѣстомъ производства почти исключительно хлѣбовъ, при томъ такъ называемыхъ сѣрыхъ хлѣбовъ (ржи и овса). Во 2-хъ, благодаря тѣмъ-же естественнымъ условіямъ (отсутствію минеральныхъ богатствъ) и практиковавшейся и до сихъ поръ еще дѣйствующей экономической политикѣ,—сколько нибудь развитая промышленность здѣсь отсутствуетъ, а потому мѣстное мелкое земледѣльческое хозяйство не можетъ основаться на поставкѣ въ промышленные центры тѣхъ продуктовъ, которые даютъ возможность наилучшимъ образомъ использовать силы семьи замледѣльца на небольшомъ пространствѣ земли. Нужно, впрочемъ, прибавить, что организація этихъ отраслей производства (огородничества, садоводства, молочнаго скотоводства и т. п.) здѣсь гораздо труднѣе, чѣмъ въ сѣверномъ (нечерноземномъ) районѣ, благодаря тѣмъ-же естественнымъ условіямъ, на первомъ мѣстѣ сухости климата. Такъ, рѣдкость и незначительность естественныхъ водоемовъ (рѣкъ и озеръ) и трудность добыванія почвенной воды надлежащаго качества (большая глу-

---

крестьянъ, то избытокъ долженъ лежать втунѣ, составляя запасный фондъ. То-ли хотѣлъ сказать авторъ? Если-да (буквальный смыслъ его словъ именно таковъ), то онъ долженъ признать, что правы тѣ, которые говорятъ, что принудительное отчужденіе частновладѣльческихъ земель должно понизить общую земледѣльческую производительность Россіи.

бина колодцевъ при обычной жесткости воды) крайне затрудняютъ устройство огородовъ и садовъ, которые и въ другихъ мѣстахъ, а здѣсь тѣмъ болѣе, требуютъ поливки. Въ 3-хъ, и веденіе обыкновеннаго полевого хозяйства и улучшеніе техники хозяйства требуютъ совершенно иныхъ мѣръ, чѣмъ въ сѣверныхъ и западныхъ нечерноземныхъ областяхъ, мѣръ, которыя должна въ большинствѣ еще предложить въ будущемъ только что зарождающаяся пока русская агрономія. Мы уже указывали, напримѣръ, что разсчетъ на дѣйствіе искусственныхъ туковъ здѣсь совершенно необоснованъ и если гдѣ и имѣются примѣры благопріятнаго ихъ вліянія на урожаи, то эти примѣры относятся почти исключительно къ корнеплодамъ (свеклѣ) и всегда при очень глубокой обработкѣ почвы, требующей сильныхъ орудій, приводимыхъ въ движеніе большимъ количествомъ упряжныхъ животныхъ (не менѣе 4 лошадей или 8 воловъ). Конечно, столь-же или еще болѣе глубокой и болѣе тщательной обработки можно достигнуть перекопкой земли лопатой, но тогда потребуется затратить такое количество человѣческой рабочей силы, которое едва-ли окупится повышеніемъ урожаевъ. Главными-же мѣрами поднятія культуры въ подобномъ районѣ являются различныя, очень дорогія мелioраціи (какъ обводненіе или устройство защитныхъ лѣсныхъ посадокъ), дѣйствующія, при томъ, очень медленно, а нѣкоторыя только при условіи распространенія ихъ на значительную площадь (живыя изгороди и лѣсныя опушки). Словомъ,—это все мѣропріятія, почти совершенно недоступныя мелкимъ хозяйствамъ.

Такимъ образомъ мы приходимъ къ выводу, что то *крестьянское хозяйство,—которое можетъ удержаться здѣсь при современномъ состояніи земледѣльческой культуры и логически допустимыхъ ея улучшеніяхъ въ предвидимомъ будущемъ,—должно имѣть гораздо большіе размѣры, чѣмъ тѣ*, которые могутъ получить здѣшнія крестьянскія хозяйства по выполненіи аграрнаго проекта кадетовъ; точнѣе, размѣры эти должны быть гораздо больше тѣхъ, *которые вообще возможны здѣсь при условіи сохраненія всего земледѣльческаго населенія района въ состояніи земледѣльцевъ.* При отсутствіи постороннихъ заработковъ (а чѣмъ больше будетъ надѣленіе, тѣмъ меньше будетъ этихъ заработковъ) землепользованіе каждаго двора,—чтобы доходъ съ участка обезпечивалъ потребность въ продовольствіи, одеждѣ, жилищѣ и не-

обходимые расходы на подати и налоги,—должно достигать по меньшей мѣрѣ 20 десятинъ, если населеніе двора считать въ 6—7 душъ разнаго пола и возраста [1]). Но и мы, конечно, подобно автору цитированной въ выноскѣ статьи, должны признать, что въ настоящее время,—разъ положеніе на столько обострилось и аппетиты крестьянъ раздражены обѣщаніями чуть не всѣхъ думскихъ партій,—нельзя будетъ избѣжать нѣкотораго увеличенія крестьянскаго землепользованія. При этомъ, однако, нужно ясно представлять себѣ послѣдствія этаго дѣйствія и отнюдь не вводить ни самихъ себя, ни, тѣмъ болѣе, крестьянъ въ заблужденіе, что реформа создастъ имъ благоденствіе. Именно истинные друзья крестьянства должны наиболѣе ясно представить себѣ возможные результаты реформы и искать иныхъ мѣръ для поднятія благосостоянія народа, если они дѣйствительно стремятся его достигнуть, а не говорятъ о немъ только изъ политики, или, какъ нынѣ принято выражаться, изъ тактики.

IX.

Послѣ сказаннаго нами по поводу центральнаго черноземнаго великорусскаго района намъ придется прибавить немногое, чтобы уяснить, каково будетъ положеніе въ другихъ районахъ. Если мы возьмемъ центральный черноземный малорусскій районъ, въ тѣхъ границахъ, которыя г. Семеновъ отводитъ черноземной нестепной области этаго района [2]),—то мы имѣемъ условія весьма сильно напоминающія великорусскій черноземный центръ, хотя,

---

[1]) Къ тому-же выводу пришелъ авторъ статьи „По аграрному вопросу въ связи съ земельной программой партіи народной свободы" Русск. Вѣд. № 159, 1906 г.), скрывшійся подъ псевдонимомъ „Ясъ", каковой псевдонимъ редакція на половину раскрываетъ, указывая, что авторъ принадлежитъ къ числу „видныхъ нашихъ сельскихъ хозяевъ и ученыхъ спеціалистовъ по сельскому хозяйству". Г. Ясъ считаетъ, впрочемъ, въ семьѣ десять живыхъ душъ разнаго возраста, но оцѣниваетъ потребности ихъ крайне скромно и вычисленнаго имъ количества хлѣба не хватитъ, пожалуй, и на 6—7 душъ.

[2]) Сюда входятъ: 1) Вся Полтавская губернія, безъ Константиноградскаго уѣзда; 2) уѣзды Харьковской губерніи: Сумскій, Лебединскій, Ахтырскій, Богодуховскій, Валковскій и Харьковскій и 3) уѣзды Черниговской губерніи: Козелецкій, Нѣжинскій, Борзненскій и Конотопскій.

конечно, въ частностяхъ встрѣчаются и отклоненія. По естественнымъ даннымъ мы должны назвать и этотъ районъ сухимъ и пригоднымъ главнымъ образомъ для производства зерновыхъ хлѣбовъ; нѣкоторое исключеніе представляютъ въ этомъ отношеніи черниговскіе уѣзды, гдѣ, благодаря близости болотистаго пинскаго полѣсья, влаги нѣсколько болѣе, чѣмъ въ остальныхъ частяхъ района. За то болѣе восточныя части, именно харьковскіе уѣзды, по сухости приближаются къ смежной степной полосѣ. Но, вообще, несмотря на болѣе южное положеніе, сухость этаго района не больше, чѣмъ великорусскаго, благодаря, можетъ быть, тѣмъ-же болотамъ Пинскаго полѣсья и присутствію такой значительной рѣки, какъ Днѣпръ, который входитъ въ районъ, принявъ въ себя всѣ большіе притоки (Березину, Сеймъ и Припять) и потому именно въ этой части своего теченія является наиболѣе многоводнымъ. Присутствіе этой водной артеріи содѣйствовало, безъ сомнѣнія, и болѣе раннему экономическому развитію района, сравнительно съ великорусскимъ черноземнымъ центромъ, совершенно лишеннымъ сколько-нибудь значительныхъ рѣкъ, за исключеніемъ одного притока того-же Днѣпра (Сейма), прорѣзывающаго югозападный его уголъ; но значеніе этой рѣки, конечно, несравненно меньше, чѣмъ самого Днѣпра. Кромѣ того, болѣе быстрому экономическому развитію малорусскаго центра содѣйствовало въ послѣднія десятилѣтія и другое обстоятельство,— близость южнорусскаго (донецкаго) горнопромышленнаго района. Это обстоятельство отразилось наиболѣе рѣзко на развитіи восточной части района, болѣе близкой къ горнопромышленной области и выразилось тѣмъ, что нѣсколько уѣздовъ харьковской губерніи имѣли возможность развить у себя свеклосахарное производство, которое, хотя и помѣстилось въ наиболѣе крупныхъ имѣніяхъ, создало благопріятныя условія и для мѣстнаго крестьянства, получившаго возможность выгодно продавать избытокъ своей рабочей силы, а изрѣдка и интенсивировать производство на своихъ поляхъ, вводя въ культуру свеклу, охотно принимаемую заводами, нерѣдко даже побуждающими крестьянъ всякими льготами культивировать это растеніе на ихъ поляхъ [1]). Слѣдуетъ, впрочемъ,

---

[1]) Гг. заводчики дѣлаютъ это, конечно, не ради благодѣянія крестьянамъ, а въ виду собственныхъ „пользъ и нуждъ“. Отчасти подъ вліяніемъ нашей экономической политики вообще и въ частности спо-

сказать, что въ Полтавской губерніи, составляющей наибольшую часть разсматриваемаго района, свеклосахарное дѣло совершенно неразвито. Тѣмъ не менѣе, здѣсь положеніе земледѣльческаго населенія отнюдь не хуже, чѣмъ въ великорусской части черноземной области. Причины этаго явленія слѣдуетъ искать, съ одной стороны,—въ климатѣ, съ другой—въ условіяхъ общественныхъ. Климатъ здѣсь, повидимому, вообще болѣе мягкій и, что еще важнѣе, болѣе ровный, чѣмъ въ центральной черноземной великорусской области. Это сказывается, между прочимъ, въ меньшемъ колебаніи урожаевъ, почему голодовки здѣсь, можно сказать, составляютъ очень рѣдкое, исключительное явленіе. Однако, высота урожаевъ и ихъ большая устойчивость, безъ сомнѣнія, обусловлены и болѣе высокой земледѣльческой культурой: малороссъ, вѣдь, и до сихъ поръ сохранилъ привычку работать плугомъ и если этотъ плугъ часто еще первобытный сабанъ,—орудіе довольно неуклюжее и малопроизводительное, — то все-же вспашка сабаномъ несравненно совершеннѣе, чѣмъ вспашка великорусской сохой. Но даже и тамъ, гдѣ сабанъ вытѣсненъ несравненно менѣе совершеннымъ раломъ, все еще малороссъ обработываетъ землю лучше великорусса, ибо и рало представляетъ болѣе совершенное орудіе, чѣмъ соха. Вмѣстѣ съ тѣмъ, подсчетъ надѣльныхъ крестьянъ по нашему источнику и сравненіе съ данными 1897 года показываетъ, что приростъ населенія здѣсь былъ, повидимому, значительно сильнѣе, чѣмъ въ великорусской полосѣ: въ послѣдней нѣсколько болѣе 0,8% въ среднемъ въ годъ, а въ малороссійскомъ свыше 1%. И, рядомъ съ этимъ, имѣются свѣдѣнія, указывающія, что эта область, особенно Полтавская губернія, стояла на первомъ мѣстѣ изъ всѣхъ губерній

соба обложенія свеклосахарнаго производства, наши сахарные заводы достигли, постепенно расширяясь, такихъ размѣровъ, что даже огромныя латифундіи въ 10—12 тыс. десятинъ часто не могутъ произвести столько свекловицы, чтобы использовать вполнѣ производительность завода, тѣмъ болѣе, что свекла при частомъ повтореніи ея посѣвовъ на на одномъ полѣ даетъ неудовлетворительные урожаи (которые и вообще здѣсь въ 2—3 раза меньше западноевропейскихъ). А такъ какъ подвозъ издалека (особенно при осенней распутицѣ на черноземѣ) обходится очень дорого, то заводчики и соблазняютъ крестьянъ, земли которыхъ врѣзаются въ ихъ владѣнія, культивировать свеклу, если крестьяне не соглашаются сдать свои земли въ аренду заводскому хозяйству.

европейской Россіи по числу выселившихся изъ нея за послѣднія десятилѣтія. Между тѣмъ, по величинѣ надѣла на ревизскую душу полтавская губернія занимаетъ послѣднее мѣсто, т.-е. здѣсь надѣлы наименьшіе. Принимая, что приростъ населенія въ этой губерніи не превысилъ прироста въ великорусской области, составивъ 40% населенія 1858 года, мы должны имѣть здѣсь теперь 927.857 лицъ, надѣлы коихъ не достигаютъ 3 десят. на мужскую душу, такъ какъ до этой цифры долженъ былъ опуститься надѣлъ всѣхъ тѣхъ, кто имѣлъ не свыше 4 десятинъ на ревизскую душу. При указанной высотѣ прироста, на душу наличнаго населенія мужскаго пола окажется всего 1,59 десятинъ земли, тогда какъ въ Черниговской (черноземныхъ уѣздахъ) 1,85 десят., въ Харьковской 1,8 дес., а въ великорусской области мы имѣли 1,92 дес. Очевидно, что мы должны были бы ожидать здѣсь несравненно худшаго положенія, чѣмъ въ великорусской области; на самомъ же дѣлѣ положеніе здѣсь безспорно лучше. Это обстоятельство не можетъ быть объяснено улучшеніемъ климата, особенно на сколько дѣло идетъ о Полтавской губерніи, почвы которой, къ тому-же, по качеству должны быть поставлены значительно ниже почвъ многихъ частей центральнаго великорусскаго чернозема,—напримѣръ Курской губерніи. Единственное условіе, по отношенію къ которому малорусскій земледѣлецъ имѣетъ значительное преимущество передъ великороссомъ,—это форма землевладѣнія: тогда какъ въ великороссіи и до сихъ поръ господствуетъ община, въ малороссіи она, большею частью, исчезла въ незапамятныя времена и хотя была навязана нѣкоторымъ уѣздамъ или частямъ уѣздовъ въ Харьковской губерніи при увольненіи въ 1861 году, но, очевидно, не привилась. Благодаря господству частнаго, подворнаго землевладѣнія, малороссъ имѣетъ возможность разводить на своихъ поляхъ свеклу, когда ему это выгодно, или табакъ, и вообще устраивать на своемъ полѣ что угодно; великороссъ-же вынужденъ придерживаться трехполки, не вводя никакихъ новшествъ сравнительно съ сосѣдями; по той-же причинѣ, малороссъ, выселяясь, продаетъ свою землю вмѣстѣ съ усадьбой и является на мѣсто переселенія хотя и не капиталистомъ, но и не совсѣмъ безъ средствъ, благодаря чему можетъ скоро обзавестись хозяйствомъ и сдѣлаться настоящимъ «жителемъ». Извѣстно, что переселенцы на Амуръ, отъ которыхъ требовался

*

предварительный взносъ довольно значительной суммы за перевозку моремъ (если не ошибаемся, около 500 рублей на семью), шли исключительно или главнымъ образомъ изъ малорусскихъ губерній.

Словомъ, эта область и сравненіе ея съ центральной великорусской черноземной областью довольно ярко иллюстрируетъ намъ, какое благодѣяніе дѣлаютъ наши народники русскому крестьянству, отстаивая общину и собираясь еще закрѣпить ее добавочной прирѣзкой изъ «государственнаго земельнаго фонда», съ обязательствомъ «уравнительнаго землепользованія»,—что не можетъ имѣть иного смысла—какъ возстановленіе передѣловъ съ періодическимъ равненіемъ по «душамъ», т. е. возстановленіе самой вредной,—къ счастью вымирающей вездѣ, а на черноземѣ и давно уже вымершей,—особенности общиннаго землевладѣнія.

Но возвратимся къ фактамъ. И такъ, мы констатировали, что здѣсь приростъ населенія, не смотря на энергичную эмиграцію, былъ очень значителенъ и, во всякомъ случаѣ, со времени ревизіи 1858 года до настоящаго времени далеко превысилъ 40%. Мы, однако, примемъ, что онъ составилъ только 40% населенія 1858 года. Считая, далѣе, что и здѣсь получившіе надѣлы до 4 десятинъ должны получить прирѣзку, мы насчитываемъ таковыхъ, при приростѣ въ 40%, 1409668 душъ [1]). Если

---

[1]) Къ сожалѣнію этотъ томъ, какъ и многіе другіе изъ серіи „Статистики поземельной собственности по изслѣдованію 1877 года",—изданъ безъ текста и, насколько намъ извѣстно, текстъ, хотя и былъ обѣщанъ въ одномъ изъ слѣдующихъ томовъ, но на самомъ дѣлѣ совсѣмъ не появился. Между тѣмъ цифры надѣловъ „по душамъ" показанныя здѣсь безразлично какъ для немногочисленныхъ общинниковъ, такъ и для преобладающей массы подворныхъ владѣльцевъ, возбуждаютъ относительно послѣднихъ большое сомнѣніе, особенно въ виду того, что къ государственнымъ крестьянамъ, очевидно, причислены и всѣ тѣ, которые именуютъ себя здѣсь „казаками", при чемъ, однако, послѣдніе могли попасть и въ рубрику частныхъ владѣльцевъ. При этомъ цифра надѣла „на душу" исчислена, повидимому, для подворниковъ простымъ дѣленіемъ общей площади владѣнія жителей даннаго поселка на число мужскихъ ревизскихъ душъ въ немъ и потому не имѣетъ никакого значенія, ибо фактически въ поселкѣ распредѣленіе владѣнія могло быть самое разнообразное. Напримѣръ, 1000 душъ, владѣвшихъ 4500 десят., могли имѣть каждый по 4½ дес.; но могло быть и такъ, что 100 душъ владѣли по 40 дес., а 900 остальными 500 десятинами на всѣхъ, т. е. около полдесят. на душу.

предположимъ величину надѣла равной той, какую мы приняли для великорусской области, т. е. 3 десят., то всей земли у нуждающихся въ прирѣзкѣ должно быть 4229004 дес.; въ настоящее-же время они имѣютъ всего 2356368 дес., и, слѣдовательно прирѣзка должна составить 1872696 десятинъ. Всей частновладѣльческой земли въ районѣ считалось въ 1877 году 2760353 дес.; но изъ этаго пространства 550466 дес. принадлежали въ томъ-же году владѣльцамъ, имѣвшимъ не болѣе 100 дес. каждый и (по даннымъ 1887 года) 363308 дес. было частновладѣльческихъ и казенныхъ лѣсовъ. Если считать эти категоріи земель неотчуждаемыми, то осталось-бы 1846579 дес. для раздѣла, т. е. не достанетъ 26117 дес. А такъ какъ количество казенныхъ и удѣльныхъ земель здѣсь совершенно ничтожно (удѣльныя въ Черниговской совсѣмъ отсутствуютъ), то и при отчужденіи всѣхъ ихъ мы едва набрали-бы необходимую для прирѣзки землю. Принимая-же во вниманіе сказанное выше о приростѣ населенія, слѣдуетъ заключить, что, даже ограничивая размѣры неотчуждаемыхъ частныхъ владѣній 50 дес. (тогда прибавится къ раздѣлу до 200 тыс. десят.) все-же трудно будетъ не только сохранить образцовыя имѣнія, но даже «монрепо» (дачи) для г.г. кадетовъ. Конечно, намъ могутъ сказать, что надѣленіе предполагается доводить только до высшаго уставнаго надѣла, а таковой здѣсь считается $2^3/_4$ дес., а не 3, какъ приняли мы, и слѣдовательно, земли хватитъ для доведенія владѣнія до размѣровъ высшаго душевого надѣла. Если, однако, принять во вниманіе сказанное о процентѣ прироста населенія и о неточности разсчетовъ числа лицъ, подлежащихъ надѣленію, благодаря указанному въ выноскѣ способу опредѣленія размѣровъ надѣла, способу, пригодному только при общинномъ (и то только идеальномъ, а не реальномъ) землевладѣніи, но дающему совершенно неправильное представленіе о дѣйствительности при подворномъ владѣніи,—если все это принять во вниманіе, то придется признать недостатокъ наличныхъ земель даже и для надѣленія по урѣзанному соотвѣтственно Положенію 1861 года размѣру подушнаго надѣла. Правда, въ виду болѣе высокихъ и болѣе равномѣрныхъ здѣсь урожаевъ, надѣленіе по 3 и даже по $2^3/_4$ дес. на душу дастъ населенію большее обезпеченіе, чѣмъ въ великорусскомъ районѣ, однако, эта обезпеченность только сравнительная и, во всякомъ случаѣ, семья даже двудушника, не говоря

объ однодушникахъ, не можетъ существовать при классической трехполкѣ однимъ доходомъ отъ своего земледѣльческаго хозяйства, не смотря даже на преимущества даннаго района передъ сосѣднимъ великорусскимъ въ видѣ большей свободы распоряженія землею, благодаря подворному владѣнію и возможности, слѣдовательно, болѣе быстраго распространенія улучшенныхъ культурныхъ пріемовъ. Дѣло именно въ томъ, что климатическія условія района (сухость) требуютъ для повышенія урожаевъ и доходовъ мѣстнаго земледѣлія прежде всего примѣненія тѣхъ-же мѣръ, которыя имѣютъ значеніе и для разсмотрѣннаго великорусскаго района,—мѣръ, болѣе доступныхъ или даже вообще только осуществимыхъ или только выгодныхъ для крупныхъ хозяйствъ. И здѣсь на первомъ мѣстѣ должны стоять различныя мелioраціи, имѣющія цѣлью улучшить естественныя условія земледѣльческаго производства, спеціально-парализовать вредное вліяніе сухости климата, или регулировать пользованіе атмосферными осадками, устраняя, напримѣръ, возможность быстраго стока воды черезъ овраги, или препятствуя изсушенію почвы помощью отѣненія ея древесной растительностью и т. п. Дальше должны итти,—улучшеніе механической обработки почвы помощью введенія болѣе совершеннаго инвентаря (глубокое паханіе), и затѣмъ уже введеніе въ полеводствѣ большаго разнообразія и большей интенсивности, замѣной, напримѣръ, пара вполнѣ или частью культурой корнеплодовъ. Послѣдніе (корнеплоды), однако, могутъ здѣсь получить довольно большое распространеніе только въ смыслѣ матеріаловъ для технической переработки на заводахъ (винокуренныхъ и свеклосахарныхъ), такъ какъ въ силу невыгодности скотоводства, благодаря неразвитости промышленной жизни въ области, корнеплоды не могутъ эксплуатироваться въ качествѣ кормоваго матеріала. Но едва-ли нужно прибавлять, что заводы даже при минимальныхъ своихъ размѣрахъ доступны только крупнымъ собственникамъ или крупнымъ капиталистамъ, а не владѣльцамъ 6 или даже 20 десятинъ земли. Можно конечно, предположить, что заводы сдѣлаются товарищескими, или будутъ основываться товариществами земледѣльцевъ, но, пока что, объ этомъ можно, пожалуй, мечтать; основывать же на этой мечтѣ проэктъ земельной реформы конечно непозволительно. Нельзя даже разсчитывать, что заводскія предпріятія примутъ здѣсь такую форму, какъ, напримѣръ,

сахарные заводы Царства Польскаго; послѣдніе представляютъ совершенно независимыя, большей частью, отъ земледѣльческихъ хозяйствъ предпріятія, по отношенію къ которымъ земледѣльцы являются простыми поставщиками матеріала. Такую форму получило здѣсь свеклосахарное производство послѣ того, какъ, съ одной стороны, для хозяевъ земледѣльцевъ,—мелкихъ и крупныхъ, выяснилась выгодность культуры свеклы, а для капиталистовъ—. выгодность веденія технической переработки свеклы,—а съ другой,—страна оказалась изрѣзанной массой желѣзныхъ дорогъ и шоссейныхъ путей (проводимыхъ здѣсь военнымъ вѣдомствомъ въ стратегическихъ цѣляхъ), облегчившихъ подвозку на значительное разстояніе не только свеклы, но и еще болѣе громоздкаго топлива (каменнаго угля) и обратный возвратъ въ земледѣльческія хозяйства заводскихъ отбросовъ, составляющихъ цѣнный кормовой матеріалъ [1]). Очевидно, что если такія условія и могутъ создаться въ данномъ районѣ современемъ, то все-же для этаго должны пройти по меньшей мѣрѣ десятилѣтія.

Въ концѣ концовъ, мы приходимъ къ выводу, что и малороссійскій центральный районъ, подобно такому же великорусскому, представляетъ по естественнымъ своимъ условіямъ страну зернового хозяйства и хотя здѣсь встрѣчается меньше препятствій развитію мелкихъ земледѣльческихъ хозяйствъ, но только потому, что районъ этотъ имѣетъ больше шансовъ на развитіе промышленности, благодаря существованію хорошаго воднаго пути (Днѣпра), а, главнымъ образомъ,—близости съ одной стороны богатаго лѣсомъ полѣсья, а съ другой—горнопромышленнаго района юга Россіи (донецкаго), который можетъ снабжать его своимъ углемъ и желѣзомъ.

---

[1]) Извѣстный основатель свеклосахарно-заводскаго производства въ разсматриваемомъ районѣ, И. Г. Х., (какъ намъ передавали въ резиденціи его наслѣдника, нынѣ едва-ли не самаго крупнаго изъ сахарныхъ королей), основывая свой первый (или одинъ изъ первыхъ) заводъ мечталъ устроить товарищество съ крестьянами, которые должны были являться поставщиками свеклы на заводъ; въ этихъ видахъ онъ въ началѣ построилъ только заводъ и совсѣмъ не заводилъ культуры свеклы, такъ какъ и земли при заводѣ было недостаточно для этаго, да и качество ея не соотвѣтствовало требованіямъ свеклы. Скоро, однако, онъ убѣдился въ невозможности вести дѣло на такихъ основаніяхъ и вынужденъ былъ заложить собственное хозяйство съ культурой свеклы.

X.

Намъ осталось разсмотрѣть собственно только 2 характерныхъ района, изъ коихъ одинъ, такъ называемый югозападный черноземный, представляетъ какъ бы соединительное звено между только что разсмотрѣннымъ нами малороссійскимъ центральнымъ райономъ и Царствомъ Польскимъ; другой же,—который мы можемъ назвать вообще степнымъ,—хотя и слагается изъ нѣсколькихъ довольно различныхъ между собою въ деталяхъ частей, но всѣ эти части имѣютъ между собою то общее, что естественныя условія ихъ представляютъ наиболѣе рѣзкое выраженіе особенностей русскаго земледѣльческаго хозяйства сравнительно съ западноевропейскимъ. Если вообще Россію можно назвать, по сравненію съ западной Европой, сухой равниной, то означенный степной районъ въ наиболѣе рѣзкой степени обладаетъ тѣми свойствами, которыя характерны для сухихъ равнинъ. Представляя обширную полосу, охватывающую центральные и югозападный черноземные районы широкой лентой, простирающейся на югъ до Чернаго моря и Дуная и на востокъ до Каспійскаго моря и уральскихъ горъ, онъ занимаетъ огромную площадь, на которой равнинность и сухость выражены тѣмъ рельефнѣе, чѣмъ болѣе мы удаляемся на югъ и востокъ, и въ томъ-же направленіи измѣняются и качества почвы, которая становится постепенно менѣе пригодной для земледѣлія.

Подъ именемъ югозападнаго черноземнаго района мы будемъ разумѣть тотъ районъ, который нашъ источникъ именуетъ первой группой уѣздовъ въ губерніяхъ Кіевской, Подольской и Волынской, т.-е. всю Кіевскую губернію безъ Радомысльскаго и всю Подольскую губернію безъ Балтскаго уѣзда и южную часть Волынской губерніи, въ которую входятъ уѣзды: Староконстантиновскій, Заславскій, Кременецкій, Острогскій и Дубенскій [1]). Сѣверозападная часть Волынской губерніи имѣетъ болѣе сходства

---

[1]) Въ сущности къ тому же району принадлежитъ наибольшая часть Бессарабіи (кромѣ уѣздовъ Аккерманскаго и Измаильскаго) и 2 сѣверныхъ уѣзда Херсонской губерніи.—Александрійскій и Елисаветградскій. Бессарабія имѣетъ большое сходство съ Подольской губерніей, а названные Херсонскіе уѣзды мало отличаются отъ смежныхъ уѣздовъ Кіевской губерніи.

съ польско-литовскимъ побужьемъ, а овручскій уѣздъ вмѣстѣ съ радомысльскимъ уѣздомъ Кіевской губерніи входятъ въ составъ пинскаго полѣсья; Балтскій же уѣздъ Подольской губерніи (какъ и 2 южныхъ уѣзда Бессарабіи) отходятъ къ черноморской степной полосѣ.

Въ очерченныхъ предѣлахъ районъ будетъ заключать почти 8 милл. дес. (7.835.993 д. по изслѣдованію 1877 года и 8.135.685 д. по изслѣдованію 1887 года), изъ коихъ едва 8,1% принадлежитъ государству, церквамъ и проч. владѣльцамъ, а все остальное пространство раздѣлено почти поровну между частными владѣльцами и крестьянами (45,9% у первыхъ и 46,9% у вторыхъ).

Естественныя условія этой области довольно рѣзко отличаются отъ естественныхъ условій другихъ черноземныхъ районовъ. Это выражается, прежде всего, топографіей мѣстности: характерная для черноземныхъ областей равнинность замѣняется здѣсь довольно рѣзко выраженной холмистостью, и примѣрно въ срединѣ протяженія ея съ сѣвера на югъ, область перерѣзывается каменистой грядой, сопровождающей затѣмъ на довольно большомъ разстояніи правый берегъ Днѣпра и образующей при переходѣ черезъ него извѣстные днѣпровскіе пороги. Вторую особенность представляетъ относительное обиліе значительныхъ водныхъ путей (Днѣпръ, Бугъ и Днѣстръ), присутствіе которыхъ въ извѣстной мѣрѣ указываетъ уже на большую влажность мѣстности. Послѣдняя обусловливается, конечно, географическимъ положеніемъ страны,—въ данномъ случаѣ болѣе западнымъ, сравнительно съ другими черноземными областями,—и большею близостью къ морю (черному и средиземному). Въ связи съ этими климатическими и топографическими особенностями и распредѣленіе земли по угодьямъ значительно разнится отъ существующаго въ другихъ черноземныхъ областяхъ: тогда какъ въ двухъ разсмотрѣнныхъ выше районахъ лѣса не занимаютъ и 10%, а въ малорусской центральной едва 5% поверхности, здѣсь, хотя въ числѣ входящихъ въ область уѣздовъ встрѣчаются и такіе уѣзды, какъ Староконстантиновскій съ 5,4% лѣсовъ, и другіе, съ 7,8% лѣсовъ, но они все же представляютъ исключеніе; въ общемъ же по всей территоріи—лѣса занимаютъ (по даннымъ 1887 года) 14,2%; въ земляхъ же частной собственности, за исключеніемъ немногихъ уѣздовъ, большею частью гораздо больше, достигая по уѣздамъ отъ 30 до 50%. При этомъ

населенность области еще болѣе, чѣмъ для всѣхъ ранѣе описанныхъ областей, не исключая уже и подмосковной, и только Польша имѣетъ еще нѣсколько болѣе густое населеніе въ общемъ, но по отношенію къ плотности собственно земледѣльческаго населенія югозападная область превосходитъ даже Польшу, благодаря тому, что въ послѣдней на долю городского населенія падаетъ гораздо болѣе значительный процентъ.

По переписи 1897 года здѣсь насчитано 6.162.303 человѣка одного сельскаго населенія, безъ городовъ, что составляетъ 79 человѣкъ на 1 кв. версту, т.-е. населенность здѣсь равна населенію восточныхъ областей Пруссіи, если даже не принимать во вниманіе городского населенія; если же исключить наименѣе населенную часть, заключающую уѣзды Волынской губерніи, то въ остальной части,—въ кіевскихъ и подольскихъ уѣздахъ,—населеніе окажется еще болѣе скученнымъ [1]).

Въ связи съ различіемъ въ распредѣленіи земель по угодьямъ и величина частныхъ владѣній здѣсь иная, чѣмъ въ ранѣе разсмотрѣнныхъ черноземныхъ областяхъ: мелкія владѣнія здѣсь имѣютъ ничтожное значеніе, а наиболѣе крупныя (болѣе 1.000 дес. каждое) играютъ весьма большую роль, не только по площади владѣнія, но и по числу владѣльцевъ. Такъ напримѣръ, въ подольской губерніи (по даннымъ 1877 года) владѣльцы имѣній болѣе 1.000 дес. составляли $8\frac{1}{4}\%$ всѣхъ частныхъ владѣльцевъ, а вмѣстѣ съ владѣющими болѣе 100 дес. (средними владѣльцами) $27{,}8\%$ всѣхъ владѣльцевъ. Такое же соотношеніе замѣчается и по отношенію къ остальнымъ, входящимъ въ составъ района губерніямъ. Въ общемъ по району мелкія владѣнія, размѣромъ менѣе 100 дес. каждое, не занимали въ 1878 году и 100 тыс. дес. (92.979), тогда какъ на долю болѣе крупныхъ владѣній приходилось 3.436.082 дес., т.-е. первыя занимали всего только $2{,}6\%$ общей площади частновладѣльческихъ земель.

Обращаясь затѣмъ къ распредѣленію крестьянъ по размѣрамъ надѣловъ, мы находимъ, что здѣсь вездѣ преобладаютъ

---

[1]) Мы беремъ городское населеніе по даннымъ переписи (первая всеобщая перепись, вып. 2), хотя знаемъ, что этотъ подсчетъ невѣренъ, такъ какъ перепись считала городскимъ только то населеніе, которое живетъ въ „городахъ“ офиціальныхъ, причисляя къ сельскому населенію всѣхъ живущихъ въ такъ называемыхъ посадахъ, хотя бы эти поселки носили совершенно городской характеръ.

надѣлы, не превышающіе 4 дес. на ревизскую душу. Таковые составляли, напримѣръ, въ Подольской губерніи 99% надѣловъ всѣхъ бывшихъ владѣльческихъ и 75% всѣхъ государственныхъ крестьянъ; въ волынской среди владѣльческихъ насчитывается 87,5% получившихъ надѣлъ до 4 дес., а среди государственныхъ 62,7%· наконецъ въ Кіевской губерніи среди бывшихъ владѣльческихъ находимъ снова 98% получившихъ надѣлъ до 4 дес., а среди государственныхъ такихъ 63,9%. По всему району среди владѣльческихъ 1,113,546 ревизскихъ душъ, составляющихъ 96,6% всего крѣпостнаго населенія района, получили надѣлы не свыше 4 дес.; среди государственныхъ насчитывается таковыхъ 166.381 душъ или 68,7% всѣхъ бывшихъ государственныхъ. Въ общей же сложности имѣемъ 1.318.464 ревизскихъ души, получившихъ такіе надѣлы, которые, какъ мы признали выше, на столько измельчали, что уже не могутъ признаваться обезпечивающими возросшее населеніе другихъ районовъ.

Но, чтобы вычислить наличное къ 1907 году населеніе, мы должны были бы принять нѣсколько большую норму прироста, чѣмъ мы принимали до сихъ поръ, какъ показываетъ уже вышеприведенная цифра сельскаго населенія въ 1897 году. Тѣ 6 слишкомъ милліоновъ населенія, которые насчитаны при переписи въ селахъ, конечно, включаютъ кромѣ надѣльнаго крестьянскаго и нѣкоторыя другія группы населенія. Однако, эти послѣднія, сравнительно съ надѣльнымъ населеніемъ, исчезающе малы. Между тѣмъ, все надѣльное населеніе не составляло въ 1858 году и 3 милліоновъ (мужчинъ и женщинъ) и нужно допустить, что оно за 40 лѣтъ почти удвоилось. Изъ другихъ источниковъ мы знаемъ, что югозападный районъ дѣйствительно по величинѣ годичнаго прироста занимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ въ Россіи. Конечно, статистическая цифра прироста слагается изъ разнообразныхъ величинъ и вездѣ, гдѣ мы находимъ очень высокій годичный приростъ, мы всегда можемъ обнаружить и вселеніе, т.-е. приливъ населенія извнѣ. Нѣтъ, однако, основанія предполагать, по крайней мѣрѣ для даннаго случая, что естественный приростъ, составляющій прямое слѣдствіе размноженія аборигеновъ страны, — ниже, чѣмъ въ другихъ областяхъ или, вообще, низокъ. Наоборотъ, есть обыкновенно полное основаніе принимать, что область, привлекающая къ себѣ населеніе извнѣ, (особенно область земледѣльческая) доставляетъ живущимъ въ

ней на столько благопріятныя условія жизни, что размноженіе мѣстнаго населенія совершается довольно энергично. Вотъ почему мы думаемъ, что не только не преувеличимъ, а скорѣе преуменьшимъ число подлежащихъ надѣленію душъ, если примемъ приростъ надѣльнаго населенія въ 50% числа душъ ревизіи 1858 года. Тогда получимъ, что число подлежащихъ надѣленію составитъ къ 1907 году 1.977.696 мужскихъ душъ, или потребуется почти 2 милліона душевыхъ надѣловъ. Если примемъ надѣлъ въ 3 десятины, то населеніе это должно будетъ имѣть всего 5.993.088 дес.; теперь же оно владѣетъ 3.100.302 дес. и, слѣдовательно, нужно прирѣзать еще 2.832.786 десят., которые можно взять, конечно, только изъ частновладѣльческихъ земель, такъ какъ владѣнія другихъ категорій составляютъ въ данномъ районѣ весьма незначительную величину. Но мы видѣли, что вся площадь частновладѣльческихъ земель составляла въ 1878 году 3.529 тыс. дес., изъ коихъ около 93 тыс. отходитъ на владѣнія до 100 дес. Полагая, что послѣднія теперь на столько измельчали, что отъ нихъ не придется отрѣзать ничего, мы имѣемъ въ распоряженіи 3.436 тыс. десятинъ частновладѣльческихъ и 638.745 дес. казенныхъ земель, которыми, казалось бы, можно располагать для увеличенія крестьянскаго землевладѣнія. Однако, изъ этой площади еще въ 1887 году было подъ лѣсами 1.154 тыс. дес., и, слѣдовательно, всѣхъ остальныхъ земель, считая и неудобныя, имѣется 2.920 тыс. десятинъ, т.-е. почти ровно столько, сколько мы насчитали необходимымъ для прирѣзки. Очевидно, если выдѣлить неудобныя земли (которыхъ среди однихъ частновладѣльческихъ земель насчитывается болѣе 170 тыс.), то окажется уже недостатокъ. Къ этому слѣдуетъ прибавить, что, при принятомъ нами приростѣ 50%, слѣдовало бы нѣсколько увеличить число нуждающихся въ прирѣзкѣ за счетъ получившихъ надѣлы до 4½ десят., ибо и у таковыхъ окажется, вѣдь, нѣкоторый, хотя въ общей сложности и не очень значительный недостатокъ. Еще важнѣе, однако, то, что принятый нами приростъ, очевидно, слишкомъ малъ, какъ показала перепись 1897 года, ибо при нашихъ предположеніяхъ слѣдовало бы изъ 6 милл. наличнаго въ 1897 году сельскаго населенія отчислить чуть не 2 милл. на вселеніе, а допустить такое энергичное вселеніе у насъ нѣтъ никакихъ основаній. Но, какъ видимъ, и не принимая во вниманіе сдѣланныхъ нами ошибокъ въ вычисленіи числа лицъ, подлежащихъ надѣленію, мы уже

не въ силахъ будемъ провести надѣленіе до скромнаго размѣра въ 3 дес. на душу. При этомъ къ данному району въ еще большей степени, чѣмъ къ предъидущему, относится то, что мы сказали о неправильномъ способѣ исчисленія надѣловъ подворныхъ владѣльцевъ, которые здѣсь рѣшительно преобладаютъ. Напомнимъ, однако, что хотя югозападный край по размѣрамъ частныхъ владѣній—представляетъ настоящую страну латифундій, все же крестьянство здѣсь, даже въ періодъ обостренія отношеній, не требовало раздѣла земель, а ограничивалось требованіемъ предоставленія въ пользу мѣстныхъ жителей (помимо пришлыхъ со стороны рабочихъ) всѣхъ работъ въ крупныхъ имѣніяхъ и, развѣ что, прибавляло еще требованіе повышенной заработной платы. Это обстоятельство объясняется и здѣсь тѣми же причинами, какъ въ Царствѣ Польскомъ, т. е. на первомъ мѣстѣ господствомъ подворнаго землевладѣнія и противопоставленіемъ интересовъ болѣе зажиточнаго, буржуазнаго слоя крестьянства, интересамъ бѣднѣйшей массы, представляющей настоящій сельскій пролетаріатъ. Но, конечно, не безъ вліянія на характеръ аграрныхъ волненій, было и то, что мѣстныя крупныя хозяйства въ большинствѣ ведутся довольно интенсивно и весь районъ, по интенсивности частновладѣльческихъ хозяйствъ, долженъ быть поставленъ выше всѣхъ другихъ русскихъ районовъ (исключая, можетъ быть, только Польшу). Находя, въ силу этой интенсивности, хорошій заработокъ въ крупныхъ хозяйствахъ, именно сельскій пролетаріатъ наиболѣе заинтересованъ въ сохраненіи ихъ и если по временамъ толпа, подъ вліяніемъ тѣхъ или иныхъ соображеній, теряетъ сознаніе этаго соотношенія, то очень скоро она уразумѣваетъ свою ошибку.

Такимъ образомъ, не только желаніе сохранить «образцовыя», а въ сущности наиболѣе интенсивныя хозяйства, но и отсутствіе стремленія со стороны именно наиболѣе нуждающихся крестьянъ—раздѣлить ближайшее частновладѣльческое хозяйство, указываетъ намъ, что здѣсь проектированный шаблонъ разрѣшенія аграрнаго вопроса является неприложимымъ. Но это не значитъ, конечно, что здѣсь вообще не существуетъ аграрнаго вопроса и все обстоитъ какъ нельзя болѣе благополучно!

Хотя для детальныхъ указаній необходимыхъ мѣропріятій требовалось бы мѣстное изслѣдованіе (тѣмъ болѣе, что, благодаря отсутствію земства и управленію данной области по осо-

бому положенію, мы имѣемъ объ этомъ районѣ еще менѣе достойныхъ довѣрія свѣдѣній, чѣмъ о ранѣе разсмотрѣнныхъ областяхъ), но, все же, можно сказать, что существованіе черезполосицы, какъ между владѣніями отдѣльныхъ крестьянъ, такъ и крестьянскихъ владѣній съ землями болѣе крупныхъ частныхъ владѣльцевъ,—составляетъ одинъ изъ существенныхъ тормазовъ для развитія мѣстнаго хозяйства, тѣмъ болѣе, что черезполосица послѣдняго рода связана нерѣдко съ существованіемъ сервитутнаго права (обычно—права пастьбы скота) крестьянъ на земли смежныхъ частныхъ владѣльцевъ. Это право препятствуетъ всякимъ улучшеніямъ въ частныхъ хозяйствахъ и наноситъ огромный вредъ самимъ крестьянамъ. При ликвидаціи этаго обломка прежнихъ крѣпостныхъ отношеній, разумѣется, крупные владѣльцы должны были бы поступиться частью принадлежащей имъ земли и тѣ изъ нихъ, кто понимаетъ свои интересы, охотно пойдутъ на это.

Весьма существенной меліораціей въ данномъ районѣ слѣдуетъ считать также борьбу съ оврагами. Овраги составляютъ большое зло и въ средней черноземной Россіи; но здѣсь они сугубо вредны въ виду холмистости мѣстности, благодаря которой распашка крутыхъ склоновъ составляетъ весьма нерѣдкое явленіе даже въ крупныхъ хозяйствахъ, не говоря о крестьянскихъ. При довольно частыхъ лѣтнихъ ливняхъ съ этихъ распаханныхъ скатовъ смывается подчасъ вся культурная земля вмѣстѣ съ произрастающими на ней растеніями; или—сначала образуются глубокія водорoины, быстро вырастающія при послѣдующихъ смывахъ въ глубокія овраги. Крупныя хозяйства, правда, большею частью не доводятъ до образованія овраговъ, прекращая распашку скатовъ и принимая иныя мѣры для уничтоженія повреждeній. Но въ крестьянскихъ хозяйствахъ противъ этаго бѣдствія никакихъ мѣръ не принимается, отчасти вслѣдствіе способа надѣленія земельныхъ участковъ различнымъ хозяевамъ продольными (по скату) узкими полосками, не дозволяющими даже производить поперечную вспашку, могущую отчасти воспрепятствовать смыванію. Между тѣмъ вопросъ этотъ получаетъ общегосударственное значеніе, такъ какъ ростъ овраговъ и образованіе смывовъ грозитъ изсушеніемъ страны, удаляя, съ одной стороны, слишкомъ быстро атмосферную влагу, не успѣвающую впитаться въ землю, а съ другой,—занося рѣки смываемымъ съ полей иломъ.

По отношенію къ крупнымъ хозяйствамъ здѣсь легко было бы примѣнить правила лѣсоохраннаго закона. потребовавъ облѣсенія такихъ скатовъ подъ страхомъ принудительнаго отчужденія для облѣсенія на государственный счетъ. По отношенію же къ мелкимъ владѣніямъ рѣшеніе задачи нѣсколько труднѣе, ибо нельзя, конечно, требовать, чтобы владѣлецъ трехъ десятинъ облѣсилъ изъ нихъ одну или даже полдесятины. Поэтому, поскольку возможность подобныхъ детеріорацій неустранима помощію болѣе правильнаго размежеванія земель между отдѣльными владѣльцами, и здѣсь пришлось бы примѣнить принудительное отчужденіе, но, конечно, съ замѣной отчуждаемой земли равноцѣнной или равной по площади, но болѣе пригодной для земледѣльческой культуры по топографическому своему положенію землей. Для проведенія этой мѣры, несомнѣнно, также придется прибѣгнуть къ отчужденію части частновладѣльческихъ земель, ибо другихъ въ большинствѣ случаевъ не окажется подъ рукою. Это отчужденіе, конечно, также должно быть принудительнымъ, причемъ владѣлецъ уступаемой крестьянину земли могъ бы вознаграждаться частью путемъ обмѣна равниннаго пространства на изрѣзанные оврагами скаты, частью же,—при неудобствѣ такого обмѣна,—за счетъ государства, которое обязано принять на себя расходы по облѣсенію этихъ крутыхъ скатовъ, такъ какъ эта мѣра имѣетъ общегосударственное значеніе. Само собою разумѣется, что сказаннымъ не исчерпываются задачи аграрной реформы въ данномъ краѣ и частично и здѣсь неизбѣжно явится необходимость прирѣзки земель крестьянамъ. Напомнимъ, что мы выше назвали этотъ районъ типичнымъ райономъ латифундій. И дѣйствительно, если мы примемъ во вниманіе густоту населенія края, то нерѣдкія здѣсь владѣнія въ 30—40 тыс. десятинъ, часто въ одномъ сплошномъ кускѣ,—представятся просто чудовищными. Притомъ, обыкновенно, владѣлецъ такой латифундіи является собственникомъ нѣсколькихъ подобныхъ владѣній. Но есть и еще болѣе чудовищныя явленія въ этомъ краѣ: мы знаемъ одно майоратное владѣніе, заключающее въ одномъ ключѣ (какъ здѣсь говорятъ относительно самостоятельныхъ въ извѣстной мѣрѣ управленій) 173 тыс. дес. (сто семьдесятъ три тысячи десятинъ), [1]), да въ

[1]) Въ этотъ ключъ входитъ довольно большой городъ и цѣлыхъ четыре станціи на одной прямой линіи желѣзной дороги.

другомъ ключѣ еще свыше тридцати тыс. десятинъ. Къ тому же, этотъ майоратъ принадлежитъ почти вымершему роду и теперь, говорятъ, при помощи различныхъ фокусовъ, переводится во владѣніе австрійскаго графа (принявшаго, конечно, ради этаго русское подданство). Вообще, нѣсколько болѣе строгое соблюденіе даже и существующихъ законовъ относительно майоратовъ, а, тѣмъ болѣе, нѣкоторое ограниченіе права передачи таковыхъ въ боковыя линіи, могло бы привести довольно скоро къ переходу въ руки казны значительной части майоратныхъ владѣній, которыми данная область особенно богата [1]. Но, конечно, и тогда было бы едва ли цѣлесообразно раздавать всю площадь такихъ латифундій мелкимъ владѣльцамъ-крестьянамъ, ибо, не говоря о значительномъ пространствѣ входящихъ въ нихъ лѣсовъ,—они почти безъ исключенія должны быть причислены если не къ образцовымъ, то все же къ интенсивнымъ хозяйствамъ края, заключая обыкновенно даже не одно, а нѣсколько заводскихъ (свеклосахарныхъ или винокуренныхъ) хозяйствъ.

Но это—дѣло будущаго. Что же касается настоящаго момента, то, какъ мы показали, добавочное надѣленіе крестьянства даже до очень скромнаго размѣра, представляется совершенно неосуществимымъ.

XI.

Послѣ всего, сказаннаго въ предъидущемъ, едва ли есть надобность разсматривать детально оставшійся намъ степной районъ Россіи. Да это, впрочемъ, было бы и невозможно по многимъ причинамъ. Во-1-хъ, если по отношенію ко всѣмъ разсмотрѣннымъ до сихъ поръ областямъ мы имѣли право принимать современное земледѣльческое населеніе за прямое потомство населенія 1861 года или ревизскаго населенія 1858 года, то мы не можемъ сдѣлать такого допущенія по отношенію къ степнымъ районамъ. Конечно, и въ другихъ районахъ могло происходить частью вселеніе или выселеніе, но и тамъ, гдѣ происходило такое перемѣщеніе, оно не носило характера массоваго явленія. Здѣсь же, наоборотъ, происходило массовое вселеніе, численность котораго, однако, намъ совершенно неизвѣстна. Во-2-хъ, мы имѣемъ здѣсь

---

[1]) Цѣлая серія такихъ майоратовъ ведетъ свое начало отъ даровъ Екатерины II Потемкину.

дѣло съ территоріями, далеко неоднородными по своимъ естественнымъ качествамъ, а часто даже рѣзко различными; чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ только сравнить высокоплодородныя равнины сѣверной части Херсонской губерніи (уѣзды Елизаветградскій и Александрійскій) съ песчаными пустынями Астраханской губерніи. Пришлось бы, слѣдовательно, раздѣлить область на естественные районы, а эта работа потребовала бы массы труда и заставила бы насъ слишкомъ сильно уклониться отъ главной нашей темы для обоснованія самаго раздѣленія на районы. Къ тому же, какъ мы сейчасъ покажемъ, въ такомъ дѣленіи и нѣтъ надобности для того, чтобы сдѣлать надлежащій выводъ. Наконецъ, въ-3-хъ, слѣдуетъ имѣть въ виду, что мы ни въ какомъ случаѣ не могли бы сдѣлать подсчетовъ относительно всей разсматриваемой полосы, такъ какъ о нѣкоторыхъ, весьма значительныхъ притомъ, частяхъ ея, у насъ совершенно не имѣется данныхъ. Мы разумѣемъ такъ называемыя войсковыя земли (землю уральскаго войска и землю донского войска). Эти государства въ государствѣ совершенно не входятъ, можно сказать, въ нашу оффиціальную статистику: обѣ упомянутыя области обойдены безъ всякихъ оговорокъ въ статистикѣ поземельной собственности по изслѣдованію 1877 года; относительно уральской области тоже сдѣлано и въ статистикѣ 1887 года, гдѣ, однако, упомянуто, что данныя относительно земли донского войска не могли быть обнародованы, за ихъ совершенной непригодностью. О послѣдней мы имѣемъ, впрочемъ, нѣкоторыя свѣдѣнія по изслѣдованію о распредѣленіи земель по угодьямъ (1881 года), а первая и здѣсь обойдена и значится только въ переписи населенія 1897 года, гдѣ причислена (едва ли правильно) къ Средней Азіи.

Но, какъ мы сказали, мы можемъ обойтись и безъ детальныхъ вычисленій. Намъ нужно только установить нѣкоторыя положенія, которыя должна преслѣдовать здѣсь аграрная реформа, по скольку она сводится исключительно къ увеличенію надѣловъ. Эти положенія слѣдующія:

Во-1-хъ, чѣмъ далѣе мы подвигаемся внутрь континента или вообще переходимъ въ степную область, тѣмъ менѣе обезпечиваетъ населеніе надѣлъ извѣстнаго размѣра, ибо тѣмъ неустойчивѣе становится климатъ, суровѣе засухи и тѣмъ хуже по качеству становятся и почвы: тяжелые, суглинистые черноземы

средней Россіи переходятъ сначала въ болѣе легкія, но все еще черноземныя почвы, а затѣмъ въ такъ называемыя каштановыя и т. д., и этотъ рядъ заканчивается съ одной стороны такъ называемыми пустынно-степовыми почвами, съ другой—солончаками и сыпучими песками. Понятно, что по мѣрѣ ухудшенія условій земледѣльческаго хозяйства надѣлы должны расширяться, чтобы доставлять то же обезпеченіе, какъ при болѣе хорошихъ условіяхъ. Это отчасти было принято во вниманіе и при самомъ надѣленіи крестьянъ, особенно государственныхъ и удѣльныхъ и, въ гораздо меньшей степени, крѣпостныхъ. Во-2-хъ, мы должны имѣть въ виду, что по мѣрѣ удаленія отъ населенныхъ центровъ и улучшенныхъ путей сообщенія, крестьянинъ все въ большей степени долженъ переходить отъ денежнаго хозяйства къ натуральному, т.-е. онъ долженъ стремиться обезпечить себѣ, путемъ обработки своей земли, удовлетвореніе всѣхъ своихъ потребностей. Однако, не нужно быть большимъ философомъ, чтобы понять, что въ мѣстности, гдѣ, какъ въ нашихъ заволжскихъ и часто даже и вообще поволжскихъ, равно какъ и въ черноморскихъ степяхъ,—нѣтъ на разстояніи десятковъ, а то и сотенъ верстъ не только дерева, но и кустарника, нужно спуститься до культурнаго уровня людей каменнаго вѣка, чтобы удовлетворять всѣ свои потребности своимъ трудомъ, совсѣмъ не обращаясь къ рынку. И какъ ни низокъ культурный уровень нашего крестьянства, все же, оно при естественныхъ условіяхъ нашихъ степей можетъ удовлетворить многія изъ своихъ потребностей только путемъ пріобрѣтенія извѣстнаго рода предметовъ на рынкѣ. Значитъ, *рыночныя цѣны производимыхъ имъ товаровъ имѣютъ для него очень большое значеніе*, и именно для него важно, чтобы цѣны эти не были очень низки, иначе крестьянинъ не въ состояніи будетъ обезпечить себя покупными продуктами, безъ которыхъ онъ не въ состояніи обойтись. Въ этомъ пунктѣ мы коренныъ образомъ расходимся съ той группой ученыхъ, которая нѣсколько лѣтъ назадъ взяла на себя неблагодарную задачу доказать благодѣтельность для русскаго мужика низкихъ цѣнъ на хлѣбъ. Именно для степного крестьянина, который не въ состояніи вынести на рынокъ для продажи иного товара, кромѣ хлѣбнаго зерна, такія цѣны прямо разорительны и, можно съ увѣренностью сказать, что обнищаніе нашего крестьянства не пошло бы такимъ быстрымъ темпомъ, если бы въ голодные 1891

и 1892 годы не былъ воспрещенъ вывозъ хлѣба, такъ какъ вызванная этимъ запрещеніемъ потеря рынковъ для нашего зерна повела къ небывалому паденію цѣнъ въ послѣдующіе годы, почему крестьянство и при весьма хорошихъ послѣдующихъ урожаяхъ не успѣло поправиться, а еще болѣе разорилось. Ошибка авторовъ указаннаго труда заключается именно въ томъ, что они представляютъ себѣ возможнымъ существованіе натуральнаго хозяйства среди нашихъ крестьянъ, тогда какъ въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ таковое могло существовать въ прежнія времена, оно давно отжило свой вѣкъ, а въ другихъ оно никогда не существовало. Къ числу послѣднихъ относится именно вся степная область: осѣдлое населеніе здѣсь всегда могло существовать только при условіи возможности сбыта продуктовъ земледѣлія въ обширномъ смыслѣ. Это доказывается уже позднимъ исторически заселеніемъ такихъ областей, не только у насъ, а всюду, гдѣ они существуютъ. Конечно, на первыхъ порахъ по занятіи страны населеніемъ, предметами сбыта могутъ быть и продукты дикаго скотоводства, какъ шерсть, кожи и даже отчасти самый скотъ. Но для того, чтобы населеніе могло существовать продажей только продуктовъ этаго рода, оно должно имѣть въ своемъ распоряженіи такія огромныя стада и использовать такія огромныя площади земли, что оно собственно не можетъ и считаться осѣдлымъ и дѣйствительно не бываетъ таковымъ.

Если мы признаемъ эти положенія, то намъ не трудно будетъ вывести заключеніе, что размѣры надѣловъ, удовлетворяющіе самымъ элементарнымъ требованіямъ современнаго земледѣльческаго населенія, должны быть здѣсь значительно повышены, не только сравнительно съ тѣми, которые мы принимали для разсмотрѣнныхъ нами ранѣе областей, а и въ сравненіи съ установленными здѣсь Положеніемъ 1861 года максимальными надѣлами для бывшихъ владѣльческихъ, по крайней мѣрѣ, крестьянъ. На сколько велико должно быть здѣсь повышеніе, это показываетъ отчасти приведенное нами выше вычисленіе площади нормальнаго рабочаго участка для средней черноземной полосы. Читатель припомнитъ, что мы пришли къ выводу, что небольшая семья въ 6 душъ (или въ 4 полныхъ рабочихъ силы по потребленію) должна имѣть участокъ свыше 30 десятинъ, чтобы удовлетворить довольно скудно свои самыя насущныя

нужды. Въ свое время В. Е. Постниковъ (агрономъ) [1]) пришелъ къ выводу, что для черноморско-азовской степной полосы (таврической, екатеринославской и херсонской губерній) нормальный дворовый участокъ долженъ имѣть 60 десятинъ. Но мы будемъ скромны и допустимъ, что нашъ двунадѣльный дворъ, имѣющій 6 человѣкъ взрослыхъ и дѣтей въ своемъ составѣ, удовлетворится двадцатью десятинами [2]). А чтобы показать, насколько эта величина окажется невозможной при современныхъ условіяхъ, сдѣлаемъ нѣсколько грубо приблизительныхъ разсчетовъ не для всей территоріи нашей степи, а только для немногихъ губерній, и возьмемъ ихъ изъ числа тѣхъ, которыя въ недавнее еще время считались очень слабо населенными и представляли то эльдорадо, въ которое стремилось крестьянство изъ болѣе густо-населенныхъ мѣстностей въ своихъ поискахъ свободной земли.

Начнемъ съ самарской губерніи. Замѣтимъ, прежде всего, что по даннымъ 1877 года въ губерніи числилось всей земли 12.617.776 дес., а по даннымъ 1887 года даже 13.719.208 дес.; количество-же надѣльныхъ ревизскихъ душъ, по статистикѣ 1877 года, исчислялось всего въ 700.284; слѣдовательно, въ періодъ надѣленія (принимая территорію по исчисленію 1877 года) на каждую ревизскую душу приходилось земли 18 десятинъ. Но къ 1877 году населеніе приросло уже до 876.096 душъ мужскаго пола, т. е. на $25^1/_4\%$ за 20 лѣтъ. Вѣроятно, уже эта величина прироста была обусловлена отчасти вселеніемъ; однако, послѣднее не могло еще быть особенно значительно. Если-бы и затѣмъ приростъ населенія шелъ въ той-же пропорціи (по $1^1/_4\%$ въ годъ), то мы имѣли къ 1897 году, за 39 лѣтъ, приростъ въ $48^3/_4\%$ населенія 1858 года, т.-е. 1.041.672 души мужскаго пола; на самомъ-же дѣлѣ перепись нашла здѣсь 1.285.265 душъ сельскаго мужскаго населенія, или на 243.587 душъ или на 23,4% болѣе, противъ того, что могло бы ожидаться при прежнемъ приростѣ. Этотъ избытокъ могъ, повидимому, образоваться большею частью путемъ вселенія извнѣ, ибо невѣроятно, чтобы мѣстное

[1]) В. Е. Постниковъ. Южно-русское крестьянское хозяйство. М. 1891.

[2]) Эту площадь не только В. Е. Постниковъ, но и Трироговъ признавалъ нормальной для крестьянскаго двора средней черноземной Россіи, т.-е. области съ несравненно болѣе благопріятными для земледѣльческаго хозяйства естественными условіями, чѣмъ разсматриваемая.

населеніе стало размножаться быстрѣе послѣ 1877 года, или даже только продолжало размножаться съ тою-же интенсивностью, такъ какъ условія для хозяйства крестьянъ несомнѣнно ухудшились. Какъ бы то ни было, во всякомъ случаѣ, даже допуская, что съ 1897 года приростъ сельскаго населенія совсѣмъ прекратился, — мы должны были бы признать, что и въ этой губерніи мы не найдемъ достаточно земель для надѣленія наличныхъ земледѣльцевъ по принятому нами масштабу, 10 дес. на живую мужскую душу. Дѣйствительно, даже принимая площадь губерніи по исчисленію 1887 года въ 13.719.208 дес., мы должны будемъ отбросить по крайней мѣрѣ неудобныя земли, которыхъ насчитано здѣсь въ 1887 года 1.515.196 дес.; остатокъ составитъ всего 12.204.012 дес., тогда какъ требовалось бы для надѣла 12.852.650 дес. или на 648.638 дес. болѣе, чѣмъ имѣется на лицо. А, между тѣмъ, мы имѣемъ полное основаніе считать все наличное сельское населеніе этой губерніи земледѣльческимъ, ибо населеніе другихъ профессій можетъ составить въ данномъ случаѣ только небольшую долю процента, такъ какъ здѣсь нѣтъ ни горныхъ, ни иныхъ промысловъ, могущихъ привлекать сколько-нибудь значительную массу населенія.

Понятно, что если мы возьмемъ одну изъ губерній, бывшихъ нѣсколько болѣе населенными уже въ 1858 году, напримѣръ саратовскую, то получимъ еще болѣе рѣзкое несовпаденіе требуемой площади съ наличной. Площадь этой губерніи значительно менѣе ея заволжской сосѣдки, всего (по даннымъ 1887 года)— 7.404.868 десятинъ; между тѣмъ, число ревизскихъ надѣльныхъ душъ немного только уступаетъ таковому самарской губерніей, составляя 647.329 душъ. Къ 1877 году населеніе это возросло до 821.954 душъ, т.-е. почти на 27% сравнительно съ 1858 годомъ. Здѣсь, повидимому, произошло послѣ этаго нѣкоторое замедленіе въ размноженіи населенія, ибо, по нормѣ прироста за 1858—1878 гг. все сельское мужское населеніе должно было-бы составить къ переписи 1897 года 1.087 тыс., а въ дѣйствительности его оказалось только 1.029 тыс. или менѣе на 58 тыс. душъ. Но и при этомъ уже на каждую душу мужскаго пола пришлось-бы, даже не отчисляя неудобныхъ земель и лѣсовъ (составляющихъ вмѣстѣ около 1,5 милл. десятинъ), едва 7 десятинъ; если-же отбросить лѣса и неудобныя земли, то пришлось

бы на душу всего 5,8 десят., т.-е. гораздо меньше того, что получили здѣсь въ надѣлъ многія общины государственныхъ и удѣльныхъ крестьянъ, не говоря о колонистахъ: для всѣхъ этихъ группъ надѣлы не спускались почти ниже 3—3½ десятинъ, поднимаясь до 15 десятинъ на ревизскую душу. Такъ въ группѣ изъ 9 уѣздовъ (за исключеніемъ царицынскаго, самаго широконадѣльнаго, но и наименѣе плодороднаго), только 18 общинъ или 3,2% всего числа ихъ съ населеніемъ 2.661 ревизскихъ душъ, или 4,7% всѣхъ надѣльныхъ государственныхъ крестьянъ, получили надѣлы ниже 3 дес. на душу. Тогда какъ 82,2% всѣхъ государственныхъ крестьянъ,—209.414 душъ, живущіе въ 424 общинахъ (74 8% общаго числа поселковъ) получили надѣлы свыше 5 десятинъ на душу. Едва-ли можно сомнѣваться, что у многихъ изъ получившихъ наиболѣе крупные надѣлы и до сихъ поръ причитается на живую мужскую душу бо́льшее количество земли, чѣмъ сколько пришлось бы на душу при раздѣлѣ территоріи губерніи поровну между всѣмъ наличнымъ населеніемъ. А это значитъ, что даже для того умѣреннаго надѣленія, какое принято въ приведенномъ нами разсчетѣ, не достало бы земли, если не предполагать отчужденія надѣльныхъ земель, не говоря уже о земляхъ мелкихъ частныхъ собственниковъ.

Чтобы еще болѣе обосновать наши выводы, возьмемъ еще двѣ губерніи въ противоположномъ концѣ нашей степи, именно таврическую и херсонскую. При томъ для первой будемъ имѣть въ виду только сѣверные уѣзды, полагая, что въ трехъ южныхъ уѣздахъ (Симферопольскомъ, Ѳеодоссійскомъ и Ялтскомъ) климатъ на столько мягокъ, что допускаетъ иной размѣръ надѣленія, чѣмъ принятый нами для степи вообще. Остальные уѣзды,—чисто степные (Бердянскій, Днѣпровскій, Евпаторійскій, Мелитопольскій и Перекопскій) заключаютъ, по даннымъ 1887 года, 3.833 тыс. дес. удобной земли, изъ коей еще при надѣленіи было отведено на 177,5 тыс. душъ крестьянъ 1.804 тыс. десятинъ. Здѣсь, слѣдовательно, уже первоначальный надѣлъ превышалъ 10 дес. на душу, что, конечно, обусловливалось тѣмъ, что существовалъ значительный просторъ и, къ тому-же, среди населенія было только ничтожное количество владѣльческихъ крестьянъ, и рѣшительно преобладали государственные.

Но приростъ населенія шелъ такимъ быстрымъ темпомъ, что перепись 1897 года нашла здѣсь уже 344 тыс. душъ мужскаго

сельскаго населенія, т.-е. приростъ составилъ чуть не 100$^0/_0$ въ 38—39 лѣтъ. Если приростъ продолжался въ послѣдніе 10 лѣтъ примѣрно тѣмъ-же темпомъ (свыше 2$^0/_0$ въ годъ), то, слѣдовательно, должно прибавиться къ настоящему времени еще свыше 20$^0/_0$, т.-е. мы найдемъ уже не менѣе 380 тыс. душъ мужскаго населенія. Это значитъ, что и въ этомъ эльдорадо положеніе будетъ не лучше, чѣмъ въ самарской губерніи.

Наконецъ, въ Херсонской губерніи имѣемъ картину, совершенно подобную той, какую мы видѣли въ Саратовской. Площадь этой губерніи (по даннымъ 1887 года) 6.440.618 дес., изъ коихъ неудобной 277.054 дес., а слѣдовательно всей удобной—6.163.564 десятинъ. На этомъ пространствѣ имѣлось всего 355.771 надѣльныхъ ревизскихъ душъ, т.-е. въ моментъ надѣла на каждую ревизскую душу было удобной земли 17,3 десятины. Но ростъ населенія шелъ также очень сильно, и притомъ, очевидно, въ значительной мѣрѣ путемъ вселенія извнѣ, такъ что перепись 1897 года нашла здѣсь 981.407 душъ сельскаго мужскаго населенія. Распредѣляя между этимъ населеніемъ всю наличную удобную землю, найдемъ, что на мужскую живую душу 1897 года пришлось-бы менѣе 6,3 дес., а на населеніе настоящаго момента, очевидно, достанется еще менѣе. Эта величина настолько незначительна, что уже при самомъ надѣленіи только въ двухъ сѣверныхъ уѣздахъ (Елизаветградскомъ и Александрійскомъ), болѣе плодородныхъ и тогда уже болѣе густо-населенныхъ,—государственнымъ крестьянамъ дано было по 6,3 дес. на душу; во всѣхъ-же остальныхъ уѣздахъ надѣлъ государственныхъ крестьянъ составлялъ 8 дес. на душу.

Къ сказанному, кажется, нечего прибавлять. Мы прошли, хотя и бѣгло, всю Европейскую Россію отъ крайняго запада почти до крайнихъ восточныхъ предѣловъ и что-же мы нашли? Во-1-хъ, очень широкую западную полосу и почти столь-же обширную центральную—нечерноземную, гдѣ—съ одной стороны совсѣмъ не предъявлялось требованій на землю со стороны *массы крестьянства*, а съ другой стороны,—положеніе крупнаго землевладѣнія таково, что очень многіе, а можетъ быть и всѣ крупные землевладѣльцы готовы уступить часть своихъ земель крестьянству и безъ принужденія; крестьянство же мало заинтересовано въ такомъ увеличеніи своего землевладѣнія и, во всякомъ случаѣ, при проведеніи другихъ, легче выполнимыхъ мѣръ, не-

обходимыхъ независимо отъ того, увеличится-ли путемъ отчужденія въ его пользу его землевладѣніе,—легко станетъ на ноги и не потребуетъ дальнѣйшаго о себѣ попеченія правительства.

Во-2-хъ, мы нашли огромный районъ центральной и юго-западной черноземной Россіи, гдѣ даже самая скромная прирѣзка,—по кадетской программѣ,—неосуществима въ массѣ, хотя именно изъ черноземной великорусской и частью приволжской полустепной областей и раздавался наиболѣе рѣзко крикъ «земли и воли». И, что особенно важно, даже при осуществленіи здѣсь полностью реформы, мы не создадимъ этимъ путемъ сколько-нибудь обезпеченнаго положенія мѣстному крестьянству, и, вѣроятно, еще болѣе разоримъ его.

Наконецъ, въ-3-хъ, мы имѣемъ еще огромную площадь степныхъ областей, для которыхъ тотъ размѣръ надѣла, какой проектируютъ гг. кадеты, является прямо насмѣшкой. Это было бы именно «лѣченіе соціальныхъ недуговъ персидскимъ порошкомъ». Если-же принять тотъ размѣръ надѣленія, который хоть съ грѣхомъ пополамъ способенъ создать самостоятельное земледѣльческое крестьянство, то и при полномъ раздѣлѣ всѣхъ земель по принципу «равненія»,—даже не щадя ни «образцовыхъ хозяйствъ», ни кадетскихъ «монрепо»,—все-же, мы только въ очень немногихъ мѣстностяхъ этихъ, на первый взглядъ малолюдныхъ областей могли-бы приблизиться къ той нормѣ надѣла, которая здѣсь, едва-ли даже вполнѣ, отвѣчаетъ продовольственной нормѣ, не говоря о трудовой или о рабочемъ участкѣ, каковой, однако, здѣсь долженъ считаться нормальнымъ при отсутствіи какихъ-либо заработковъ на сторонѣ.

Насъ могутъ, пожалуй, упрекнуть, что изъ Новороссійскихъ губерній мы взяли не самую многоземельную, каковой безспорно является земля Войска Донского. Дѣйствительно, эта область, занимая почти половину всей Новороссіи (включающей по нашей офиціальной статистикѣ кромѣ Таврической и Херсонской еще Екатеринославскую и Бессарабскую губерніи)—именно 14,5 милл. дес. изъ 36 милл. дес.,—является слабо населенной: въ ней еще въ 1897 году насчитано всего 1.300 тыс. мужскаго населенія, изъ котораго 138 тыс. живетъ въ городахъ. Это значитъ, что на каждую мужскую душу приходилось 12,5 дес. всей земли, а исключая 1½ мил. дес., считавшихся въ 1881 году неудобными, все еще по 11,2 дес. на душу. А между тѣмъ извѣстно,

что въ мѣстномъ сельскомъ населеніи, кромѣ казаковъ, есть очень слабо надѣленные, большею частью, крестьяне бывшія владѣльческія, а теперь и масса пришлыхъ изъ разныхъ областей рабочихъ, преимущественно горнорабочихъ, не имѣющихъ земли и не нуждающихся въ ней, хотя и числящихся среди сельскаго населенія; слѣдовательно, фактически на каждаго полноправнаго казака всѣхъ возрастовъ приходится несравненно больше исчисленной нами величины надѣла. Однако, мы намѣренно не взяли этой области и рекомендуемъ всѣмъ, кто производитъ массовыя вычисленія для всей Имперіи, прямо сбрасывать площадь, ею занимаемую, со счетовъ [1]). Въ самомъ дѣлѣ: вѣдь земля здѣсь офиціально принадлежитъ войску и едва-ли можно сомнѣваться, что войско донское будетъ защищать это свое право, хотя-бы съ оружіемъ въ рукахъ. И, конечно, большую наивность обнаружилъ тотъ членъ Государственной Думы, который предложилъ казакамъ отказаться отъ обязанности поставлять войско на существующихъ основаніяхъ и уравняться съ крестьянами: какъ ни тяжела воинская повинность, но, все-же, тѣ привилегіи, которыми пользуются казаки, слишкомъ велики, чтобы казаки согласились отказаться отъ нихъ, ради сложенія съ нихъ служебныхъ воинскихъ обязанностей. Конечно, въ землѣ войска донского существуетъ и чисто-крестьянское сельское населеніе, представляющее потомковъ бывшихъ крѣпостныхъ крестьянъ. Однако, извѣстно [2]), что уже надѣленіе этихъ крестьянъ вызвало въ свое время значительныя волненія среди войска донского; можно представить себѣ, что произошло-бы, если-бы этимъ крестьянамъ вздумали теперь отводить надѣлы изъ войсковыхъ, хотя-бы такъ называемыхъ запасныхъ земель, что, однако, можетъ потребоваться въ случаѣ, если числящихся теперь частно-владѣльческими (въ сущности тоже войсковыхъ-надѣльныхъ для старшихъ чиновъ—генералитета и пр.) земель окажется недостаточно для надѣленія. Вотъ почему, мы считали невозможнымъ брать эту

---

[1]) Эта работа была готова къ печати, когда появилось Высочайшее повелѣніе, подтверждающее неотчуждаемость „надѣльныхъ" казачьихъ земель.

[2]) Офиціально, впрочемъ, объ этомъ ничего неизвѣстно; по крайней мѣрѣ, мы не помнимъ, чтобы что-либо сообщалось объ этомъ въ печати. Но жители области, конечно, знали объ этомъ и стоустая молва разнесла эту вѣсть по всей Россіи.

область для примѣра и убѣждены, что, какъ-бы радикально ни поступила будущая Дума съ частновладѣльческими землями, она не посмѣетъ коснуться казачьихъ земель и,—вполнѣ сознавая абсурдность признанія этихъ земель надѣльными,—все-же вынуждена будетъ допустить такой абсурдъ, иначе она неизбѣжно вызоветъ здѣсь массовое вооруженное возстаніе. Мы не говоримъ также и объ областяхъ предкавказья (ставропольской, кубанской и черноморской губерніяхъ), съ одной стороны по тому, что объ этихъ областяхъ наша статистика сообщаетъ чрезвычайно мало, а съ другой, они, очевидно, могли-бы служить мѣстомъ для выселенія части земледѣльцевъ изъ внутреннихъ губерній, если только и здѣсь мы не встрѣтимъ того возраженія, которое было приведено въ Думѣ представителемъ Оренбургской (кажется) губерніи, т.-е., что имѣющійся здѣсь въ настоящее время избытокъ земли не долженъ заселяться пришельцами извнѣ, а долженъ быть сохраненъ въ качествѣ запаснаго фонда для потомковъ нынѣшняго населенія области. Не останавливаясь на разборѣ основательности этаго аргумента, скажемъ только, что здѣсь возникаетъ вопросъ о переселеніяхъ, котораго мы не касаемся, такъ какъ онъ потребовалъ-бы особой разработки; при томъ и всѣ думскіе проекты говорили о надѣленіи на мѣстѣ, а не о выселеніяхъ.

XII.

Естественно спросить себя: какимъ-же образомъ кличъ: «земли и воли» сдѣлался лозунгомъ, который объединилъ всѣ лѣвыя партіи первой русской Думы?

Причину этого явленія нужно, прежде всего, искать въ составѣ Думы, въ томъ, какіе элементы вошли въ нее или, точнѣе говоря, интересы какихъ классовъ были въ ней представлены. Прочитавъ о представительствѣ классовыхъ интересовъ, читатель, конечно, вспомнитъ, что самая крупная изъ думскихъ партій—именовавшая себя партіей народной свободы или конституціонно-демократической,—все время настойчиво утверждала, что она не представляетъ интересовъ какого-либо класса, а только интересы всего народа,—иначе говоря, что она,—есть внѣклассовая интеллигенція.

Мы, однако, склонны думать, что такой внѣклассовой интеллигенціи и вообще не можетъ существовать въ видѣ сколько-

нибудь значительной общественной группы, а въ данномъ случаѣ намъ кажется даже и очень нетрудно указать, представительницей какихъ интересовъ являлась эта думская партія и въ чьихъ интересахъ она дѣйствовала.

Мы особенно обращаемъ вниманіе на эту партію, потому что для болѣе лѣвыхъ группъ такое отношеніе къ вопросу о землѣ гораздо болѣе понятно, какъ мы укажемъ ниже.

Напомнимъ, прежде всего, нѣсколько фактовъ. Кто слѣдилъ внимательно за ходомъ выборовъ по сообщеніямъ какой-нибудь кадетской газеты, а затѣмъ за самымъ ходомъ думскихъ преній, тому, навѣрное, бросилось въ глаза, что число лицъ, избранныхъ подъ флагомъ конституціонно-демократической партіи и причислявшихся въ первоначальныхъ сообщеніяхъ къ членамъ этой партій,—было гораздо больше того числа членовъ, которое насчитывала партія во время сессіи Думы. Это значитъ, что въ первоначальные списки партіи вносились и люди, стоявшіе или значительно правѣе (по крайней мѣрѣ по нѣкоторымъ вопросамъ), или такіе, которые держались болѣе радикальныхъ воззрѣній. При этомъ разногласіе возникало почти исключительно на почвѣ рѣшенія аграрнаго вопроса. Затѣмъ, уже по ходу преній по поводу аграрнаго вопроса,—сначала въ самой Думѣ, а потомъ и въ аграрной коммиссіи,—можно было замѣтить, что и между тѣми лицами, которыя причислялись до конца къ членамъ этой партіи, существуетъ значительное разномысліе по отношенію къ способу рѣшенія даннаго вопроса,—разномысліе настолько существенное, что, въ концѣ концовъ, объединяющимъ началомъ оставался только принципъ принудительнаго отчужденія частновладѣльческихъ земель. Все это указываетъ, что,—съ одной стороны,—составъ партіи былъ нѣсколько пестрый и данная группа лицъ, можетъ быть, и не могла даже претендовать на титулъ «партіи»,—а съ другой—эта группа должна представлять сравнительно немноголюдный классъ, хотя, можетъ быть, и сильный своей интеллигентностью. Какой-же это классъ?

Извѣстно, что представители болѣе лѣвыхъ группъ упрекали кадетовъ въ буржуазности, на что, однако, кадеты возражали, что буржуазность имъ не можетъ быть присуща, ибо въ ихъ средѣ буржуазный элементъ совсѣмъ отсутствуетъ; въ доказательство-же того, что они вообще стоятъ внѣ классовыхъ интересовъ, кадеты съ нѣкоторою гордостью указывали, что среди

нихъ много землевладѣльцевъ, что, однако, не препятствуетъ имъ проводить идею принудительнаго отчужденія частновладѣльческихъ земель, при чемъ подразумѣвалось (или прямо указывалось), что такое самопожертвоввніе они совершаютъ въ интересахъ государства или народа.

И мы должны признать, что кадеты правы, утверждая, что они не представляютъ интересовъ буржуазіи, по крайней мѣрѣ въ томъ смыслѣ, въ какомъ этотъ терминъ обычно примѣняется соціалистами, да и вообще въ обыденной рѣчи. Точно также, не можетъ подлежать сомнѣнію, что въ ихъ средѣ было довольно много землевладѣльцевъ. Намъ кажется только, что для болѣе точной характеристики состава этой группы слѣдуетъ прибавить, что это землевладѣльцы—*дворяне*, при томъ—по величинѣ владѣнія—изъ группы «*среднихъ*» землевладѣльцевъ, а по районамъ, въ которыхъ расположены ихъ владѣнія,—главнымъ образомъ, если не исключительно, *изъ средне-русской черноземной и частью нечерноземной (посмосковной) области и* въ нѣкоторой, хотя уже болѣе слабой степени,—*изъ степной* области,—въ томъ обширномъ смыслѣ этаго термина, какой мы придавали ему выше. Сказаннымъ отчасти уже опредѣляются и тѣ интересы, которые отстаивала и должна была отстаивать эта группа, какъ представительница извѣстнаго класса.

Чтобы подтвердить наше положеніе, мы должны показать что эта группа землевладѣльцевъ дѣйствительно можетъ считаться отдѣльнымъ экономическимъ классомъ, имѣющимъ интересы, не совпадающіе съ интересами другихъ землевладѣльческихъ группъ и въ частности именно съ интересами крупныхъ землевладѣльцевъ извѣстныхъ районовъ. Напомнимъ, что та-же самая землевладѣльческая группа уже при выработкѣ Положенія 1861 года рѣзко отдѣлилась отъ представителей болѣе крупнаго землевладѣнія и представляла тотъ либеральный дворянскій элементъ, который,—какъ говорятъ обыкновенно,—спасъ реформу. Это значитъ, съ нашей точки зрѣнія, что уже тогда интересы этаго класса не вполнѣ совпадали съ интересами крупнаго землевладѣнія, особенно въ нѣкоторыхъ районахъ. Дѣйствительно: крупный землевладѣлецъ, являясь обычно и владѣльцемъ многихъ сотенъ или тысячъ крѣпостныхъ душъ, рѣдко соприкасался съ этими душами гдѣ-либо кромѣ лакейской или дѣвичьей; имѣнія свои онъ посѣщалъ рѣдко и предоставлялъ

веденіе хозяйства въ нихъ бурмистрамъ и старостамъ, довольствуясь тѣми доходами, которые они ему доставляли и не гоняясь за тѣмъ, что эти посредники считали своимъ долгомъ обкрадывать его, елико возможно. Такіе владѣльцы вращались обычно въ высшихъ сферахъ, занимали крупные административные посты, но не считали своею обязанностью давать дѣтямъ образованіе,—лучше сказать—понимали подъ приличнымъ дворянину образованіемъ совсѣмъ не то, что давала общедоступная государственная школа [1]), а, развѣ—что, нѣчто подобное тому, что давали привилегированныя школы разныхъ наименованій.

Иное дѣло средніе и земле-и душе-владѣльцы. Чтобы имѣніе давало доходъ, достаточный для удовлетворенія потребностей дворянина, помѣщикъ долженъ былъ вести примѣрно такой образъ жизни, какой описанъ Щедринымъ въ его Пошехонской старинѣ. Во всякомъ случаѣ, онъ не могъ уже довѣрять управленіе имѣніемъ исключительно бурмистру и долженъ былъ если не всегда, то по временамъ и довольно долго, жить въ деревнѣ, лично распоряжаясь хозяйствомъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ и дѣти,—особенно въ большихъ семьяхъ,—должны были получить такое образованіе, которое давало бы возможность въ будущемъ разсчитывать на болѣе или менѣе выгодную служебную карьеру,—другого пути для дѣятельности дворянской интеллигенціи, какъ извѣстно, тогда не существовало. А такъ какъ привиллегированныя учебныя заведенія были недоступны уже по дороговизнѣ воспитанія въ нихъ дѣтей, то они, по необходимости шли въ общедоступныя среднія и высшія государственныя школы и получали въ концѣ концовъ, болѣе нормальное образованіе, чѣмъ дѣти крупныхъ владѣльцевъ, образуя главный контингентъ интеллигенціи страны.

Съ освобожденіемъ крѣпостныхъ положеніе помѣстнаго дворянства, конечно, измѣнилось. Однако, крупные землевладѣльцы даже и до сихъ поръ, а въ первыя десятилѣтія по освожденіи почти безъ исключенія, особенно въ указанныхъ районахъ, мало измѣнили свое отношеніе къ своимъ владѣніямъ: по большей части они остались при прежнихъ порядкахъ и во многихъ слу-

---

[1]) Общедоступная, впрочемъ, только для дворянъ крупныхъ и мелкихъ безразлично, такъ какъ вполнѣ общедоступными были тогда только начальныя и уѣздныя училища; въ гимназіи-же, напр., доступъ мѣщанамъ и крестьянамъ открытъ только въ 1857 году.

чаяхъ даже управленіе поручалось старостамъ или приказчикамъ изъ бравыхъ унтеръ-офицеровъ. Это особенно имѣло мѣсто тамъ, гдѣ или совсѣмъ не велось хозяйства за счетъ владѣльца, или оно было совершенно ничтожно и по размѣрамъ площади и по величинѣ дохода сравнительно съ территоріей, эксплуатируемой путемъ раздачи крестьянамъ въ аренду и получаемымъ отъ этой аренды доходомъ. Таково было положеніе именно въ наибольшей части черноземной, какъ нестепной, такъ еще болѣе степной полосахъ въ первыя десятилѣтія по уничтоженіи крѣпостного права [1]). Тамъ же, гдѣ явилась надобность или оказалось возможнымъ веденіе болѣе интенсивнаго хозяйства и владѣлецъ вынужденъ былъ вложить въ хозяйство значительный капиталъ, управленіе передано было спеціалистамъ, но вмѣшательство владѣльца и здѣсь ограничивалось почти исключительно контролемъ расходовъ и доходовъ, поскольку такой контроль возможенъ при отсутствіи спеціальныхъ знаній.

Съ ходомъ общественнаго развитія веденіе крупнаго хозяйства въ черноземныхъ и степныхъ районахъ дѣлается все болѣе выгоднымъ, особенно въ виду обнищанія крестьянства и ненадежности полученія арендныхъ денегъ съ обѣднѣвшихъ крестьянъ-арендаторовъ. Замѣтимъ, между прочимъ, что введеніе въ крупныхъ имѣніяхъ хозяйства за счетъ владѣльца и рѣшительный отказъ въ сдачѣ въ аренду тѣхъ земель, которыя ранѣе арендовали крестьяне,—едва ли не болѣе озлобляли крестьянъ, чѣмъ высота арендной платы. И это особенно нужно сказать относительно тѣхъ районовъ, гдѣ крупное хозяйство ведется съ незначительной интенсивностью, по крайней мѣрѣ въ томъ смыслѣ, что не требуетъ значительнаго количества живой рабочей силы,—тѣхъ рабочихъ рукъ, которыя поневолѣ остаются праздными у крестьянъ вслѣдствіе прекращенія аренды земли сосѣда-землевладѣльца Этимъ объясняется чрезвычайно сильное распространеніе аграрныхъ безпорядковъ и, такъ сказать, свирѣпость ихъ,—въ степной и полустепной полосѣ (напримѣръ, Воронежской и Саратовской губерній).

Какъ бы то ни было, крупные владѣльцы указанныхъ райо-

---

[1]) Очень правдивую картину первыхъ попытокъ землевладѣльцевъ именно этаго района устроить собственное хозяйство нарисовалъ, какъ извѣстно, въ своихъ очеркахъ Сергѣй Атава (Терпигоревъ).

новъ успѣли убѣдиться, что веденіе хозяйства за собственный счетъ даетъ очень большіе выгоды и что ни крестьянская аренда, ни крестьянское хозяйство вообще не могутъ дать такихъ доходовъ; поэтому многіе изъ нихъ, вѣроятно, совершенно искренно убѣждены, что передача ихъ земель крестьянамъ понизитъ общій уровень земледѣльческой культуры и вредно отразится и на государственныхъ доходахъ. Естественно, что они не могутъ признавать благодѣтельности принудительнаго отчужденія своихъ земель. И какъ во время увольненія крѣпостныхъ крестьянъ они видѣли въ актѣ освобожденія пагубную съ государственной точки зрѣнія мѣру, такъ точно теперь они должны быть противъ принудительнаго отчужденія ихъ земель. Раскрѣпощеніе крестьянъ лишало ихъ той рабочей силы, которой они располагали для разработки огромныхъ площадей принадлежащей имъ земли, и имъ казалось, что съ увольненіемъ крестьянъ, обработка земли непремѣнно уменьшится. Мужикъ, говорили они, работаетъ только изъ подъ палки и если будетъ сытъ и никто не будетъ заставлять его работать, то совершенно не захочетъ обрабатывать нашу землю и тотъ хлѣбъ, который теперь производится на нашихъ поляхъ и служитъ для продовольствія войскъ и тѣхъ областей, которыя не могутъ обезпечить себя своимъ хлѣбомъ,—совсѣмъ не будетъ произведенъ, что, по меньшей мѣрѣ, нежелательно съ государственной точки зрѣнія. Такое же точно пониженіе общей производительности государства по производству хлѣба они предвидятъ теперь, въ случаѣ принудительнаго отчужденія ихъ земель въ пользу крестьянъ.

Каково же положеніе средняго землевладѣнія въ районахъ зернового хозяйства, о которыхъ мы здѣсь говоримъ? Отвѣтъ на этотъ вопросъ отчасти уже заключается въ сказанномъ о положеніи крупнаго и мелкаго хозяйства. Мы видѣли, что мелкое хозяйство не можетъ развиваться въ указанныхъ районахъ, потому что, съ одной стороны, естественныя (климатическія), съ другой—общественныя условія (отсутствіе промышленности и городскихъ центровъ) не допускаютъ введенія въ культуру тѣхъ растеній, которыя, требуя затраты значительнаго количества труда на единицу площади, даютъ возможность, вмѣстѣ съ тѣмъ, и получать значительный доходъ съ той же единицы. Среднее же хозяйство, не только по размѣрамъ эксплуатируемой имъ площади, но и по условіямъ своего процвѣтанія и по способу ве-

денія его, занимаетъ среднее мѣсто между крупнымъ и мелкимъ, и чѣмъ интенсивнѣе оно становится, тѣмъ болѣе приближается его организація къ типу организаціи мелкихъ хозяйствъ. Это значитъ, что и естественныя и экономическія условія для интенсивированія среднихъ и мелкихъ хозяйствъ приблизительно одинаковы (хотя въ частностяхъ и существуютъ особенности). Если, слѣдовательно, мы пришли къ выводу, что интенсивированіе мелкихъ хозяйствъ въ нашемъ районѣ невозможно, то должны заключить, что и для среднихъ хозяйствъ того же района такое интенсивированіе по меньшей мѣрѣ встрѣчаетъ значительныя затрудненія. И дѣйствительно, подробный разборъ условій существованія средняго хозяйства покажетъ намъ, что затрудненія, которыя встрѣчаетъ правильная его организація, ничуть не меньше, чѣмъ при организаціи мелкихъ хозяйствъ, хотя эти затрудненія и носятъ нѣсколько иной характеръ. Прежде всего замѣтимъ, что интенсивированіе среднихъ хозяйствъ становится необходимымъ гораздо раньше и должно быть гораздо сильнѣе, чѣмъ интенсивированіе хозяйствъ крупныхъ. Если еще при существованіи крѣпостного права средній землевладѣлецъ вынужденъ былъ жить въ имѣніи, то это именно въ видахъ того, чтобы достигнуть (помимо, конечно, сбереженій, возникающихъ благодаря предупрежденію хищеній приказчиковъ и старостъ) нѣкотораго повышенія интенсивности хозяйства, каковое выражалось въ то время увеличеніемъ интенсивности труда крѣпостныхъ рабочихъ. Словомъ, такой помѣщикъ выколачивалъ изъ своихъ рабовъ большее количество трудовой энергіи и такимъ образомъ достигалъ высшей суммы ренты съ единицы принадлежащей ему площади земли, чѣмъ крупный землевладѣлецъ. Такъ точно и теперь средній землевладѣлецъ долженъ стремиться извлечь изъ своей земли возможно высокую ренту, которая, однако, съ уничтоженіемъ крѣпостного права, не можетъ достигаться простымъ выколачиваніемъ и подтягиваніемъ мужика, который изъ безсловеснаго животнаго превратился въ говорящую,—и подчасъ довольно грубо,—«скотину». Чтобы заставить эту скотину работать, нужно ей, во-первыхъ, платить деньги, съ тѣмъ, однако, чтобы она работала возможно больше за возможно малое вознагражденіе. Но и этого мало: нужно еще, во 2-хъ, чтобы эта работа была возможно болѣе производительна, т.-е. давала такое количество и такого качества продукта, чтобы цѣнность произ-

веденнаго товара не только покрывала всѣ расходы, но и оставляла въ рукахъ предпринимателя-хозяина возможно большій остатокъ въ видѣ чистаго дохода или ренты. Вотъ тутъ-то и начинаются затрудненія, которыя встрѣчаются хозяину-земледѣльцу и которыхъ не знаютъ предприниматели всѣхъ другихъ видовъ промышленности. Если для какого-нибудь мануфактуриста вопросъ о томъ, какъ сдѣлать трудъ эксплуатируемыхъ имъ рабочихъ болѣе производительнымъ, сводится чуть не всегда къ тому, какую машину изъ предлагаемыхъ ему заводами выбрать для своей фабрики, то для земледѣльца вопросъ этотъ гораздо сложнѣе. Онъ разрѣшается съ одной стороны, путемъ выработки, такъ называемаго *«организаціоннаго плана»*, а съ другой—путемъ *неуклоннаго* и, можно сказать, ежеминутнаго *наблюденія за хозяйствомъ* и правильнаго *направленія хозяйственной дѣятельности.* А выполненіе этихъ условій далеко не такъ просто, какъ это можетъ представляться лицамъ, которыя не посвящены въ детали агрономической науки или даже, изучивъ эту науку теоретически, не пробовали лично провести въ жизнь указаній науки, т.-е. не вели самостоятельно земледѣльческаго хозяйства.

Здѣсь, конечно, не мѣсто излагать подробно, каковъ тотъ циклъ знаній, которымъ долженъ обладать хозяинъ, чтобы создать правильный организаціонный планъ, или—какова должна быть дѣятельность хозяина, какъ исполнителя проекта организаціи, поэтому ограничимся самыми необходимыми поясненіями, чтобы быть понятными и для неспеціалистовъ.

Организаціонный планъ представляетъ проектъ веденія хозяйства и, чтобы быть раціональнымъ, долженъ быть построенъ на основаніи изученія естественныхъ и экономическихъ условій не только даннаго, болѣе или менѣе обширнаго района, къ которому относится географически организуемое имѣніе, но и тѣхъ частныхъ отклоненій отъ этихъ условій, которыя свойственны именно данному хозяйству. Сказанное въ предшествующемъ разборѣ условій различныхъ районовъ въ извѣстной мѣрѣ можетъ иллюстрировать, на сколько естественныя и экономическія условія должны вліять навыборъ тѣхъ или иныхъ отраслей производства, или вводимыхъ въ культуру растеній, или разводимыхъ въ хозяйствѣ животныхъ, а—въ зависимости отъ этаго выбора—и на доходность хозяйства въ цѣломъ. При этомъ слѣдуетъ имѣть въ виду,

что среднее хозяйство, руководимое самимъ владѣльцемъ, организуется и должно организоваться обыкновенно возможно оригинально, т.-е. для него трудно выработать шаблонъ, которому съ успѣхомъ могли бы слѣдовать всѣ или даже очень многіе хозяйства опредѣленнаго района. Въ этомъ отношеніи среднее хозяйство рѣзко отличается отъ крупныхъ хозяйствъ, которыя обыкновенно вынуждены въ извѣстной мѣрѣ слѣдовать опредѣленному шаблону уже по тому, что руководителями ихъ чаще всего являются не сами владѣльцы, а наемные управляющіе, пользующіеся ограниченной свободой распоряженія и являющіеся не постоянными, а только временными завѣдывающими даннымъ хозяйственнымъ объектомъ. Эта особенность сближаетъ организацію средняго хозяйства съ организаціей хозяйствъ мелкихъ, въ которыхъ такая индивидуализація еще болѣе необходима. Въ обоихъ случаяхъ причиной индивидуализаціи является одно и тоже условіе,—именно личное участіе владѣльца въ веденіи хозяйства; это обстоятельство не только даетъ возможность, но и дѣлаетъ обязательнымъ сообразовать организацію и выборъ отраслей хозяйства съ индивидуальными склонностями и умѣньемъ хозяина. Этимъ склонностямъ и талантамъ хозяина нѣкоторые ученые придаютъ даже преувеличенное значеніе, полагая, что рента есть именно вознагражденіе хозяина за его спеціальные таланты въ той или другой отрасли хозяйственной дѣятельности. Но и признавая преувеличенность такой оцѣнки личныхъ талантовъ, все же необходимо признать важность такой организаціи хозяйства, при которой спеціальные таланты хозяина могли бы найти себѣ надлежащее приложеніе [1].

Слѣдуетъ прибавить еще, что въ сельскомъ хозяйствѣ вообще личныя качества хозяина (понимая подъ «хозяиномъ» всегда непосредственнаго распорядителя хозяйствомъ) имѣютъ несравненно бо́льшее значеніе для успѣха дѣла, чѣмъ въ какомъ-либо

---

[1]) Сказанное въ текстѣ объясняетъ, между прочимъ, тотъ, часто вызывающій порицаніе со стороны лицъ, малосвѣдущихъ въ сельскомъ хозяйствѣ фактъ,—что всѣ лекціи и учебники по организаціи хозяйства предлагаютъ сколько-нибудь подробныя схемы организаціи почти исключительно для крупныхъ хозяйствъ. Иначе оно и быть не можетъ, разъ что среднія, а тѣмъ болѣе мелкія хозяйства должны принимать во вниманіе такую колеблющуюся и неопредѣленную величину, какъ личныя качества самого хозяина.

номъ промышленномъ предпріятіи. Это понятно для каждаго, имѣющаго представленіе о дѣятельности хозяина, руководителя предпріятія [1]); достаточно вспомнить, что несвоевременная уборка хлѣба можетъ уничтожить если не весь урожай, то значительную часть его, или, по крайней мѣрѣ, значительно понизить его цѣнность и рыночную цѣну, и что тотъ-же результатъ можетъ получиться отъ несвоевременнаго (слишкомъ ранняго или слишкомъ поздняго) посѣва, или даже несвоевременнаго примѣненія какой-нибудь мѣры при культурѣ растеній (полка, прорывка корнеплодовъ и т п.),—достаточно вспомнить все это, чтобы понять, насколько важна роль хозяина-распорядителя. Поэтому хозяинъ долженъ постоянно напряженно наблюдать окружающую природу и, если онъ хочетъ достигнуть не только хорошихъ техническихъ. но и удовлетворительныхъ экономическихъ результатовъ,—то онъ долженъ столь-же внимательно слѣдить и за ходомъ развитія общественной жизни, по крайней мѣрѣ въ районѣ своего хозяйства.

Наконецъ, слѣдуетъ замѣтить, что чѣмъ быстрѣе темпъ развитія общественныхъ отношеній, тѣмъ чаще хозяинъ долженъ вводить тѣ или иныя новшества, для ознакомленія съ которыми онъ долженъ слѣдить за развитіемъ науки и техники. Понятно, что при всѣхъ указанныхъ условіяхъ средній хозяинъ, желая заниматься хозяйствомъ, не можетъ нести (въ огромномъ большинствѣ случаевъ, по крайней мѣрѣ) какихъ-либо постороннихъ обязанностей, если эти послѣднія отвлекаютъ его на болѣе или менѣе продолжительные сроки отъ его хозяйственной дѣятельности, или отнимаютъ у него значительное количество времени. И именно въ тѣхъ сухихъ районахъ, о которыхъ мы говоримъ, требуется наиболѣе вниманія къ хозяйству со стороны средняго владѣльца, ибо его хозяйство,—чтобы давать ему достаточную ренту,—должно въ гораздо большей степени основываться на эксплуатаціи его личныхъ талантовъ, быть болѣе индивидуализировано, чѣмъ хозяйства среднихъ владѣльцевъ другихъ, болѣе влажныхъ районовъ, которыя могутъ, или даже должны, въ боль-

---

[1]) Не даромъ еще покойный А. Н. Энгельгардтъ въ своихъ „письмахъ изъ деревни" говорилъ, что бываетъ „мужикъ съ загадомъ" и „мужикъ безъ загада" и у послѣдняго хозяйство никогда не пойдетъ толкомъ.

шей мѣрѣ приближаться къ общему шаблону, по которому организованы крупныя (или мелкія) хозяйства тѣхъ-же районовъ. Въ районахъ же зернового хозяйства (сухихъ) крупныя хозяйства производятъ почти исключительно зерно и въ этомъ производствѣ съ ними совершенно не могутъ конкурировать среднія хозяйства, такъ какъ всѣ техническія изобрѣтенія, дающія возможность значительно повышать производительность труда рабочихъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, удешевлять продуктъ (зерно) гораздо легче примѣнимы,—или вообще доступны только для крупныхъ хозяйствъ. Напримѣръ, заводить собственную паровую молотилку, имѣя въ посѣвѣ 300—400 десятинъ подъ зерновыми хлѣбами, крайне невыгодно, потому что работа ея тогда обходится очень дорого, такъ какъ число дней ея службы въ хозяйствѣ въ теченіи года слишкомъ мало и процентъ на капиталъ въ машинѣ и амортизація ея стоимости значительно повысятъ расходъ на обмолотъ одного пуда зерна. Современная техника стремится, правда, облегчить примѣненіе сложныхъ машинъ въ болѣе мелкихъ хозяйствахъ; но, все-же, и до сихъ поръ, не смотря на успѣхи техники, примѣненіе машинъ въ мелкихъ и среднихъ хозяйствахъ даетъ меньшія выгоды, чѣмъ въ крупныхъ. Въ частности у насъ, въ указанныхъ районахъ, невыгоды среднихъ хозяйствъ увеличиваются еще благодаря отсутствію въ районѣ фабрикъ и рѣдкости даже небольшихъ мастерскихъ, которыя могли-бы производить неизбѣжный ремонтъ машинъ;—крупныя-же хозяйства могутъ или даже должны имѣть такія промышленныя учрежденія въ собственномъ распоряженіи и это создаетъ для нихъ огромныя удобства и значительно удешевляетъ ремонтъ и вообще пользованіе машинами.

Словомъ, интенсивировать производство путемъ усиленнаго примѣненія машинъ, т.-е. путемъ наиболѣе доступнымъ даже при ограниченныхъ спеціальныхъ знаніяхъ,—для среднихъ хозяевъ невыгодно. Тѣмъ болѣе невыгодно для нихъ примѣненіе иныхъ способовъ интенсификаціи хозяйства, могущихъ имѣть значеніе въ нашихъ сухихъ районахъ. Таковы, напримѣръ, меліораціи разнаго рода (устройство лѣсныхъ опушекъ и живыхъ изгородей или обводненіе и орошеніе) или устройство заводовъ для технической переработки продуктовъ земледѣлія (винокуренныхъ, крахмальныхъ и т. п.). Появленіе относительно мелкихъ

заводовъ разнаго рода стѣсняется у насъ, какъ указано выше, различными мѣрами нашей финансовой и экономической политики; но, и помимо этаго, самое направленіе развитія техники таково, что преимущества болѣе крупныхъ предпріятій почти во всѣхъ отрасляхъ все болѣе возрастаютъ. Такъ, напримѣръ, введеніе храненія спирта въ желѣзныхъ цистернахъ, взамѣнъ примитивныхъ бочекъ, увеличило выгоды крупныхъ винокуренъ; равнымъ образомъ—усовершенствованіе въ культурѣ дрожжей, требующее тщательнаго наблюденія образованнаго техника за ростомъ грибка, также послужило на пользу крупнымъ заводамъ, такъ какъ мелкіе, конечно, не могутъ пользоваться услугами интеллигентныхъ техниковъ и должны довольствоваться и до сихъ поръ чуть не самоучками-винокурами въ качествѣ руководителей заводовъ.

При всѣхъ указанныхъ условіяхъ среднія хозяйства могли существовать успѣшно въ нашихъ сухихъ районахъ только при непосредственномъ руководствѣ хозяйствомъ со стороны самого владѣльца, отъ котораго при этомъ требовался неустанный интеллигентный трудъ и очень солидная предварительная подготовка въ области агрономическихъ знаній въ самомъ широкомъ смыслѣ слова. Такія знанія, конечно, пріобрѣтаются не легко, а самая дѣятельность земледѣльца-хозяина представляла мало привлекательнаго для интеллигентнаго человѣка. Если и до сихъ поръ еще у насъ сохранился въ обществѣ взглядъ на хозяина-земледѣльца (по скольку, по крайней мѣрѣ, онъ не исполняетъ собственными руками всю черную работу по хозяйству), какъ на эксплуататора-кулака и культурная роль его отрицается, независимо отъ того, какъ онъ ведетъ хозяйство, а полученіе имъ ренты совершенно отождествляется съ отрѣзаніемъ купоновъ,—то, конечно, въ первыя десятилѣтія по освобожденіи крестьянъ этотъ взглядъ до извѣстной степени соотвѣтствовалъ дѣйствительности, ибо число хозяевъ, которые не оправдывали такого взгляда, было совершенно ничтожно. Но и въ болѣе позднее время, вплоть до настоящаго времени въ нашихъ сухихъ районахъ количество такихъ хозяевъ увеличивалось весьма медленно. Причиной этаго является, помимо указанныхъ трудностей веденія хозяйства, и традиціонный взглядъ на землевладѣльца-хозяина, благодаря которому владѣльцы среднихъ имѣній совсѣмъ не стремились дать своимъ дѣтямъ соотвѣтствующее образованіе и хотя между этими дѣтьми

было много лицъ образованныхъ, но они готовились въ той или иной формѣ къ государственной или общественной дѣятельности и относились къ скромной роли земледѣльца-хозяина почти также отрицательно, какъ и ихъ отцы. Исходя изъ взгляда, что роль земледѣльца сводится къ выжиманію соковъ изъ рабочихъ, образованное дворянство находило болѣе удобнымъ и соотвѣтственнымъ дворянскому достоинству и своей интеллигентности въ началѣ посвящать свои силы, такъ называемымъ свободнымъ профессіямъ, а когда пристраиваться такъ оказалось неудобнымъ, за переполненіемъ этихъ профессій разночинцами, то итти если не на казенную, то на общественную,—земскую или городскую службу, особенно въ виду того, что попытки немногихъ храбрецовъ завести собственное хозяйство,—остаться при землѣ,—давали плачевные результаты, а окрестное крестьянство, побуждаемое голодомъ, предлагало совершенно сказочную арендную плату за землю, безъ всякихъ, повидимому, хлопотъ.

Однако, обѣдненіе крестьянъ, побудившее крупныхъ землевладѣльцевъ перейти отъ сдачи своихъ земель въ аренду къ хозяйству за собственный счетъ, должно было въ еще болѣе сильной степени обнаружить вліяніе на хозяйство среднихъ владѣльцевъ, такъ какъ они въ гораздо большей мѣрѣ терпѣли убытки отъ несвоевременнаго взноса арендной платы или полной невозможности взыскать ее съ крестьянъ-арендаторовъ, тѣмъ болѣе, что обычно эта плата въ среднихъ имѣніяхъ была выше, чѣмъ въ крупныхъ. Но трудности организаціи собственнаго хозяйства не позволяли имъ итти тѣмъ путемъ, какой избрали крупные владѣльцы, и, въ концѣ концовъ, среднее землевладѣніе, считающееся обыкновенно наиболѣе выгоднымъ, у насъ на черноземѣ оказывалось мало доходнымъ или и совсѣмъ бездоходнымъ. Поэтому совершенно естественно стремленіе среднихъ землевладѣльцевъ этой области развязаться съ землей путемъ продажи ея, хотя бы крестьянамъ. Однако, существеннымъ затрудненіемъ для рѣшенія вопроса такимъ способомъ служило то, что эта земли обычно являлась цензомъ, дозволявшимъ принимать участіе въ земской дѣятельности, обращеніе къ которой часто прямо вынуждалось недостаточностью обезпеченія, доставляемаго доходомъ съ земли. Когда-же голодъ вызвалъ крестьянскія волненія, то положеніе среднихъ землевладѣльцевъ оказалось прямо критическимъ: крупные землевладѣльцы, конечно, скорѣе находили себѣ защиту у вла-

стей, да и помимо этаго могли защититься и сами, окружая себя наемной стражей, нерѣдко хорошо вооруженной. Среднiе-же не могли прибѣгнуть ни къ самозащитѣ послѣднимъ способомъ,—не имѣя для этаго достаточно средствъ,—и не находили защиты и со стороны полицейской и иныхъ властей.

При такомъ положенiи вещей естественно, что эта группа землевладѣльцевъ имѣла полный интересъ разстаться съ своей землей, если ей будетъ предположена за нее «справедливая цѣна», ибо, какъ-бы ни была низка послѣдняя, она все-же давала нѣчто, тогда какъ земля грозила сдѣлаться совершенно бездоходной. Однако, дѣйствительно выгодна такая уступка становилась только при условiи, что земля не будетъ нужна въ качествѣ ценза для участiя въ общественной и государственной дѣятельности, для которой эти лица почти исключительно готовились. И, какъ видитъ читатель, символъ вѣры кадетовъ, или ихъ платформа вполнѣ соотвѣтствуетъ интересамъ этой общественной группы: землю, говорятъ кадеты, слѣдуетъ передать лицамъ непосредственно обрабатывающимъ ее, а намъ, — капиталъ и возможность широкой общественной и государственной дѣятельности, т.-е. прямое, равное, тайное и т. д. и т. д. право избранiя на всѣ этапы государственной и общественной дѣятельности.

Для дѣла, конечно, не важно, представляютъ-ли всѣ кадеты лицъ этой общественной группы или нѣтъ; суть только въ томъ, что они, сознательно или безсознательно, отстаивали интересы извѣстнаго рода и, въ большинствѣ вѣроятно вполнѣ искренне, отождествляли интересы этой группы съ интересами не только всего крестьянства, но и всего государства. Это заблужденiе психологически вполнѣ понятно, тѣмъ болѣе, что крестьянство указаннаго района только въ землѣ и въ расширенiи своего землевладѣнiя искони привыкло видѣть свое спасенiе. Тотъ фактъ, что представители западныхъ окраинъ не примкнули къ кадетамъ въ аграрномъ вопросѣ, подтверждаетъ высказанное нами соображенiе, ибо здѣсь, на западѣ, группа среднихъ землевладѣльцевъ,—какъ совершенно вѣрно замѣтилъ г. Крживицкiй въ цитированной выше статьѣ, имѣетъ несравненно большее влiянiе, чѣмъ въ остальной Россiи. А между тѣмъ она въ данномъ случаѣ совершенно не заинтересована въ такомъ рѣшенiи вопроса, какое предложили кадеты. Дѣйствительно, среднее хозяйство въ западныхъ районахъ находится почти въ столь-же благопрiятномъ положенiи какъ и

мелкое и во всякомъ случаѣ его положеніе гораздо лучше, чѣмъ въ центральной и вообще сухой, чисто русской области: оно, какъ мы сказали, можетъ вестись и дѣйствительно ведется большею частью по опредѣленному шаблону. Къ тому-же, стремленіе къ руссификаціи области уже болѣе 40 лѣтъ заставляетъ правительство вытѣснять польскую интеллигенцію изъ всѣхъ областей офиціальной дѣятельности, а это ведетъ къ тому, что представители интеллигенціи гораздо чаще избираютъ себѣ профессію земледѣльца-хозяина, позволяющую имъ остаться независимыми, и въ гораздо большей мѣрѣ, чѣмъ русскіе дворяне, подготовлены къ этой профессіи и теоретически и, еще болѣе, практически.

XIII.

Сказанное достаточно уясняетъ намъ, какимъ образомъ возникла центральная партія нашей первой Думы: нетрудно найти и причины, придавшіе ей руководящую роль въ Думѣ, иначе говоря—создавшія возможность для нея явиться наиболѣе многочисленной изъ думскихъ партій. Напомнимъ, что вся партія состояла, прежде всего, изъ земскихъ и частью городскихъ дѣятелей: извѣстно, вѣдь, что и самое образованіе партіи связано со съѣздами земскихъ и городскихъ дѣятелей, при чемъ послѣдніе (городскіе) частью сразу не вошли въ партію, частью отпали потомъ. Что этихъ лицъ вообще населеніе охотно выбирало своими представителями, это, конечно, совершенно понятно: имена ихъ были всѣмъ извѣстны и ихъ общественная дѣятельность была у всѣхъ на виду. Но не малую услугу оказала имъ и администрація всякими стѣсненіями и запрещеніями предварительныхъ собраній: при большей свободѣ собраній на послѣднихъ могли выдвинуться новыя, до того мало извѣстныя населенію лица, которымъ отдано было-бы предпочтеніе передъ извѣстными уже земскими дѣятелями; при невозможности-же такого ознакомленія, населеніе, по необходимости, должно было останавливать свой выборъ на извѣстныхъ ему въ большей или меньшей степени лицахъ.

Недостаточно, однако, было быть выбранными въ Думу, чтобы пріобрѣсти значеніе руководящей партіи. Чтобы уяснить причину этаго послѣдняго явленія, необходимо разобрать—изъ какихъ элементовъ и подъ какими вліяніями слагались остальныя думскія партіи. При этомъ такъ называемые крайніе лѣвые, какъ и край-

ніе правые, не играли никакой роли, будучи представлены только немногими единицами [1]). Наиболѣе многочисленной послѣ кадетовъ была группа безпартійныхъ (въ началѣ, по крайней мѣрѣ) крестьянъ. Кадеты откровенно говорили, какъ только выяснился въ общихъ чертахъ составъ Думы, что для успѣха дѣла имъ слѣдуетъ стремиться привлечь на свою сторону крестьянъ, обѣщая имъ землю и требуя ихъ содѣйствія въ добываніи различныхъ «свободъ». Безъ сомнѣнія, это стремленіе заставило ихъ уже въ партійной платформѣ особенно рѣзко подчеркнуть необходимость разрѣшенія аграрнаго вопроса, а затѣмъ въ самой Думѣ посвятить преніямъ объ этомъ вопросѣ, при томъ преніямъ только прелиминарнымъ, едва не треть всего времени думскихъ засѣданій. При этомъ образованіе новой, болѣе лѣвой партіи, повидимому, побудило и кадетовъ придать своей программѣ болѣе рѣзкій тонъ, особенно по отношенію къ аграрному вопросу. Въ этихъ видахъ въ число принциповъ рѣшенія аграрнаго вопроса было введено положеніе о государственномъ земельномъ фондѣ, который желали установить вездѣ, независимо отъ того, признавали-ли такой фондъ желательнымъ представители отдѣльныхъ районовъ, или относились къ нему отрицательно. Въ требованіи огосударствленія если не всей, то части земли сказалась и старая народническая закваска, такъ какъ при помощи этаго фонда желали поддержать тотъ принципъ «уравнительнаго землепользованія», которому искони поклоняются наши народники.

Выработавъ такую программу по аграрному вопросу, кадеты, конечно не безъ основанія, разсчитывали привлечь на свою сторону крестьянъ и если это имъ не вполнѣ удалось, то въ значительной мѣрѣ потому, что въ Думѣ нашлась группа, предложившая еще болѣе радикальное рѣшеніе аграрнаго вопроса, которое еще сильнѣе располагало къ себѣ крестьянскихъ депутатовъ. Въ этой радикальной группѣ, именовавшей себя трудовой группой или просто трудовиками, дѣйствительными руководителями являлись, въ сущности, представители такъ называемаго соціалъ-народничества, которые довольно откровенно заявляли, что идутъ

---

[1]) Кавказскіе эсъ-эры и эсъ-деки, не смотря на свою численность, ничего не измѣняютъ въ этой характеристикѣ, благодаря слишкомъ уже шаблонному характеру ихъ рѣчей, конечно, очень рѣзкихъ, но, при всемъ томъ, совершенно безцвѣтныхъ.

въ Думу не затѣмъ, чтобы законодательствовать, а затѣмъ, чтобы,—какъ они выражались,—воспользоваться открытой трибуной для распространенія революціонныхъ идей. Этимъ они показывали, что для нихъ собственно безразлично, какъ рѣшится хотябы напримѣръ аграрный вопросъ, и не въ рѣшеніи этаго вопроса они видѣли значеніе Думы или ея задачи: это рѣшеніе, думали они, придетъ, или будетъ правильнымъ только тогда, когда революція сломитъ всѣ препоны для появленія на мѣстѣ Думы учредительнаго собранія, избраннаго на основаніи всеобщаго, прямого, равнаго и пр. и пр. голосованія. Понятно, что крестьянская масса или представители ея въ Думѣ, только благодаря своему невѣжеству могла примкнуть къ этой партіи, принимая, такъ сказать, за чистую монету обѣщаніе чуть не безплатнаго раздѣла всѣхъ земель между трудовымъ крестьянствомъ и совершенно не представляя себѣ, что рѣчи коноводовъ ея, выставлявшихъ эти требованія, были просто тактическимъ пріемомъ. Колебаніе обнаружилось только въ той группѣ крестьянъ, которую отталкивало какъ отъ кадетовъ, такъ и отъ трудовиковъ настойчивое отстаиваніе государственнаго земельнаго фонда, каковой являлся въ глазахъ этой группы чуть не покушеніемъ на личную собственность членовъ ея. Эта группа такъ и осталась до конца нейтральной и при дальнѣйшемъ существованіи Думы, примкнула-бы, вѣроятно, къ партіи мирнаго обновленія, представлявшей зародышъ правой партіи русскаго парламента.

При такомъ составѣ Думы руководящая роль должна была, конечно, принадлежать конституціонно-демократической партіи, такъ какъ среди трудовиковъ находилось слишкомъ мало интеллигентныхъ силъ, а остальныя партіи были недостаточно многочислены, чтобы сдѣлаться руководителями Думы. Кличъ «земли и воли» сдѣлался, въ концѣ концовъ, лозунгомъ не одной какой-либо партіи, а лозунгомъ почти всей Думы и тѣ изъ депутатовъ, которые не сочувствовали предложенному аграрному проекту, должны были, по необходимости, молчать.

Но первопричиной состава Думы перваго созыва былъ, разумѣется, законъ, на основаніи коего она была избрана. Бюрократическіе творцы этаго закона, привыкшіе представлять себѣ крестьянина униженно кланяющимся,—какимъ они только и видѣли его въ своихъ канцеляріяхъ,—надѣялись, что если они дадутъ крестьянству чувствительный перевѣсъ на выборахъ передъ болѣе

интеллигентными слоями населенія, то они добьются думы покорной, готовой слѣдовать ихъ указаніямъ и такимъ образомъ будетъ созданъ декорумъ конституціоннаго управленія а, вмѣстѣ съ тѣмъ, г. г. бюрократы по прежнему будутъ управлять государствомъ. Не мало, конечно, разсчитывали они и на то, что вѣдь, въ сущности, выборщиковъ-то отъ крестьянъ будутъ назначать земскіе начальники и, конечно, назначать любезныхъ своему сердцу, а вмѣстѣ угодныхъ и начальству. Всѣ эти разсчеты, однако, оказались совершенно неосновательными. Съ одной стороны, крестьяне, давно уже не довѣряя земскимъ начальникамъ и стремясь избавиться отъ нихъ, отлично поняли, что любезные этимъ начальникамъ люди не могутъ выражать ихъ мнѣній и старательно обходили при выборахъ такихъ выборщиковъ; съ другой-же стороны, представители крестьянства, составлявшіе чуть не треть членовъ Думы, оказались, какъ и надо было ожидать, благодаря своему невѣжеству, весьма податливыми на всякія внушенія и, разъ имъ показали въ перспективѣ вѣчный идеалъ всякаго крестьянина—землю, и даже много земли,—они покорно пошли за предложившими эти посулы и признали и всѣ требованія своихъ вождей, хотя, весьма вѣроятно, смутно представляли себѣ важность многихъ изъ нихъ. Это обстоятельство,—невѣжество представителей крестьянства, — безъ сомнѣнія, вліяло и на выборъ самыхъ депутатовъ отъ крестьянъ, ибо масса крестьянскихъ выборщиковъ была, конечно, еще болѣе невѣжественна, чѣмъ тѣ лица, которые явились представителями крестьянства въ Думѣ, а потому представителямъ другихъ общественныхъ группъ не трудно было уже и на губернскихъ выборахъ располагать голосами этой массы.

Если къ этому прибавить, что въ тѣхъ районахъ, гдѣ вопросъ о землѣ не игралъ особенно важной роли, выборы происходили подъ еще болѣе организованнымъ гнетомъ администраціи и вниманіе избирателей сосредоточивалось не на экономическихъ вопросахъ, а на вопросахъ національныхъ, то будетъ ясно, почему въ Думѣ кадеты оказались руководителями. Крайнія-же партіи въ послѣднихъ изъ названныхъ районовъ частью вынужденно, частью добровольно бойкотировали выборы и потому изъ всей западной полосы (исключая прибалтійскій край) не прошло кажется, ни одного конституціоналиста демократа, не говоря о болѣе лѣвыхъ партіяхъ. Представители крестьянства польсколитовской области

образовали, поэтому, ту нейтральную группу, которая или оставалась безпартійной до конца или примыкала къ концу сессіи къ крайней—неопредѣленной группѣ автономистовъ и то, кажется, больше ради того, чтобы не считать себя совсѣмъ внѣ какой-либо партіи.

XIV.

Выше мы отмѣтили, что конституціоналисты-демократы правы, говоря, что они не представляютъ интересовъ буржуазіи; но мы тотчасъ-же оговорились, что имѣемъ въ виду то значеніе термина буржуазія, какое обычно придается этому слову, т. е. въ смыслѣ городского сословія промышленниковъ и торговцевъ, словомъ—людей, чуждыхъ земледѣльческому промыслу. Но, чтобы разобраться вполнѣ въ вопросѣ о томъ, въ чьихъ интересахъ дѣйствовала эта партія, необходимо уяснить себѣ еще болѣе точно, какой смыслъ имѣлъ кличъ «земли и воли» и въ силу какихъ соображеній на этомъ лозунгѣ объединились, въ концѣ концовъ, и самыя крайнія соціалистическія партіи и представители умѣреннаго либерализма, какими въ сущности должны-бы быть конституціоналисты-демократы.

Замѣтимъ, что рѣчь здѣсь можетъ идти только о первой половинѣ этаго лозунга, т.-е. о землѣ, ибо «волю» каждый могъ понимать и несомнѣнно понималъ по своему: среднерусскій мужикъ разумѣлъ при этомъ, вѣроятно, прежде всего, освобожденіе изъ подъ власти земскаго начальника и всѣхъ тѣхъ безчисленныхъ опекуновъ, которые теперь приставлены пещись о немъ; польскій крестьянинъ или даже вообще полякъ—могъ думать при этомъ о свободѣ въ смыслѣ употребленія природнаго языка и освобожденія отъ многоразличныхъ видовъ полицейскаго гнета, и т. д. и т. д.,—каждый вкладывалъ въ это слово тотъ смыслъ, разумѣлъ подъ нимъ то, чего онъ всего больше желалъ.

Иное дѣло относительно земли. Мы уже указывали, что во многихъ районахъ даже среди кореннаго земледѣльческаго населенія и въ моментъ наибольшаго развитія революціонныхъ стремленій,—требованіе увеличенія земельныхъ надѣловъ или совсѣмъ не возникало, или являлось только въ концѣ движенія и было безспорно навѣяно однородными требованіями населенія другихъ районовъ. И нужно сказать, что тѣ районы, въ которыхъ крестьянское движеніе принимало такую форму, слѣдуетъ признать экономически и куль-

турно болѣе развитыми. Указателемъ той культурной ступени, на которой находится населеніе, при нашихъ условіяхъ, должна считаться именно та дифференціація, какая произошла въ земледѣльческомъ населеніи: чѣмъ рѣзче обособились различные слои населенія вообще, а слѣдовательно и слои населенія земледѣльческаго въ частности, тѣмъ болѣе ясно каждая группа сознаетъ свои интересы и тѣмъ болѣе высокой культурной ступени достигло, стало быть, населеніе данной области. Разслоеніе-же земледѣльческаго населенія должно было обозначиться гораздо рѣзче въ тѣхъ областяхъ, гдѣ тѣ обломки родового быта, которые представляются общиной, міромъ, давно разрушились, и каждый хозяинъ ведетъ свое хозяйство по собственному разумѣнію, а не по указкѣ міра, являющагося, въ концѣ концовъ, верховнымъ распорядителемъ земли и самаго направленія хозяйственной дѣятельности всѣхъ его членовъ въ районахъ господства общины.

Мы видѣли, что въ районахъ съ болѣе глубокой дифференціацией аграрныя движенія,—тамъ, гдѣ онѣ вообще имѣли мѣсто,—начинались той группой крестьянства, которая, въ сущности, уже потеряла право на званіе самостоятельныхъ хозяевъ-земледѣльцевъ, какъ давно лишившаяся необходимаго для земледѣльца инвентаря, безъ котораго немыслимо веденіе самостоятельнаго хозяйства (рабочій скотъ, упряжь, орудія и пр.). Огромное большинство этой группы крестьянъ потеряло даже надежду когда-либо возстановить свою хозяйственную самостоятельность и видитъ единственный источникъ добыванія средствъ существованія въ продажѣ своей рабочей силы, главнѣйшей ареной приложенія которой является въ большинствѣ такихъ районовъ пока почти исключительно сосѣднее крупное хозяйство. Вотъ почему, при возникновеніи аграрныхъ безпорядковъ въ такомъ районѣ, первымъ требованіемъ ставится удаленіе пришлыхъ,—не мѣстныхъ, рабочихъ, въ которыхъ мѣстное населеніе видитъ конкурентовъ, сбивающихъ цѣну на трудъ; а затѣмъ—вторымъ требованіемъ является повышеніе рабочей платы вообще. Этотъ характеръ движенія дѣлаетъ его не крестьянскимъ, а пролетарскимъ; къ нему—по понятнымъ причинамъ,—не примыкаетъ другая часть населенія, слабо или совсѣмъ не заинтересованная въ повышеніи рабочей платы. Эта, инертная вначалѣ, группа слагается, во 1-хъ изъ тѣхъ семействъ, которыя не посылаютъ отъ себя рабочихъ въ крупныя хозяйства, но и сами не нанимаютъ

рабочихъ, а во 2-хъ, изъ тѣхъ, которыя сами пользуются наемными рабочими силами по временамъ или постоянно. Послѣдняя, болѣе состоятельная группа стремится даже расширить свое хозяйство и чувствуетъ себя въ силахъ произвести такое расширеніе, но не находитъ подъ руками достаточно земли, которую она могла-бы эксплоатировать. При этомъ она ясно видитъ, что причиной этаго недостатка земли является главнымъ образомъ то, что крупные владѣльцы ведутъ хозяйство на своей землѣ за собственный счетъ, эксплуатируя, въ качествѣ рабочей силы, болѣе бѣдную часть населенія. Поэтому эта часть примыкаетъ къ движенію только тогда, когда является надежда увеличить размѣръ эксплуатируемой площади земли, раздѣлить крупное владѣніе и получить изъ него хотя-бы частичку. Очевидно, что первая группа, разсуждая логично, должна-бы противодѣйствовать этому стремленію богатырей подѣлить между собою крупныя владѣнія, и если она не дѣлаетъ этаго, то только по недоразумѣнію.

Какъ-же обстоитъ дѣло въ районахъ, гдѣ дифференціація населенія не пошла еще такъ далеко, гдѣ удержавшійся до сихъ поръ общинный строй, стѣсняя самодѣятельность всѣхъ членовъ общины, нивеллируетъ въ извѣстной мѣрѣ ихъ хозяйственную самостоятельность,—правда, не въ томъ смыслѣ, какъ представляютъ себѣ поклонники общины,—т.-е. въ смыслѣ повышенія уровня состоятельности бѣднѣйшихъ членовъ,—а именно въ противоположномъ,—т.-е. въ смыслѣ пониженія этаго уровня болѣе сильныхъ хозяйствъ,—но во всякомъ случаѣ все-же нивеллируетъ? По существу, конечно, требованіе земли, имѣетъ и здѣсь смыслъ не для самой бѣдной части крестьянства, потерявшей уже весь инвентарь и, или совсѣмъ не обработывающей своего надѣла, или обработывающей его при помощи чужого инвентаря, а для той средней, которая еще ведетъ хозяйство собственнымъ инвентаремъ, а еще болѣе для тѣхъ хозяевъ, которые и теперь ведутъ хозяйство не на одной надѣльной, а частью и на купленной или на арендованной, какъ у сосѣднихъ крупныхъ владѣльцевъ, такъ и у своихъ односельцевъ землѣ. Всѣ эти группы есть и здѣсь, но они менѣе рѣзко разграничены и сознаніе различія ихъ интересовъ менѣе ясно. Но все-же, здѣсь масса лицъ, могущихъ быть заинтересованными въ увеличеніи площади надѣльнаго землевладѣнія, гораздо болѣе значительна уже потому, что и первоначальное надѣленіе было болѣе равномѣрно, по крайней мѣрѣ въ предѣлахъ одного селенія или одной общины. Поэтому движеніе по-

лучаетъ здѣсь часто сразу массовый характеръ, особенно тамъ, гдѣ первоначальные надѣлы сводились къ минимуму.

Однако, дифференціація происходила и здѣсь и хотя и среди членовъ наиболѣе обдѣленныхъ общинъ имѣются нерѣдко свои Крезы, но особенно рѣзко проявляется различіе матеріальнаго положенія не среди членовъ одной общины, а между различными общинами и группами крестьянъ, напр., между бывшими государственными и бывшими помѣщичьими. Такъ какъ послѣдніе большею частью получили надѣлы въ 2 и болѣе разъ меньшіе, чѣмъ первые, то, понятно, среди нихъ и больше бѣдноты и вся ихъ масса несравненно бѣднѣе массы бывшихъ государственныхъ.

Различіе въ состоятельности этихъ группъ усиливалось нерѣдко еще тѣмъ, что болѣе крупно надѣленные (государственные и удѣльные) имѣли возможность въ бо́льшей мѣрѣ участвовать въ арендѣ оставшихся за государствомъ или удѣлами земель, такъ какъ послѣднія обыкновенно непосредственно прилегали къ надѣльнымъ крестьянскимъ того-же наименованія; удѣльныя-же и государственныя земли отдавались въ аренду почти вездѣ на болѣе легкихъ для арендаторовъ условіяхъ, что позволяло съемщикамъ ихъ увеличивать свое благостояніе, чего нельзя сказать объ арендаторахъ частновладѣльческихъ земель, по крайней мѣрѣ въ массѣ.

Естественно, поэтому, ожидать, что между этими различно надѣленными группами существуетъ значительный антагонизмъ. Въ печати уже не разъ появлялись извѣстія, что, кромѣ разгрома помѣщичьихъ усадьбъ, происходили и разгромы болѣе состоятельныхъ крестьянскихъ дворовъ и цѣлыхъ селеній. Эти явленія были-бы, безъ сомнѣнія, еще болѣе часты, если-бы уровень благосостоянія бывшихъ государственныхъ и удѣльныхъ крестьянъ былъ въ массѣ на столько выше, насколько выше полученные ими сравнительно съ бывшими владѣльческими надѣлы. На самомъ дѣлѣ, однако, такого благосостоянія,—какого можно было-бы ожидать, судя по размѣрамъ надѣловъ и по указанному выше благопріятному для аренды государственныхъ и удѣльныхъ земель положенію этихъ группъ крестьянъ,—нѣтъ въ дѣйствительности,—благодаря, со одной стороны, существованію общины, а съ другой—тому длинноземелью, которое здѣсь особенно рѣзко проявляется, вслѣдствіе скученія крестьянъ въ огромныхъ поселкахъ [1]).

[1]) Значеніе длинноземелья было указано мною въ книгѣ. „Экономическіе Этюды, вып. 1-ый. Экономическія причины голодовокъ...“ С.-Пб. 1894 г.

Какъ-бы то ни было, если бѣднѣйшая часть населенія,—безлошадные, бездомовые и другіе совершенно вышедшіе изъ настоящаго крестьянства группы — и поддерживаютъ требованіе «земли», то только по недоразумѣнію: настоящій-же интересъ въ этой землицѣ имѣетъ тотъ «хозяйственный мужичокъ», у котораго кое-что сложено въ кубышкѣ и который если еще не вполнѣ уподобился Колупаеву и Разуваеву, то представляетъ эмбріонъ этихъ героевъ Щедрина.

Понимали-ли достаточно ясно указанное сочетаніе факторовъ конституціоналисты демократы—изъ ихъ писаній заключить трудно и скорѣе можно думать, что не понимали. Но при всемъ томъ, то, чего они добивались, могло въ извѣстной степени содѣйствовать развитію именно указаннаго элемента деревни, который слѣдуетъ назвать буржуазнымъ и въ этомъ смыслѣ кадеты являлись защитниками интересовъ буржуазіи, только не городской, а сельской. Но, конечно, тогда поставленная ими себѣ задача никакъ уже не можетъ быть названа большой задачей, ибо Колупаевы и Разуваевы и безъ ихъ помощи выплывутъ, хотя, можетъ быть, и съ нѣсколько большими усиліями. Правда, идеалъ кадетовъ заключается, повидимому, въ томъ, чтобы эти Колупаевы и пр. оставались все-же, маленькими, не сдѣлались, Боже упаси, крупными землевладѣльцами; однако, господамъ Колупаевымъ, какъ извѣстно, «лишь-бы уцѣпиться», а тамъ они не спросятъ своихъ благодѣтелей и «дойдутъ».

Впрочемъ изъ приведенныхъ нами выше разсчетовъ видно, что даже и Разуваевы будутъ очень мало облагодѣтельствованы проектами г.г. кадетовъ, ибо, хотя фактически они, конечно, очень скоро овладѣютъ надѣлами своихъ пролетаризованныхъ односельцевъ, но это, все-же, не удовлетворитъ ихъ аппетитовъ.

XV.

Наши представители соціалистическихъ ученій также не поняли смысла требованія «земли» и вообразили, что они создаютъ соціалистическій строй, поддерживая требованіе «земли и воли», или, по крайней мѣрѣ, приближаютъ наступленіе царства соціализма, уничтожая, какъ они выражаются, въ лицѣ крупнаго землевладѣнія послѣднюю опору феодально-крѣпостническаго строя. На самомъ-же дѣлѣ они глубоко ошибаются.

Ошибка заключается именно въ томъ, что раздѣлъ частновладѣльческихъ земель, будто-бы, создастъ благосостояніе крестьянъ или, по крайней мѣрѣ, подниметъ его. Для развитія капитализма, разсуждаютъ они, нуженъ рынокъ, а таковой долженъ создаться спросомъ со стороны обезпеченнаго крестьянства, какъ того слоя, который составляетъ въ Россіи еще огромный процентъ населенія.

На самомъ-же дѣлѣ, какъ мы показали выше, обезпеченность массы крестьянства раздѣломъ земель не можетъ быть достигнута, особенно въ тѣхъ районахъ, въ которыхъ существуетъ наибольшее стремленіе къ такому захвату. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, этимъ раздѣломъ будетъ *уничтоженъ спросъ* со стороны той болѣе обезпеченной группы населенія, которую они стремятся уничтожить, т.-е. теперешнихъ крупныхъ и среднихъ землевладѣльцевъ, не только предметовъ непосредственнаго потребленія, но, что гораздо важнѣе, ихъ спросъ, какъ потребителей матеріаловъ и орудій, которые были имъ нужны для веденія хозяйства. Вмѣстѣ съ тѣмъ, хотя и не надолго, нѣкоторая часть рабочихъ, эксплуатируемыхъ въ городскихъ предпріятіяхъ, но числящихся еще въ крестьянствѣ,—будетъ временно отвлечена отъ своихъ занятій тѣми легендами объ обезпеченіи крестьянъ землею, какія создаются проектами реформы. Когда-же обнаружится, что полученная въ надѣлъ земля не обезпечиваетъ крестьянина, что его покупная способность не только не увеличилась, но еще уменьшилась,—то произойдетъ, конечно, кризисъ и въ промышленности. Но г.г. соціалисты должны знать, что кризисы не содѣйствуютъ развитію капитализма, а задерживаютъ его, хотя и вызываются самымъ развитіемъ его. Если-же принять во вниманіе весь результатъ мѣропріятія, то окажется, что при помощи его мы не только не ускоримъ развитія капитализма, а, наоборотъ, затормозимъ его и процессъ образованія того буржуазнаго крестьянства, котораго, повидимому, сознательно стремятся достигнуть соціалисты, только замедлится, благодаря тому разоренію, которое вызоветъ кризисъ, являющійся, до извѣстной степени, въ свою очередь, результатомъ того миража, который эти партіи рисуютъ наголодавшемуся крестьянству. Но затѣмъ въ разсужденіяхъ г. соціалистовъ есть еще одно недоразумѣніе. Они, конечно, вѣруютъ, что внѣземледѣльческая (городская) промышленность должна пройти черезъ капиталистическій строй, прежде чѣмъ сдѣлается возможной ея

«соціализація»,—употребляя современный терминъ. Но если таковъ ходъ развитія городской промышленности, то обязателенъ-ли тотъ-же процессъ для земледѣльческаго промысла? По ихъ логикѣ, очевидно, нѣтъ, ибо иначе они не говорили-бы ни о соціализаціи, ни о муниципализаціи земли въ Россіи теперь-же. Они, пожалуй, могли-бы сказать, что стадія капитализма въ земледѣліи уже пройдена, если-бы они ранѣе сами-же, и съ гораздо большимъ основаніемъ, (по крайней мѣрѣ для многихъ районовъ), не старались доказывать, что современный способъ эксплуатаціи земли русскимъ крупнымъ землевладѣльцемъ имѣетъ очень мало общаго съ капиталистическимъ производствомъ. И дѣйствительно, по скольку этотъ землевладѣлецъ извлекаетъ доходъ изъ земли путемъ подесятинной раздачи земли голодающему крестьянству, его можно сравнить развѣ-что съ средневѣковымъ ростовщикомъ, раздававшимъ деньги не производителямъ, а простымъ потребителямъ. Слѣдовательно, переходъ отъ такихъ средневѣковыхъ порядковъ къ соціализаціи былъ бы скачкомъ черезъ настоящій капитализмъ къ соціалистическимъ основамъ общества. Словомъ, здѣсь сказалась опять та особенность русскихъ соціалистовъ, которой они отличались еще тогда, когда главой ихъ былъ г. В. В. (Воронцовъ), т.-е. заимствованная у старыхъ народниковъ формула,—что, «намъ законъ не писанъ», мы пойдемъ своимъ, оригинальнымъ путемъ, а не тѣмъ, какимъ шла вся Европа, точнѣе всѣ цивилизованные народы. Соціалисты всего міра давно признали, что земледѣліе представляетъ такую область, въ которой индивидуалистическое хозяйство должно и можетъ продержаться наиболѣе долго. Ну, а мы нашли, что у насъ можно начать соціализацію какъ разъ съ земли.

Указанный скачекъ былъ-бы тѣмъ рѣзче, что именно въ тѣхъ районахъ, гдѣ крупное земледѣльческое хозяйство ведется на капиталистическихъ началахъ,—тамъ-то само населеніе отрицало соціализацію и муниципализацію. Капиталистическое земледѣліе въ наиболѣе развитой формѣ выражается въ тѣхъ, обычно очень обширныхъ, латифундіальныхъ хозяйствахъ, которыя ведутъ культуру свеклы для технической переработки на принадлежащемъ тому-же хозяйству заводѣ; тотъ-же капиталистическій строй, хотя и менѣе рѣзко выраженный, получаютъ хозяйства съ картофельно-винокуренными заводами. Но именно въ тѣхъ райо-

нахъ, гдѣ существуютъ эти заводскія хозяйства, — хозяйства, которыя ведутся наиболѣе интенсивно (югозападный черноземный и польскій районы) аграрныя движенія, какъ мы указали, имѣли совершенно иной характеръ, при томъ проявлялись несравненно менѣе рѣзко и во всякомъ случаѣ не получили характера массоваго движенія, какъ въ районахъ экстенсивнаго крупнаго владѣльческаго хозяйства, или тамъ, гдѣ доходы крупныхъ владѣльцевъ получались путемъ раздачи земли крестьянамъ въ погодную аренду.

Если бы наши гг. соціалисты ясно представляли себѣ нормальный ходъ общественнаго развитія, то они понимали-бы, что Россія переживаетъ въ настоящее время такой моментъ, когда слагается тотъ средній, настоящій буржуазный, — слой населенія, который, въ концѣ концовъ, является главнымъ ядромъ капиталистическаго общества. Вводить въ аграрную реформу соціализацію или муниципализацію земли,—значитъ ставить лишній тормозъ на пути развитія этаго необходимаго для успѣха общественнаго развитія слоя.

XVI.

Намъ кажется необходимымъ сказать нѣсколько словъ и по поводу выяснившихся въ настоящее время намѣреній правительства и его проектовъ регулированія аграрнаго вопроса.

Основными чертами этихъ проектовъ слѣдуетъ признать: 1) отрицаніе принудительности отчужденія какихъ-либо земель въ пользу крестьянъ и 2) передачу земель крестьянамъ исключительно путемъ продажи.

Уже изъ сказаннаго нами выше читатель можетъ заключить, что абсолютное отрицаніе принудительности мы не можемъ признать раціональнымъ и упорство министерства по отношенію къ этому пункту мы объясняемъ себѣ только недоразумѣніемъ. Дѣйствительно, принципъ принудительности многократно проводился при различныхъ случаяхъ: не говоря о Положеніи 1861 года, онъ повторяется и въ позднѣйшихъ законоположеніяхъ, каково, напр., положеніе о чиншевикахъ и другія подобныя. Да и по дѣйствующему до сихъ поръ положенію о сервитутахъ отчужденіе извѣстной площади земли въ пользу сервитутнаго владѣльца при отказѣ его отъ своего права, — является, можно сказать, принудительнымъ.

Мы думаемъ поэтому, что министерство упорно открещивалось отъ примѣненія этаго принципа даже въ частныхъ случаяхъ только изъ опасенія подать этимъ поводъ пойти въ примѣненіи принципа слишкомъ далеко. Признавая-же, что уничтоженіе черезполосности владѣній и правильность расположенія угодій являются во многихъ случаяхъ чрезвычайно важными, могущими въ значительной мѣрѣ замѣнить увеличеніе размѣровъ владѣнія, мы должны признать, вмѣстѣ съ тѣмъ, что примѣненіе принудительности не можетъ быть отрицаемо въ принципѣ. Одно только нужно имѣть при этомъ въ виду: принудительность должна быть обоюдною, т.-е. при разверстаніи владѣній нужно наблюдать, чтобы удобства, создаваемыя для владѣльцевъ одной группы, напр. крестьянъ, не вызывали неудобствъ для частныхъ владѣльцевъ. При этомъ, конечно, чѣмъ крупнѣе частное владѣніе, тѣмъ меньшее значеніе имѣютъ для него уступки въ территоріи, которыя оно можетъ сдѣлать въ пользу крестьянъ. Но размѣры этихъ уступокъ должны опредѣляться не желаніями крестьянъ, а необходимостью урегулировать положеніе ихъ полей, или тѣми выгодами, которыя пріобрѣтаетъ крупный владѣлецъ при обмѣнѣ земельныхъ угодій съ крестьянами, напр. при уничтоженіи черезполосицы.

Что-же касается стремленія передать крестьянамъ землю непремѣнно путемъ продажи, за деньги или за выкупъ, то оно еще понятно относительно удѣльныхъ и кабинетскихъ земель, но совершенно непонятно, когда заходитъ рѣчь о государственныхъ земляхъ. Удѣльныя и кабинетскія земли предлагаются къ продажѣ, имѣя въ виду не уменьшать доходовъ тѣхъ учрежденій, обезпеченію коихъ они служатъ. Но доходъ отъ государственныхъ земель, поскольку дѣло идетъ объ оброчныхъ земляхъ, съ одной стороны, не составлялъ и не составляетъ сколько-нибудь существенной части доходовъ государства, а съ другой,—въ интересахъ крестьянства государство только что передъ тѣмъ отказалось отъ гораздо болѣе значительной суммы дохода въ видѣ сложенія всѣхъ выкупныхъ платежей. Если принять во вниманіе, что, благодаря послѣдней мѣрѣ, бывшіе государственные крестьяне получаютъ землю почти даромъ и что полученная ими земля точно также составляла государственную собственность, въ томъ самомъ смыслѣ, въ какомъ признаются таковой уступаемыя теперь другимъ группамъ земли, то возникаетъ вопросъ:

въ силу какихъ соображеній одной группѣ крестьянъ земля дается даромъ, а другой—продается по очень высокой цѣнѣ? И еще болѣе: вѣдь изъ тѣхъ земель, которыя теперь предназначаются въ продажу,—чуть не вчера еще отводились различнымъ поселенцамъ безвозмездно довольно щедрые надѣлы; почему-же теперь вдругъ признано необходимымъ продать эти земли?

Какъ читатель уже знаетъ, мы отнюдь не сторонники огосударствленія земель; но мы не видимъ и надобности продавать существующій во владѣніи государства земельный фондъ, особенно разъ рѣчь идетъ о томъ, чтобы улучшить положеніе крестьянства. Какъ-бы ни были льготны условія продажи и погашенія долга, все-же они будутъ непосильны наиболѣе нуждающимся крестьянамъ и если изъ числа таковыхъ и явятся охотники пріобрѣтать продающіяся земли, то, конечно, каждый изъ такихъ покупателей, соображаясь съ имѣющимися у него средствами, будетъ стремиться пріобрѣсть очень небольшой кусочекъ землицы. Однако, мы уже указывали, что именно тамъ, гдѣ такое стремленіе къ пріобрѣтенію должно выразиться наиболѣе интенсивно,—тамъ мелкое земледѣльческое хозяйство не имѣетъ никакой почвы. Благодаря этому такіе покупщики въ ближайшемъ будущемъ окажутся несостоятельными и государство или вынуждено будетъ сложить долгъ или пустить ихъ по міру, продавая ихъ земельные участки; а если послѣдніе попадутъ вновь въ руки такихъ-же малосильныхъ хозяевъ, то этотъ процессъ будетъ вновь и вновь повторяться, каждый разъ разоряя въ конецъ временныхъ владѣльцевъ. Въ концѣ концовъ, эти участки попадутъ къ какому-нибудь Колупаеву и въ его цѣпкихъ рукахъ удержатся, но польза для массы крестьянства отъ всей этой операціи будетъ весьма сомнительна.

Если-же земли будутъ продаваться участками такого размѣра, который обезпечиваетъ существованіе ихъ владѣльцевъ, то, какъ указано выше, они должны быть довольно велики и тогда, съ одной стороны, число ихъ можетъ быть сравнительно невелико, а съ другой—покупщиками могутъ явиться только болѣе обезпеченные, т.-е. тѣ-же Колупаевы и процессъ обнищанія крестьянства ничуть не замедлится, если только не ускорится еще. Удастся-ли такимъ путемъ создать хотя-бы такъ называемое сильное крестьянство,—это, при условіяхъ нашей сухой полосы—большой вопросъ. Отрицательный или положительный отвѣтъ на

этотъ вопросъ будетъ зависѣть отъ того, сочтетъ-ли государство свою задачу выполненной простой передачей земель крестьянамъ или оно (или органы мѣстнаго самоуправленія) придетъ на помощь населенію соотвѣтствующими агрикультурными мѣрами. Мы говорили, однако, что такія мѣры для этой полосы вообще не легко отыскать, а по скольку онѣ извѣстны, то съ увѣренностью можно говорить только о вліяніи такъ называемыхъ меліоративныхъ мѣропріятій, которыя требуютъ съ одной стороны значительной затраты капитала, а съ другой — должны быть выполнены на довольно значительномъ пространствѣ, чтобы вліяніе ихъ обнаружилось достаточно рельефно и, къ тому-же, это вліяніе скажется во всякомъ случаѣ не сразу, а черезъ довольно продолжительный промежутокъ времени послѣ ихъ выполненія.

Если-же принять во вниманіе, что число такихъ маленькихъ крестьянскихъ хозяйствъ должно быть значительно менѣе современнаго крестьянскаго населенія сухой полосы, то ясно, что и при этомъ долженъ образоваться значительный контингентъ вполнѣ пролетаризованнаго населенія.

Словомъ, мы должны признать тотъ фактъ, что среди современнаго русскаго крестьянства, особенно тѣхъ областей, которыя мы назвали сухими, и теперь уже есть огромная масса пролетаріевъ и уничтожить эту массу или даже сколько-нибудь чувствительно уменьшить ее путемъ увеличенія крестьянскаго землевладѣнія, совершенно невозможно. Нужно, слѣдовательно, изыскать иныя мѣры для воспособленія крестьянству; точнѣе говоря, нужно думать не о крестьянствѣ, какъ земледѣльческомъ населеніи, а вообще о населеніи данной области и стремиться создать такія условія, при которыхъ это населеніе перестало-бы умирать съ голоду, хотя-бы для этаго оно должно было перестать быть крестьянскимъ, т.-е. земледѣльческимъ. Это положеніе вытекаетъ изъ всего, сказаннаго въ предъидущемъ и есть простое слѣдствіе того закона, который гласитъ, что *емкость страны по отношенію къ цифрѣ земледѣльческаго населенія зависитъ на первомъ мѣстѣ отъ естественныхъ ея условій, а затѣмъ отъ уровня земледѣльческой культуры, при чемъ послѣдняя, въ свою очередь, опредѣляется развитіемъ общественнаго раздѣленія труда, т.-е. наличностью, рядомъ съ земледѣльческимъ населеніемъ, значительнаго контингента населенія, занятаго внѣземле-*

дѣльческими промыслами. Конечно, и возможность концентраціи на данной территоріи большаго или меньшаго количества населенія, занятаго внѣземледѣльческими промыслами, въ концѣ концовъ, опредѣляется естественными условіями страны, напр. нахожденіемъ или отсутствіемъ минеральныхъ богатствъ, близостью моря и, въ связи съ послѣднимъ, развитіемъ рыболовства и мореходства и т. п.

Въ разсужденіяхъ нашихъ народниковъ земледѣльческое населеніе всегда противополагалось населенію промышленному: предполагалось, какъ будто, что тамъ, гдѣ имѣется значительный контингентъ промышленнаго населенія, тамъ населеніе земледѣльческое должно отсутствовать. Эту точку зрѣнія усвоили себѣ, повидимому, и всѣ русскія такъ называемыя передовыя партіи начиная отъ кадетовъ до эсъ-эровъ. На самомъ-же дѣлѣ вѣрно какъ разъ обратное: только присутствіе значительнаго контингента промышленнаго населенія создаетъ возможность существованія въ данной области и значительнаго количества населенія земледѣльческаго, ибо только тогда возможно (по скольку, по крайней мѣрѣ, мы будемъ имѣть въ виду страны умѣреннаго пояса, гдѣ невозможна культура субтропическихъ растеній, хлопчатника и т. п.) развитіе мелкаго земледѣльческаго хозяйства, которое и можетъ только занять значительный контингентъ земледѣльческаго населенія.

Но, конечно, самое развитіе мелкаго земледѣльческаго хозяйства связано съ существованіемъ извѣстныхъ отраслей земледѣльческаго производства, а послѣднія, въ свою очередь, могутъ имѣть мѣсто въ различныхъ районахъ по стольку, по скольку это дозволяютъ естественныя условія данной области. Пока мы не научились радикально преобразовывать природу страны, мы должны, слѣдовательно, мириться съ тѣмъ обстоятельствомъ, что въ одномъ районѣ болѣе процвѣтаетъ крупное хозяйство, а въ другомъ, наоборотъ, мелкое; перемѣстить одну изъ этихъ формъ на мѣсто другой мы не въ состояніи, какія-бы мы ультра-революціонныя мѣры ни проводили.

Всѣ эти положенія забываются или они совершенно невѣдомы составителямъ проектовъ аграрныхъ реформъ какъ изъ кадетскаго, тикъ и изъ соціалистическаго лагеря; поэтому-то эти проекты оказываются или совершенно невыполнимыми или не достигающими цѣли.

XVII.

Читатели наши ждутъ, можетъ быть, что мы предложимъ свой проектъ аграрной реформы. Мы, однако, отнюдь не задавались этой цѣлью и находимъ настоящій моментъ совершенно неблагопріятнымъ для проектированія чего нибудь существеннаго. Такое заключеніе покажется, вѣроятно, многимъ ультра-еретическимъ. «Какъ!» скажутъ намъ, «народъ страшно бѣдствуетъ и вмѣстѣ крайне возбужденъ,—онъ ждетъ, чтобы было сдѣлано что нибудь въ его пользу, а вы находите несвоевременнымъ даже проектировать какія-либо мѣры»!

На это мы отвѣтимъ, что «какія-либо» мѣры, конечно, могутъ быть приняты: но мы не ожидаемъ отъ нихъ ни серьезнаго подъема народнаго благосостоянія, ни даже сколько нибудь продолжительнаго успокоенія въ массахъ земледѣльческаго населенія.

И мы думаемъ, что если-бы гг. конституціоналисты-демократы передъ выборами въ первую Государственную Думу не выставляли платформы, въ которой аграрный вопросъ былъ выдвинутъ на первое мѣсто, то и дѣятельность первой Думы была-бы гораздо плодотворнѣе, да, вѣроятно, намъ не приходилось-бы теперь переживать того бѣлаго и краснаго террора, который свирѣпствуетъ чуть не по всему лицу земли русской. Мы говоримъ только объ этой партіи, по причинамъ, которыя мы отчасти уже указывали. Здѣсь напомнимъ, что вѣдь это была единственная партія (не считая крайне малочисленной правой), которая шла въ Думу, какъ говорилось въ рѣчахъ ея лидеровъ и въ издаваемыхъ ею газетахъ,—ради того, чтобы совершить органическую работу, а не просто для того, какъ объявляли болѣе лѣвые, чтобы взорвать Думу извнутри или чтобы революціонизировать общество своими рѣчами. Задаваясь-же задачей работать въ цѣляхъ хотя-бы постепеннаго преобразованія существующаго государственнаго строя, партія должна была отнюдь не ставить рѣзкой формулы рѣшенія такого сложнаго вопроса, какъ аграрный. Она должна была ясно сознавать, что рѣшеніе его, даже гораздо болѣе умѣренное, требующее гораздо менѣе жертвъ со стороны заинтересованныхъ лицъ, чѣмъ по предложенной ею схемѣ, а можетъ быть, даже вообще всякое рѣшеніе этаго вопроса,—встрѣтитъ очень много возраженій и массу техническихъ трудностей при самомъ выполненіи задачи, и потому уже не можетъ послѣдовать

скоро. И на это она должна была указать. Представители крайнихъ лѣвыхъ, стремившіеся только революціонизировать общество, не задаваясь цѣлями достигнуть чего-либо въ смыслѣ улучшенія положенія массы въ ближайшемъ будущемъ, конечно, могли или даже,—въ виду поставленной ими себѣ цѣли,—должны были выступить со всякими обѣщаніями, заранѣе зная ихъ совершенную невыполнимость. Кадеты-же, разъ они дѣйствительно желали теперь-же создать нѣкоторое улучшеніе положенія, не имѣли права (конечно, нравственнаго) выступать съ обѣщаніями, невыполнимость которыхъ должна была быть ясна имъ. Выступивъ-же съ обширными требованіями въ области аграрнаго вопроса, они содѣйствовали тому революціонизированію общества (точнѣе народныхъ массъ),—надъ которымъ работали уже вполнѣ намѣренно крайнія лѣвыя партіи. Такое революціонизированіе не могло быть ни въ пользу кадетской партіи, ни, тѣмъ болѣе, въ пользу мирнаго разрѣшенія кризиса вообще, о которомъ кадеты не переставали говорить. Для достиженія такого мирнаго разрѣшенія они должны были,—вмѣсто того, чтобы стремиться заявить себя не менѣе демократичными, чѣмъ крайнія лѣвыя, выставить рѣзче болѣе свойственный имъ лозунгъ—добываніе гражданской свободы, ибо, въ концѣ концовъ, эта партія и была ничѣмъ инымъ, какъ партіей добыванія гражданской свободы и въ этомъ смыслѣ вполнѣ можетъ быть названа буржуазной партіей, ибо выступленіе буржуазіи всегда и вездѣ характеризуется именно требованіемъ гражданской свободы.

И партія, какъ будто начинала сознавать это свое назначеніе, переименовавшись передъ самыми выборами въ Думу въ партію народной свободы. То обстоятельство, что подъ этимъ именемъ она сдѣлалась, въ концѣ концовъ, несравненно болѣе извѣстной обширнымъ кругамъ населенія и особенно населенія городского, объясняется, по нашему мнѣнію, не только тѣмъ, что терминъ «народная свобода» гораздо болѣе понятенъ малообразованнымъ классамъ, чѣмъ старое названіе партіи,—какъ старались объяснить этотъ фактъ кадетскія газеты,—но также и тѣмъ, что тѣ приказчики и мелкіе торговцы и всякіе иные люди, баллотировавшіе за представителей партіи въ городахъ, очень слабо были ознакомлены съ платформой партіи и видѣли таковую въ самомъ ея названіи. И если-бы партія не обманула ожиданій этихъ выборщиковъ и избирателей, то должна была-бы,—въ противовѣсъ

болѣе крайнимъ партіямъ,—объявить, что она добивается прежде всего свободы и всѣ другіе вопросы отодвигаетъ на задній планъ. Представители партіи, однако, видимо боялись оттолкнуть такой откровенностью отъ себя весьма многочисленную въ Думѣ группу крестьянства, полагая, что послѣдняя не пойметъ значенія свободы для удовлетворенія ея экономическихъ требованій [1]). Мы думаемъ, что это опасеніе было совершенно неосновательно, хотя оно очень характерно для представленія кадетовъ объ ихъ желательныхъ союзникахъ крестьянахъ. Крестьянинъ, конечно, можетъ быть, не понялъ-бы всего значенія свободы печати и даже свободы союзовъ (хотя послѣднее и очень сомнительно), но онъ, безъ сомнѣнія, отлично понялъ-бы всю важность для него лично свободы отъ власти земскаго начальника.

И мы увѣрены, что дѣйствительное освобожденіе крестьянъ отъ ига этой «близкой власти» пріобрѣло-бы партіи больше союзниковъ, чѣмъ обѣщаніе земельки, которое партія не въ состояніи была выполнить и которое оказалось поэтому только журавлемъ въ небѣ, вмѣсто котораго требовалось дать для начала синицу въ руки, хотя-бы въ видѣ ликвидаціи власти земскаго начальника. А между тѣмъ, такая ликвидація стояла въ непосредственной связи съ преобразованіемъ земскихъ учрежденій и едва-ли можно сомнѣваться, что ограничившись по отношенію къ этой реформѣ на первый разъ удободостижимымъ минимумомъ,—въ видѣ, напримѣръ, распространенія на всю Россію хотя-бы земскаго положенія 1864 года въ его первоначальномъ видѣ,—партія не вызвала бы значительнаго противодѣйствія ни со стороны Государственнаго Совѣта, ни даже, можетъ быть, со стороны самой правящей бюрократіи [2]). Предположивъ-же удачу въ этомъ

[1]) Сообщенія о гельсингфоргскомъ съѣздѣ кадетовъ вполнѣ подтверждаютъ высказанное здѣсь предположеніе. Какъ ни стараются гг. Набоковъ и Кизеветтеръ замазывать и оправдывать тактику парламентской секціи, все-же совершенно опредѣленно можно заключить, что кадетская партія во многихъ случаяхъ оказывалась не руководящей, а руководимой. Это имѣло, какъ видно изъ преній, мѣсто именно тогда, когда Дума выступала съ наиболѣе рѣзкими своими заявленіями.

[1]) Передъ отправленіемъ въ типографію рукописи мы получили № 242-й „Русск. Вѣдом.“ со статьей г. Имшенецкаго: „Вопросъ о мѣстномъ самоуправленіи въ Государственной Думѣ“. Къ удивленію нашему оказывается, что гг. кадеты понимали подъ реформой „мѣстнаго самоуправленія“ только измѣненіе земскаго и городского „положеній“, дѣй-

предпріятіи, мы должны допустить, что партія, да и вся Дума создали-бы себѣ очень много приверженцевъ, и—что главное,—показали-бы, что они дѣйствительно имѣютъ въ виду интересы всего государства, а не интересы хотя и большого, но все-же только одного, главнымъ образомъ, района. Такимъ именно, чисто районнымъ, интересомъ представлялось всѣмъ депутатамъ западныхъ губерній настойчивое выдвиганіе аграрнаго вопроса въ той, особенно, редакціи, какая предлагалась, какъ выраженіе «основныхъ принциповъ» разрѣшенія его и которая, какъ мы уже говорили, не могла не оттолкнуть отъ кадетовъ представителей западныхъ окраинъ.

Но и еще одно соображеніе должно было, казалось бы, побуждать кадетовъ направить дѣятельность, прежде всего, въ эту сторону, т.-е. озаботиться проведеніемъ реформы мѣстнаго самоуправленія и введенія таковаго тамъ, гдѣ его совсѣмъ не было. Очевидно, что эта реформа почувствовалась-бы сразу всей массой населенія и при томъ гораздо сильнѣе и скорѣе, чѣмъ какое-бы то ни было радикальное преобразованіе центральныхъ органовъ управленія и создало-бы въ массахъ уже вполнѣ сознательное сочувствіе конституціонному образу правленія, господству Думы. Теперь-же эта реформа остается очень большимъ козыремъ въ рукахъ правящей бюрократіи и, конечно, массы будутъ вполнѣ на сторонѣ послѣдней, если она проведетъ эту реформу помимо Думы, чтобы ни взывали кадетскія газеты о попраніи основныхъ законовъ, которое теперь, послѣ роспуска Думы, такъ любятъ они ставить въ вину министерству. Оставивъ-же этотъ козырь въ рукахъ бюрократіи, кадеты дали послѣдней небезосновательное право разсчитывать, что ей удастся создать, даже при всеобщемъ избирательномъ правѣ, такую Думу, которая будетъ если не вполнѣ черносотенной, то, во всякомъ случаѣ, болѣе правой, чѣмъ первая. А вмѣстѣ съ тѣмъ шансы кадетовъ попасть въ новую Думу будутъ крайне малы и партія окажется представленной въ ней развѣ что немногими единицами.

ствующихъ въ земскихъ губерніяхъ и даже не дерзнули допустить распространеніе земства на другія, не пользующіяся имъ теперь, хотя и чисто русскія губерніи. Тѣмъ менѣе имъ приходило въ голову возстановить выборныхъ мировыхъ судей взамѣнъ земскихъ начальниковъ. Очевидно и этотъ проектъ очень мало могъ облагодѣтельствовать Россію и въ частности крестьянство; но онъ можетъ служить наилучшимъ доказательствомъ сказаннаго нами о происхожденіи и составѣ партіи.

XVIII.

Въ заключеніе резюмируемъ еще разъ выводы, къ которымъ мы пришли. Во 1-хъ, мы показали, что аграрный вопросъ, какъ онъ ставился думскими партіями,—вовсе не является вопросомъ общегосударственнымъ, а вопросомъ чисто районнымъ. И первой ошибкой въ постановкѣ вопроса было именно признаніе требованій крестьянъ сравнительно небольшого района требованіями всего русскаго крестьянства. Во 2-хъ, мы показали, что и для того района, откуда прежде всего шли требованія о прибавкѣ земли, добавочное надѣленіе даже только наиболѣе обдѣленныхъ крестьянъ, если и возможно, то въ такомъ микроскопическомъ размѣрѣ, который не улучшитъ положенія массы крестьянства и, во всякомъ случаѣ, не обезпечитъ ей того минимума средствъ существованія, при которомъ она была-бы избавлена отъ вѣчнаго голоданія, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ (чтобы не сказать въ большинствѣ) еще ухудшитъ, лишивъ послѣдней возможности заработка на сторонѣ, каковымъ въ зерновыхъ районовъ служитъ теперь почти исключительно работа въ хозяйствѣ сосѣдняго крупнаго владѣльца. Это положеніе имѣетъ значеніе для всего нашего черноземнаго и степного района, т.-е. для всей той полосы, гдѣ проявлялось наиболѣе интенсивно стремленіе къ захвату помѣщичьихъ земель. Этотъ выводъ иначе можетъ быть выраженъ такъ: вся указанная полоса уже теперь должна быть признана перенаселенной въ смыслѣ именно избытка земледѣльческаго населенія, которое могло-бы возрасти противъ существующаго и при этомъ благоденствовать, только при условіи развитія въ этой области значительной промышленности, для каковаго существуютъ, однако, серьезныя препятствія въ естественныхъ условіяхъ страны, помимо нѣкоторыхъ, относительно легко устранимыхъ ошибокъ государственной экономической политики,

Что-же касается первой Государственной Думы, то нашъ выводъ сводится къ тому, что коренной причиной ея неудачнаго выступленія является ея составъ, который, въ свою очередь, явился неизбѣжнымъ слѣдствіемъ дѣйствующаго избирательнаго закона. Если «руководящая», или долженствовавшая быть такой партія народной свободы, въ концѣ концовъ, оказалась «руко-

водимой» гораздо менѣе интеллигентными лѣвыми группами, то это не столько зависѣло отъ состава этой партіи и преслѣдуемыхъ ею интересовъ, сколько отъ присуствія въ Думѣ очень значительнаго контингента малосознательныхъ элементовъ, въ лицѣ представителей крестьянства. Малосознательность-же послѣднихъ обусловливалась, такъ же какъ ихъ численность, порядкомъ избранія ихъ и (помимо четырехэтажности выборовъ) главнымъ образомъ обязательностью избранія представителей изъ числа выборщиковъ при полномъ отсутствіи, при томъ, возможности предвыборной борьбы различныхъ партій въ самой деревнѣ.

XX.

Въ заключеніе одно теоретическое замѣчаніе. Намъ кажется, что представители всѣхъ русскихъ партій слишкомъ отрицательно и потому несправедливо относятся къ правилу: laissez faire, laissez passer. Какъ извѣстно, это правило требуетъ возможно малаго вмѣшательства государственной и общественной власти въ людскія отношенія, возникающія на почвѣ экономическихъ интересовъ. Современныя научныя теоріи отрицаютъ это правило и, конечно, не безъ основанія. Но нужно имѣть въ виду, что это положеніе, какъ и всякое другое, которымъ руководились люди въ извѣстный историческій моментъ, несомнѣнно имѣетъ жизненное основаніе. Исторія дѣйствительмо показываетъ намъ, что въ тотъ моментъ, когда провозглашено было это правило, важнѣйшей потребностью общества,—удовлетвореніе которой являлось насущно-необходимымъ въ видахъ дальнѣйшаго развитія экономической жизни,—было освобожденіе отъ различныхъ путъ, стѣснявшихъ свободу именно въ области экономическихъ отношеній. Переживаемый Россіей историческій моментъ именно таковъ, что требуетъ, прежде всего, добыванія различныхъ свободъ, а не тѣхъ или иныхъ экономическихъ или соціальныхъ реформъ. Эти реформы, безспорно, также необходимы, но они могутъ быть осуществлены только послѣ того, какъ будетъ добыта свобода, безъ которой немыслимо даже опредѣлить, хотя бы только съ грубымъ приближеніемъ, ни истинныхъ желаній народа, ни тѣхъ мѣръ, проведеніе которыхъ должно послужить для подъема благосостоянія населенія. Исходя изъ этаго соображенія, мы признаемъ всѣ тѣ мѣры опеки мужика, которыя проектируются

подъ громкимъ именемъ огосударствленія или соціализаціи земли и т. п., или мотивируются желаніемъ охранить мужика отъ его собственной неосторожности и т. п.,—крайне вредными и думаемъ, что они должны быть категорически отвергнуты. Вмѣстѣ съ тѣмъ должны быть сняты и тѣ путы, которыя налагаетъ общинный строй и всякія полицейскія вмѣшательства въ жизнь народа,—въ видѣ-ли запрещенія обществъ и союзовъ, или въ видѣ обязательнаго привлеченія къ тому или другому вѣроисповѣданію или употребленію того или иного языка, или въ видѣ ограниченія или регламентаціи (напр. требованія разрѣшенія властей) того или иного производства и т. п. Мы глубоко убѣждены, что снятіе всѣхъ этихъ стѣсненій въ гораздо большей мѣрѣ подниметъ благосостояніе всего русскаго народа,—въ томъ числѣ и крестьянства, чѣмъ грошовая подачка въ видѣ прирѣзки земли крестьянамъ по кадетской нормѣ.

Для насъ положенія эти настолько очевидны, что доказывать ихъ просто совѣстно. Напомнимъ только для примѣра, что весьма симпатичная по идеѣ концентрація всѣхъ желѣзныхъ дорогъ въ рукахъ государства ничего не принесла Россіи, кромѣ вреда; равнымъ образомъ и объединеніе тарифовъ желѣзныхъ дорогъ, которое защищаютъ всѣ спеціалисты желѣзнодорожнаго дѣла, привело у насъ къ тѣмъ результатамъ, на которые мы указывали выше.

И такъ должно быть вездѣ, пока не существуетъ у общества тѣхъ основныхъ правъ, о которыхъ мы говорили.

Считая, что изъ всѣхъ русскихъ партій только партія народной свободы способна проникнуться этими идеями, которыя по существу соотвѣтствуютъ ея внутреннему содержанію, мы и говорили почти только о ней. Повторяемъ, поэтому, въ заключеніе что эта партія должна познать самое-себя, признать, что ея единственной задачей пока можетъ быть только добываніе свободы народу и на первомъ мѣстѣ экономической свободы, и отбросить всѣ тѣ возгласы о разрѣшеніи аграрнаго и рабочаго вопроса, которые она включила въ свою программу только изъ «тактическихъ соображеній». Отбросить эти положенія, т.-е. выключить изъ платформы нужно не потому, что партія въ принципѣ не сочувствуетъ имъ, а потому, что она признаетъ необходимымъ прежде всего добыть свободу. Объ остальномъ-же она должна признать несвоевременнымъ говорить теперь, точно такъ,

какъ она благоразумно рѣшила на гельсингфорскомъ съѣздѣ, что говорить теперь о бойкотѣ воинской повинности, или вообще о пассивномъ сопротивленіи въ какой-либо области,—неблаговременно. Только послѣ такого метаморфоза партія можетъ удержать за собою руководящую роль и въ будущей Думѣ, какъ-бы не былъ измѣненъ избирательный законъ. Необходимость-же измѣненія избирательнаго закона, даже съ точки зрѣнія правящей бюрократіи, ясна изъ сказаннаго выше,—предполагая, конечно, что бюрократія не имѣетъ въ виду, воспользовавшись неудачей второй Думы, возвратиться къ прежнему строю и совершенно отмѣнить и положеніе о Думѣ и вновь изданные Основные Законы.

